

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2015

© Copyright 2015 by authors.
All rights reserved. No part of this book may
be reproduced or transmitted in any form or
by any means without permission in writing from
the authors.

ISBN 978-0-9806821-9-9

Design and Art work:
Graphics:
Faina Zilp
Paintings from:
Robert Shlimak, Faina Zilp,
Klara Jakobson, Sergey Pashkov,
Nikolay Sekushin

Cover design:
Zalman Shmeylin

Literary Creative Association
“LUKOMORIE” Inc

Printed in Australia
Melbourne
2015

ПОЭЗИЯ ЯИЗЭОП

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Анатолий Юрьевич Аврутин - поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Симеона Полоцкого, «Литературный европеец» (Германия), им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Бориса Корнилова «Дорога жизни», им. Константина Бальмонта (Австралия), всероссийских премий им. Антона Чехова, «Белуха» им. Г.Д.Гребенищикова, «Герой нашего времени», «Русь единая», им. Николая Минского, годовых премий журналов «Аврора», «Молодая Гвардия» и др. Публиковался в «Литературной газете», «Дне поэзии», журналах «Москва», «Юность», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Нева», «Аврора», «Невский Альманах», «Север», «Дон», «Подъем», «Литературный европеец» (Германия), «Мосты» (Германия), «Студия» (Германия), «Витражи» (Австралия), «Венский литератор» (Австрия), «Пражский Парнас» (Чехия), «Альманах поэзии» (США), газетах «Литературная Россия», «Обзор-weekly» (США), «Обзор-плюс» (США), «Соотечественник» (Австрия), «Россия-Русия» (Болгария) и др. Живет в Минске.

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»
Забившись в уголок дивана,
Я слушал - кроха в два вершка,-
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.

Мне мама Пушкина читала -
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвездно,
Что сказка - это не всерьез,
Мы знали - папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принес.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала -
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю -
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу - золотится взгляд...

Ночные стихи

Напрасно... Слова, как «антонов огонь»,
Сжигают души не сгоревшую малость.
Уже из ладони исчезла ладонь,
Что, вроде, пожизненно мне доставалась...
А следом поношенный плащик исчез,
Что вечно висел на крючке в коридоре.
Ни женских шагов, ни скрипучих завес,
И сами завесы отвалятся вскоре...
Всё стихло... Лишь полночью схвачен этаж
За меркнувшей лампочки узкое горло.
И чувствуешь - всё, что копилось, отдашь,
Чтоб только мгновения память не стерла,
Когда в глубине потрясенных зрачков
Растерянный облик спешит проявиться,
И сам ты в зрачках отразиться готов,
И платье вдоль ждущего тела струится...
Как всё это призрачно... Тени спешат
Впечататься в бледную кожу обоев -
Туда, где впечатан испуганный взгляд,

Один на двоих... И предавший обоих...
Причем здесь трагедия?! Горе уму...
Здесь даже Шекспир разберется не шибко.
И тьма обращается в новую тьму,
И щепками сделалась звучная скрипка.
Её все вертели - опять и опять, -
С осиною талией божую милость,
Её разломали, пытаюсь понять,
Откуда же музыка в ней появилась?..
Разломана скрипка... И взгляд овдовел...
И надвое полночь в тиши раскололась.
Всё в жизни предельно... Иду за предел...
На тень от беззвучья... На голос, на голос...

Как быстро все это, как скоро!..
Уходит эпоха.
Мальчонка стоял у забора -
Тогда еще кроха.

Гадал про концы и начала,
Вздывалась рубаха.
Над озером птица кричала -
Тогда еще птаха.

Кричала светло и несмело
О вещи минуте.
А дерево солнца хотело -
Тогда еще прутик.

Листочки в зеленых накрапах,
На листиках - жилы.
И были и мама, и папа
Тогда еще живы...

Стоял тот мальчонка, не зная
Путей к пьедесталам.
И туча была грозовая
Лишь облачком малым...

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжело гадаю,
Не поможет здесь даже Господь,--
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда -
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил - откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что подобны на детский наив, -
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в неприявленной дали
Растворяются тени теней,
Чую - токи идти перестали
А вокруг всё - мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохляя гать,
И всё Бога пытаю: «Я - божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

Который день, который год,
Труд не сочтя за труд,
И в урожай, и в недород
Их сумрачно ведут.

Штыками тени удлиня,
Ведут, как на убой.
Лениво чавкает земля
От поступи больной.

Лениво падает лицом
Один - в сплошную грязь.
О нет, он не был подлецом,
Но жизнь не задалась.

Лениво обойдет конвой
Обочиной его.
Лишь ворон взмост по кривой,
А больше - ничего...

И снова, унося в горбах
Свою святую Русь,
Идут кандальники впотьмах
И шепчут: «Я вернусь...»

И снова падает другой
На этот грязный снег.
И год иной... И век иной,
Но тот же - человек.

Негромкий выстрел... Глохнет тишь
От поступи колонн.
Куда отсюда убежишь? -
Из плена да в полон.

Да и не думают бежать
Бредущие толпой.
Они и есть - Святая Рать,
Когда нагрянет бой.

Им просто выдадут штыки,
Ружье на восемь душ...
И станут звезды высоки,
И ворог бит к тому ж...

И, значит, тень свою влача,
Топтать им мерзлый наст.
А орден с барского плеча
Страна конвойным даст...

Эта робкая сирость нищающих тихих берез...
Снова осень пришла... Все опять удивительно просто -
Если ветер с погоста печальные звуки донес,
Значит, кто-то ушел в ноздреватое чрево погоста.

И собака дичится... И женщину лучше не трожь -
Та похвалит соседку, потом обругает её же...
И пошла по деревьям какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь не дает успокоиться коже.

Только женские плачи все чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю, не будет иначе--
Если в стылую осень я вдруг упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие женские плачи.

Постоишь у колодца... Почувствуешь - вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь походкой тяжелой.
Но успеешь услышать, как булькнет у самого дна
Та ночная звезда, что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра в зенит вознесется, слепя
Обитателей теплых и похотью пахнувших спален...
И звезду пожалеешь... И не пожалеешь себя...
Да о чем сожалеть, если сам ты и хмур, и печален?

Постою... Помолчу...
Постелю в головах полотенце,
Полувысохшей веткой
вокруг очерчу полукруг...
И услышу далекий, тревожащий голос младенца,
И просыплются крошки
из влажных и вздрогнувших рук.

Как тревожно душе
среди этой тоски голубиной,
Как светло и печально
врастают в закат дерева!..
И калина-малина вновь стала калиной-малиной,
И седую травую
вновь стала седая трава.

Этот брезжущий свет...
Эти листья в багровых накрапах,
Эта тихая нежность,
что тайно щекочет гортань...
Этот чахлый птенец на подкрыльях своих косолапых,
Что забился в кустарник
и смотрит: «Попробуй, достань...»

Как пронзительно всё!
Как мучительно всё и напрасно!
И душа вечереет,
и дымка вползает во взгляд...
Но струится над болью таинственный свет непогасный
И согбенные птицы
куда-то летят и летят...

По раскисшей тропе, оступаясь, пройти
И в конце зарыдать почему-то.
Оттого ли, что прочие сбились с пути,
Оттого ли, что в памяти люто...

Ну а следом, упав на жестокий песок,
Пропускать сквозь тщедушное тело
Тот глубинный, колючий, но сладостный ток,
От которого высь закипела.

И когда все терзания вверх воспарят,
Все метания, стоны и плачи,
Ты оставишь себе только память и взгляд,
Чтобы взгляд этот память иначе.

Пусть замечется он, робок и одинок,
Чуть отметив, что дождик закапал,
Чтобы выхватить челку... И пальчики ног...
И одежду, упавшую на пол...

Только миг просветленья... А после - провал,
После - черная эта минута.
Будто брел человек и куда-то пропал,
И забыли его почему-то...

Глухари токуют в глухомани...
Пробубнив до самого темна,
Глухариха вскрикнет... И обманет...
Потому, что женщина она.

И к ночи в притихшем перелеске,
Где ты, зачарованный, стоишь,
Только тишь да этот свет нерезкий...
Свет нерезкий... И ночная тишь...

Захлебнется фонарь,
осторожная тенькнет синица,
Неподкупные звезды
уйдут в непроглядный зенит.
И стрела полетит,
Чтоб назад уже не возвратиться...
А вослед ей вторая - сквозь время!-
Стрела полетит.

Будет вещий ворчун
ворожить среди сизого мрака,
Доставая уголья
худой пятерней из костра.
И по-волчьи завоюет
молчавшая долго собака,
И утихшая боль
Вновь окажется так же остра.

Изможден и не сыт,
Будто воин, бредущий из плена,
Чахлый куст осторожно
уронит дрожащую тень
На ночных ходоков -
и у тех посинеют колена,
На горбатый плетень -
станет только горбатей плетень.

Заалеет восток...
И слегка просветлевшие лица
Обратят на него
сиплый сторож и жалкий ходок.
И тому ходуку
вдруг стрела меж лопаток вонзится,
Ну а следом - вторая...
И почва уйдет из-под ног...

Сторож спятит с ума -
жил приятель и вмиг его нету.
Кто убил его в спину?..
За что?.. За какие дела?..
Как ему объяснить,
что стрела обогнула планету -
Это души пустеют,
Планета всё так же кругла...

ГРИГОРИЙ АМБУРГ

*Родился и вырос в совдепии... в Узбекистане.
Образование моё - экономическое. В 1990 году
эмигрировал в Израиль. В 2009 - переехал в Австралию.
Страстный поклонник авторской песни. Потому и сам написал более
ста стихотворений (песен) и рассказов.*

Из разговора с дальтоником

У дальтоника с цветом - проблема.

Всем известно, ну как ни крути.

Всякий раз возникает дилемма:

Как проезжую часть перейти,

Огурец с помидором не спутать;

Не одеть разноцветную обувь;

Непонятное что-то не кушать,

Понапрасну не мучиться чтобы.

У дальтоника с цветом - забава.

Нет конца этой странной игре.

Непонятно все слева и справа:

Осень - в мае, весна - в сентябре.

Ну а как же блондинки, брюнетки?

Ведь мешают бесцветия пути!

Был ответ очень быстрым и метким:

"Есть другие у них атрибуты"

Разночтение

Сломался компьютер, какое несчастье!

В душе, как в печи, разгораются страсти!

Нет места глазам, да и руки не в деле

(Какие-то части к чертям полетели).

Когда ты ни сеешь, ни косишь, ни плавишь;
Зависишь от стула и маленьких клавиш;
Экран, как девица, волнует и манит;
Зовет за собой, а потом - перестанет,-
Проблема возникла: весь мир непригляден!
Сломался компьютер, да будь он неладен!....

Не верьте! Неправда! Словами играю!
Я счастлив! Свободен! Живу! О-т-д-ы-х-а-ю!

Читаю Швейка

Читаю " Швейка". Уж в который раз!
Смакую слог: абзацы за абзацами.
И вижу: юмор сей жестокий, без прикрас,
Совсем не зря на мир зубами клацает.

Истории невымысленный ход -
Борьба за святость? Нет. За святотатство!
Призвали Швейка,- воевать идет,
Не прекращая глупо (?) улыбаться.

Он незаметно оплюет того, кто смел
Душонку спрятать под прикрытием мундира,
Пройдет сквозь передряги, выйдет цел,
В дороге обойдется без кумира.

Сарказм и смех. На грани, у черты
(Пусть для других - ужимки идиота),-
Спасают от всесилья пустоты,
Царящей в мире. Это – тоже что-то!

Все так же валят “швейковцы” гурьбой
По передрягам неизбывным этим:
Вдруг повезет прожить самим собой.
А уцелеть и выжить всем ли светит?

Жду музу...

Жду музу, слушая музОн,
Глаза прикрыв, перебирая темы.

Порой впадая в полусон,
Где блекнут внешние проблемы.

Где появляется мираж,
Обманивая ощущения.
И пролетают (страшно аж!)
Весьма престранные виденья.

Слегка глотнуть бы тишины
(Вокруг, увы, совсем нетихо),
Побег продолжить в полусны,
Ах, как бы это было лихо!

Недружелюбная среда
Все будит, будит для чего-то.
Оглянешься и скажешь: "Да,
Был дивным сон, теперь - дремОта!

Нажимаю на точки

Позабыв про любые микстуры,
Поделивши себя на кусочки,
В соответствии с акупунктурой,
Вот, сию, нажимаю на точки.

Увлекает меня это очень!
Пальцы бегают как по баяну!
Нет, не вял, а упруг я и сочен.
Остальное все - по барабану.

Уши тру по утрам аккуратно.
Тычу пальцем по ним неуклонно.
Прохожусь по ушам многократно,
Стимулируя важные зоны.

Одержимый затеей такою,
Как я счастлив в своем постоянстве!
Стал я точкой большою одною
В неоглаженном этом пространстве!

О целях

Все мы - особи и особы
В неумном стремлении своем
Дотянуться до цели чтобы
Постоянно куда - то прем

Цель меняет свое обличье
И, зовуще раззявив рот
За собою упорно кличет
Непонятной тропой ведет

Все равно: велика иль ничтожна
Будоражит опять и опять
Утверждает: я здесь, я возможна
Позволяя себя поласкать

Все мы - особи и особы
Ищем новый рубеж-потолок
Ведь желания наши особы
Но, в итоге, всегда ли впрок?

Вновь беременны новым желаньем
Попадаем опять в переплет
Не научены прошлым знанием
Продолжаем толкаться вперед

Буд –то оползни или сели
Нарушая непрочный покой
Нам на голову падают цели
Направляемы чьей-то рукой

Становится меньше смешного

Смеюсь над собой, над другими подчас:
Что ж сделать, я нрава такого.
Но должен отметить без всяких прикрас:
Становится меньше смешного

Работает опыт - так кажется мне:
Неноевидится снова

И грусть подступает на этой волне:
Становится меньше смешного

Порою в усмешке искривится рот
От глупого дела и слова
Лишь так, ненадолго. И сразу пройдет:
Становится меньше смешного

Творится вокруг непонятный бедлам:
Куда-то бредем бестолково.
За мир этот дохлой букашки не дам.
Становится меньше смешного

ИВАН БОЧКАРЕВ

Самобытный русский поэт, родившийся в Северном Китае в зоне КВЖД, ныне живущий в далёкой Австралии. Вдали от России ему удалось сохранить любовь к русскому языку, русской культуре, русским традициям. Основные темы стихотворений И. Бочкарёва — Россия и её народ, любовь и разлука, размышления о жизни, о природе, о поэтическом творчестве

ДЕТСТВО

Хочу я снова стать ребенком,
Годам вернуться к четверем,
Быть неусидчивым чертенком
Над скучным толстым букварем.
Тогда зубрил я текст упрямо,
Твердя за слогом новый слог.
Одно лишь только слово — «мама»
Писать я сам в те годы мог.
Но мне не усидеть над книгой -
С природой щедрой рядом рос.
Бежал играть за дальней ригой,
А то к отцу на сенокос.
Влекли так детское вниманье:
И луг, и лес над речкой голубой.
Но лишь «альбом воспоминаний»
Я в дальний путь забрал с собой.
Хотел бы я вернуться в детство
В чужом, но милом мне краю.
Пусть мне не вывезти наследство —
Увидеть родину мою.
Припомнить как цветут ромашки,
Как луг встает росистый, в серебре.

И соловьи, мои родные пташки,
Меня разбудят снова на заре.
А я, подсунув трость подмышку,
И, сняв ботинки, прямиком,
Седой, но сердцем – как мальчишка,
Промчусь по лугу босиком.

ЖЕНЩИНЫ

Пусть мне рай и не будет обещан,
Пусть в аду меня ждет сатана,
Но люблю я смотреть на женщин-
Для меня это слаще вина.
Все они грациозны, красивы,
и у всех обещающий взгляд...
Пробуждает тот взгляд мотивы,
Что лишь в райских садах звучат.
Те мелодии неуловимы,
как забытые рифмы стихов,
Их на крыльях несут херувимы
В аромате волшебных духов...
Разве жизнь проживешь безопасно,
Без огня и без жара в крови?
Хуже, если поддастся соблазну
Платонической чистой любви.
Я от женщин бываю в экстазе,
Я теряю рассудок покой...
Ведь они – не хрустальные вазы,
Что нельзя их потрогать рукой!
И от баб я ищу утешенья
В кабаке за стаканом вина...
Женский пол – для меня искушенье,
А меня любит только одна.

ЖИЗНЕННАЯ РОЛЬ

Я в этот мир явился для страдания,
Чтоб испытать, чтобы измерить боль,
Потом уйти, сказав всем: «До свиданья»,
Сыграв судьбой назначенную роль.
Пока мои в движенье руки, ноги,

Пускай струиться пот со лба,
Я не смогу свернуть с дороги,
Что мне назначила судьба.
Я не стремлюсь ни к должности, ни к чести,
Но горячо Вселенную любя,
Хотелось бы и мне в хорошем месте
Найти местечко для себя.
И пусть я не рожден большим поэтом,
И кем бы только ни был я,
Я не простой пришелец в мире этом -
Всему свидетель и судья.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Я живу, как в железной клетке,
Не простор мне бульвар городской.
Из деревни пришли мои предки,
Ну, а я- я ведь тоже такой.
Я люблю тишину и природу,
И просторы степных пустырей,
Там, где сердце простого народа,
На беду отзовется скорей.
Кто страдает душевною болью,
Там для всех распахнут ворота.
Встретит странников хлебом и солью
Деревенских людей доброта.
Мы не стригли, не брили мы бород,
Рождества не меняли число,
И мне скучным кажется город,
А отрадой родное село.
И отвлекшись на миг от мечтаний,
По секрету скажу, как врачу,
Я устал от далеких скитаний,
Я в деревню вернуться хочу.
Для чего с неизбывною грустью
На чужбине болеть и стареть?
В деревенском глухом захолустье
Я, как предки, хочу умереть.

ЗЕМЛЯКИ

Мы с тобой еще мало знакомы -
Лишь всего-то, быть может, полдня...
И ведь надо ж случиться такому,
Что ты раньше не встретил меня!
Подружиться так быстро смогли мы,
Хоть на дружбу уходят года!
А с тобою мы – как побратимы,
И друг с другом мы будем всегда.
Кто уехал на долгие годы,
Сразу с Родиной связь не порвет,
Не привыкнет к чужому народу -
Русских к русскому сердце зовет.
Твоя родина – город Калуга,
Где слышна ночью песнь соловья...
Мы узнали с полслова друг друга,
Ведь такой же ты русский, как я .
Но не видел ты степи седые
И полеты степного орла...
Век могли б мы прожить в России,
А судьба нас бы и не свела...
Может быть, что когда-то общались
Наши предки, отцы – старики...
На чужбине мы вдруг повстречались -
Оказалось с тобой земляки.

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в 1960 году в городе Среднеуральске. Окончил УПИ в 1983 году. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений - "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах - первый - "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет, второй - роман-дневник в сонетах - "Тезей".

МЕЛЬБУРН

Из окна - двухэтажные домики, -
спальный город, не спальный район,
безмятежная власть экономики,
а в основе - ворьё, как Вийон,
каторжане, мятежники, ссыльные,
протестанты и всяческий сброд,
а места - пасторально-стерильные,
вот и я, как почтеннейший крот,
из страны буераков и подвига, -
что ни день - то лапша, то ботва,
здесь, в стране трудолюбья и отдыха,
восхищенье умножив на два,
или более, выпав в прострацию,
задаю себе вечный вопрос -
для чего мне господь дал ту нацию,
для которой покой - купорос? -
Если б жил я в блаженной Австралии -
сколько б выдержал - год или два?
а в чистилище (ад мой - подальше),
пять десятков гудит голова.
..Сколько зелени, моря, безветрия,
или ветра и с ним - облаков,
вот закончу дурное столетие,
и - в Канберру, от игрищ богов.

Когда-нибудь, под стать манерам,
культура станет эфемером,
потомки не сочтут за труд
забыть язык, покинув лоно
земли, где пали их знамёна,
сокрыв за крыльями гаруд

все звёзды вместе с млечной пеной,
и не сыщу во всей вселенной
ни эха - тени языка,
ни спящей почки, ни созвучий, -
мой бог надеялся на случай,
но ставка слишком высока -

что есть слова? - в чём смысл наречий? -
меняет облик человечесий
то, как мы мыслим и о чём,
не форма - воплощение сути,
мечта о мире и приюте,
звучанье, ставшее ключом...

А что культура? - снова - беси,
ни нас, ни смысла в этой взвеси, -
чужие люди говорят
твои слова ли - после жизни
чадят сентенции на тризне,
Оскудевает звукоряд.

Из цикла Ненужные Сонеты

Причудливы деревья и снега –
Их сочетанье, их пересечение,
То наста нестерпимая фольга,
То шапок Мономаха завершение,

Не лес, но царство, арки и врата,
Хоромы, шалаши и анфилады,
И нет ни сухостоя, ни куста –
Снегурочками нимфы и дриады,

Безмолвие пронзают голоса
И птичьи трели, беличье стаккато,
Равнина, что не знает колеса,
Несёт тебя за сказкою куда-то,

И вправду мир полярен – без людей
Он бесконечен, словно сад камней.

Стрекочет «Зингер», ливень за окном,
Что Эйзенштейну было полотном, -
Узилище, чистилище, отстойник,
Арахна и рисованный камин,
Для выпечки используемый тмин,
По бедности неприбранный покойник.

Серым-серо – какая светотень? –
У бабушки от «Зингера» мигрень,
Ни краски в том, что было чёрно-белым,
У кошки виден каждый позвонок,
Картошка распирает чугунок,
И так уныло в доме опустелом,

Как будто жизнь – за тридевять земель,
А здесь – корабль, посаженный на мель,
Счастливы, что в ненастье уцелели,
Но что ж они не радуются дням,
Горящим в тусклых комнатах огням,
Расколотому чайнику из гжели? –

Их занесло далёко-далеко,
Им тяжело всё, что внукам их – легко, -
Привычны пихты, кедры, можжевельник,
От юности – ни света, ни примет,
И только дождь, как сломанный предмет,
В свои пределы вписывает ельник

И стрёкоты железной саранчи,
Под кошкой – половик и кирпичи,

И бабушка зовёт дикарку – Муркой,
На форточке - отметины когтей,
Припав к земле, как некогда Антей,
Она дрожит всей бедной серой шкуркой...

ТЕМНА ДОРОГА

«Много врут о Вас, Володя...»

В. Долина

В харчевне дали чебурек
Вдогон кальяну, -
Рагу из мяса кукарек
Я есть не стану,
Не потому, что курофоб,
Фанат барана –
Я – мясоед, любитель сдоб,
сосед кальяна, -
Сегодня – просто не хочу,
Пью чай, не чачу,
По чебуреку постучу, -
Зачем горячий,
Зачем порвался, вытек сок,
И пальцы в жире,
Стоит кальян наискосок,
И муть в эфире,
А мне бы наших Ивасей
И Веронику,
На сколько хватит нам друзей? –
На сколько – крику?
..как много врут – и тут и там,
И любят – много,
Я выпью чай «за наших дам»,
Темна дорога...
Темна дорога в облацах,
Светла – над ними,
Был в детстве часто против всех,
На то и имя –
Расшифровать – опять Завет,
Но я – не в теме,

Хотя познал и тьму, и свет,
Любовь и время, -
Познал? – коснулся – онемел,
Но рок предгорий –
Как облака, снаружи – бел,
Блажен, как море,
И потому монастыри
Мостят к вершинам,
Там, где обрыв, огни зари,
Восставшим глинам
При переходе в облака,
Одушевленьи,
Терять не горсточку песка,
Но суть творенья,
А что взамен? – я повторю –
Темна дорога,
И не по рангу январю
Знать имя бога.

«Пьер Менар, автор «Дон Кихота»

Х.Л. Борхес

Часто художник рисует пастиш,
И обращается Пьером Менаром, -
Вот ведь искусство! – кадишь ему, льстишь,
Перебиваешься пьяным угаром,
А получается лишь перепев,
Оттиск, копирка, канва трафарета,
Словно пейзаж, на глазах отпотев,
Преображая цвета винегрета,
Так и не ожил – вода ли мертва,
Части срослись недостаточно верно –
Что там живое, под тиной, у рва? –
Как ни черти, обнажается скверна,
Если душа ни мертва, ни жива –
Выпей, художник! – картина права –
Та же излучина, отмель, стожок,
Только – ни женщин, ни смеха, дружок.

Ах, наливное яблочко! - кусну -
И больше не покатишься по блюдцу,
Не встретишь долгожданную весну, -
Всё сбудется и гости соберутся
Как прежде, возле круглого стола,
И жадно устрелят на блюде взгляды, -
Закружится волшебная юла,
Пророчествам не ведая преграды,
Но ты навек останешься со мной -
Столь вкусное! - прелестное! - нагое -
И, если дело только за ценой, -
То яблочко покатится другое,
И что покажет? - нам не угадать, -
Что обернётся мором или трусом? -
А будущее можно и не ждать,
Взять яблоко - и насладиться вкусом.

П.С. "Мор, трус и глад" - болезни, землетрясения, голод.

Владу Резвому
Выбирай аккуратно кумиров –
Дима Быков – сегодняшний Киров,
Только – жив и весьма плодовит,
И не в Питере правит балами,
А поэзия пахнет волами, -
Вся в трудах, далека аква вит... -
Нет, не Киров – Рождественский Роберт! –
Как меня этот жанр ни коробит,
Только всё же не Вер Полозков, -
С ностальгией трусов и прокладок,
С ароматами птичьих погадок
И мужских перепревших носков...
Скоро арии евроканала
Доведут нас почти до анала, -
Плюрализм и верлибр – заодно! –
Хватит бронзы на Димочкин профиль? –

Кто у нас на Руси Мефистофель? –
Катаракта, слепое пятно...

Гаммельн

По году – крыса, месяцу – баран,
Характеру – мечтатель и тиран,
(считала дева, что – рыбовладелец,
Но – уплыла улейкою из рук,
И много лет я стайкою подруг
Был окружён, что музами – сиделец).

Лежачий камень. – Селевый поток. –
Ни рук уже не чувствую, ни ног,
В овечьей ли, тигровой, львиной шкуре,
Но крыса доигралась до угла,
И тень заката плотно прилегла,
Прижав зеро де факто и де юре. –

Взор крысы, обращённый на руно,
Компасом указывает на одно –
Когда горишь – на шкуре беглый пламень, -
Великолепно! – но, - со стороны, -
Асбесты ли проглядывают, льны,
Внутри уже не трещина, но камень.

Осталось отпустить грехи и сны,
Дожить до нескончаемой весны,
Проталины, капли, ледохода,
Забывать, что был и счастлив, и любим, -
Твоё руно развеялось, как дым,
И крыса доигралась до исхода.

Александру Соболеву и Николаю Минаеву

Есть в чтении стихов оттенок стужи –
Когда ты обращаешься к тому же,
Что в юности блистательным считал,
И видишь все огрехи и ошибки,

То вместо снисходительной улыбки
Наружу прорывается оскал –

Так холодно с того, что равнодушно,
Почти что всё – чудовищно и скушно,
И Атлантида – в море кислоты,
Спасает – сам язык, его чеканка, -
Минаева ли скатерть-самобранка,
Петрова ли алмазные черты,

Ладинского и Чиннова игрушки,
Романтиков чумные, но пирушки,
Паралипоменона постирушки,
И сонм стихов небесной красоты.

ЮРИЙ ВАЙСМАН

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурн.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе 45 Параллель, в журнале «Новая Немига Литературная», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Серый дым уходит к небу,
Где я не был
И не буду.
Всё запомню!
Всё забуду!
Серый дым уходит к небу.
Растворившись по туману,
Не обманут,
Не потерян,
Он далёкий ищет берег,
Растворившись по туману.
Берег дальний, берег сказки,
Неизведанное чудо!
Я искал его повсюду -
Дальний берег,
Берег сказки..
Серый дым уходит к небу,
К неизведанному чуду...
Всё запомню!
Всё забуду!
Серый дым уходит к небу,
Где я не был и не буду

В кольца - дым от папиросы,
Струйкой - дым от сигареты.
И ненужные вопросы,
И усталые ответы.
Древний метод - лезть со свечкой
В чужедушье, под ресницы -
Кто заблудшая овечка,
Кто извечная блудница.
До глубин, до самой мути,
Перемучив - достучаться!
Суть копания до сути -
Древний способ разлучаться.
В одночасье - всё насмарку.
Милая, чего ты хочешь?
Разве этого кошмара
Стоят мартовские ночи?
На пути к последней грани
Оглянись на пол-дороге.
Утро. И цветок герани.
И весна. И слава Богу.

Проходит всё. Дожди омоют души,
К глазам проложат влажные ладони.
Я был вчера радушно - равнодушен,
Я нынче бесподобно - беспардонен.

Проходит всё. Бег времени послушен.
Закат зальёт огонь былых агоний,
Луна залижет лакомую душу,
Слюной закапав низкий подоконник.

Когда звезда загасит сигарету
О розовые запонки восхода,
Я стану обладателем секрета
Как избежать фатального исхода.

Нас снова ждёт хорошая погода
В салютах из сиреневого дыма..
Я сплю, а это значит - всё проходит.
Я жив - и значит всё проходит мимо.

Проходит всё. Дожди омоют души...

Не нужно в упор на меня глядеть,
Искать в стихах и судьбе промашки.
Смешное право чужих людей
Искать пятно на чужой рубашке.

Бредя средь копоты и огня,
Легко испачкаться, если в белом!
Какое дело вам
до меня...

ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ

Родился и вырос в Ярославле. Начав играть на гитаре в 10 лет, 5 лет занимался классической музыкой. Первую песню написал в 1988 году. Впервые вышел на сцену в 1989. Учился на филфаке ЯГПУ.

Около 10 лет жил в Веллингтоне. С 2007 - в Мельбурне.

В архиве автора более 170 стихов и песен. Произведения публиковались в альманахах «Австралийская мозаика», «Витражи» (Австралия), «Воинская слава» и «Поэт года» (Москва). Песни звучали в эфирах радио «Эхо Москвы» и «SBS». Несколько песен вошли в магнитоальбомы знаменитой «Солдатской студии» В. Петряева.

Номинант премий «Поэт года-2011» и «Поэт года-2014».

Призёр сетевых литературных конкурсов (в т. ч. международного Грушинского 2014 года). Рекомендован для выступления в СП России.

Авторский канал на You-Tube – Volgabard.

Летят перелётные птицы

Стучали колёса на стыках,
Безудержно к дому спеша,
Металась под сердцем без крика
Контуженой птицей душа.
Туда, где за створкой комода
Попрятались детские сны,
Он шёл все четырежды страшные года
Четырежды длинной войны.

А памяти чёрную рану
Не сшить лазаретной иглой-
Там крепость над Бугом багряным,
И первый отчаянный бой,
Короткий прорыв через пекло,
Две встречные пули и плен,
И там до Победы таскала калеку
Судьба в заключенной мгле.
Молчал он, и в мыслях о доме

Дрожала с сигаркой рука,
Он синий концлагерный номер
Болезненно прятал в рукав,
Не знал он, что там, у вокзала,
В седирах под чёрным платком
Ждала все глаза проглядевшая мама,
Вот только ждала не его.

А было у ней два мальчонки,
Да выросли двое солдат,
В тоскливом листке похоронки
Меньшой возвратился назад,
А тут вот от старшего сына
На днях дождалась письмаца:
“Ах, мама моя, я дошёл до Берлина!
Встречай, дорогая, бойца!”

Разбег замедляли вагоны,
Накатанной сталью скуля,
Шагнули на плоскость перрона
Ботинок и два костыля,
И там, где в цветах утонули
Наград фронтовых образа,
Два горя, два взгляда случайно столкнулись,
Наполнив слезами глаза.

Всплеснула руками худыми,
Припала на грудь тяжело,
Да криком всё вторила имя-
Вот только звала не его,
И в пленом отточенных скулах
Две жилы налились свинцом:
-Ах, как тебя,мама,война обманула,
Мы ж просто похожи лицом!

Её поднимали с перрона,
Поили из фляжки водой,
Бежал сквозь толпу с эшелона
Её лейтенантик старшой,

И не было сил удивиться,
Как, взмыв над остывшей землёй,
Летят по домам перелётные птицы
В холодной дали голубой.

Три часа «Метеором»

Вот и лето... Кого-то зовут острова,
Кто-то едет за город, на дачи,
Для кого-то - Нью-Йорк,
Для кого-то - Москва,
Для меня - всё немножко иначе –
Как всегда, на речной приезжаю вокзал,
Где, ответив на пару вопросов,
Покупаю билет, что давно заказал,
До жемчужины Волги – до Плёса.

Припев: Три часа «Метеором» по Волге – реке,
Три часа над волнами лететь налегке,
А когда я, как чайка, над Волгой, лечу,
Уезжать никуда ни за что не хочу.

Над водой приподнимут крыло дизеля,
Закипит на фарватере пена,
И душа моя ляжет на курс корабля –
В акваторию волжской вселенной.
До струны горизонта – еловая даль,
Голова от простора кружится –
Да такого нигде никому никогда
Не найти ни в одной загранице.

Три часа... По скрипучему трапу пройдусь,
До краёв переполненный счастьем,
И к щербатой брусчатке рукой прикоснусь,
Как к следам позабытых династий,
Всё манившее за день спешу повидать
До того, как расцветшее маком,

Золотистое солнце зеркальную гладь
Рассечёт восклицательным знаком.

Заночую, палатку разбив у костра,
Утону в тишине до рассвета,
Напою свою память изгибами трав,
Ароматом дымящихся веток,
А когда замаячит прощания грусть,
Будет всё-таки вспомнить приятно,
Что ещё до того, как из лета вернусь,
Ждут меня на дороге обратной

Сон в летнюю ночь

Два деления вверх, два деления вниз,
Город снова расцвёл, город снова раскис,
Город снова косым разлинован дождём,
Вновь захвачен врасплох и не предупреждён.
Вновь над городом сфера небес протекла,
Смыв туман, как дыхания след со стекла,
В мир спустилась так тихо, как только смогла мгла.

Спит под Южным Крестом островов полоса,
От сует и забот с недосыпом глаза,
Снова ставлю часы, чтоб потом проклинать,
Тяжело воскресая, как водится, в пять,
Но пока под сиреневым небом темно,
И несладко так пьётся сухое вино -
Мне б один только день никуда не вставать - спать.

Припев: Там, за сном - отчий дом,
За морозным стеклом,
Гроздь рябин обожгла снегопад,
Там который уж год
Кто-то любит и ждёт
День, когда я приеду назад.

Город спит, лишь барометров стрелки дрожат,
Город столбиком ртути к постелям прижат,
Снова зябко, и в плохо прикрытом окне

Тёмный ветер поёт что-то здешнее мне.
Под давлением шара огромной Земли,
Где должны бы плыть мачтами вниз корабли,
Я живу ближе всех к облаков белизне - во сне.

Ночь. Короткого лета постскриптум-февраль,
Акварель фонарей пропитала асфальт.
Не скулят обездоленным псом тормоза,
Не сияют дорог золотые глаза.
Будет сон этот ярким, как свет маяка,
И тревожным, как крик судового гудка,
Есть в столице ветров адрес нашей весны - сны.

Белка

Всё с нуля, всё с того же начала –
Со щелчков безопасных ремней,
С уходящего вниз терминала,
С бортовых проблесковых огней,
С облаков за герметикой линзы
На высотах в четыре нуля,
И внизу долгожданным сюрпризом
Под кроссовкой – чужая земля.

Расставаний мучительный опыт –
Взгляд с порога глазами тоски,
Посошок... тёплой точкою хлопот –
Тонкий маятник женской руки...
Рифмы сыплют – а ну-ка, лови-ка,
Невесомые, как мотыльки,
И взамен отрицательных тиков
В декларации с красной строки:

«Перегрузы, перевесы,
Перебранки, переплаты...
Завязать бы, перестать бы,
Возвратиться, да - куда там,
Видно, верно говориться –
Что ни есть, а всё – от Бога:

Для кого – дорога к дому.
А кому и дом – дорога»

Сколь кидало по сёлам да весям,
По своим, да чужим городам,
Но таится в подстрочниках песен
Блажь дурацкая не по годам -
Будто где-то я недобродяжил,
И не могут меня удержать
Не боязнь потерять всё, что нажил,
Не извечный лимит багажа.

Перевозки, переезды,
Пересадки, перелёты –
От подъезда до подъезда,
С самолёта к самолёту...
Я, как белка заводная
В старом доме на комодё,
Кто-то вдруг меня теряет,
Кто-то вдруг меня находит.

У кого-то вся жизнь - как по нотам,
У меня же - почти как у птиц –
Возраст равен числу перелётов,
Перелёты - числу загранич.
В вечных поисках зрелищ и хлеба,
То в жаре, то в дожде, то в снегу,
До сих пор с гравитацией неба
Я никак совладать не могу.

Я, конечно же, не первый
Из выдавших близко звёзды,
Чьи судьба мотала нервы
Ах, как эмиграционно,
В самый раз расхотаться,
Но от боли нету силы,
И уже не разрыдаться,
Ведь смешно невыносимо –

Ведь я, как белка заводная
В старом доме, на комоде –
Кто-то вдруг меня теряет,
Кто-то вдруг меня находит.

Не пропадай!

- Ну давай, не пропадай! -
В пустоту слова упали,
И поспешный звук
Шагов его затих.
- Ну давай, не пропадай! -
Всё кончается в начале
В лучшем случае
Бутылкой на двоих.

- Ну давай, не пропадай! -
Адресочек с телефоном
На примятости
Случайного листка.
- Ну давай, не пропадай! -
Ну а дальше - всё знакомо-
Не зайдёт, не позвонит
Наверняка.

В день, когда всё вкривь и вкось,
И когда чуть-чуть полегче
Я звонил, а он, мол, дел-
Ну просто край,
А когда, уставший врать,
Он включил автоответчик,
Я всё понял, но сказал:
- Не пропадай!

Он пропал почти на год,
И не при смерти, не в коме
На глаза попавшись,
Глупо объяснял,
Как он занято живёт
За углом, в соседнем доме,

А листочек мой в запарке
Потерял.

И поплыл под сердцем лёд
От никчёмной этой встречи,
И в момент забыв,
Что это всё-вода,
Я, как круглый идиот,
Вновь наивен и доверчив,
Вслед за номером черкнул:
«Не пропадай!»

Как и прежде он ушёл,
Ничего не обещая,
Дав понять, что здесь
Не принято дружить,
И с тех пор в чужой стране
Я так больно привыкаю
Расставаясь, ничего
Не говорить.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия.

В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах, в частности в «45-й параллели». В 2006 году был удостоен высшей награды международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

Эсхатологические рефлексии

Письмо

У нас здесь суета и визг, и шум
Достиг предела.
Мон Шер Ами, я снова Вам пишу.
От не фиг делать.

Надеюсь что у Вас все хорошо
При муже новом.
Мон Шер Ами, я написал стишок,
Как мне хреново

О том, что я себя пережалел.
(С деньгами туго)
О том, что каждый день все тяжелей
Бежать по кругу

О том, как мне тоскливо на душе
И нет отрады
Вы мне не отвечаете, Мон Шер.
Ну и не надо.

Супермен.

Такой красивый крупным планом
Хотя и в синяках порой

Смотрю боевики, где главный
Большой и сильный сверхгерой

Как он разил врагов без страха,-
А было их не меньше ста.
Потом Любимую потрахал.
А Нелюбимую не стал

А Нелюбимая просила.
Но он сказал ей твердо: «Не»
А Нелюбимая красива.
Но он на то и супермен

А я вот из другого теста.
Я телом слаб, на ласку щедр.
Мне все красивые - невесты,
А если просит, так ваще.

И под кефир ацедофильный
Глотаю эту супер-муть.
И ничему не учат фильмы.
И книги –тоже ничему.

Заживает, не как на собаке.
Ангел мой хранитель просмотрел.
Чуда не случилось - вышла бяка.
Я в палате среди прочих тел

На моем, отдельном, - шрам кровавый
Под повязкою теперь то жжет, то ноет
Доктор ухитрился сделать ваву
Истекаю страхом, кровью, гноем

Шансы выжить есть еще, однако
Лучше подготовиться к зиме.
Брось меня, мой ангел, - выбрось каку.
Ты найдешь кого-нибудь взамен.

Любить поэзию, словесность. Мать твою.
Мы испохабили ее и изолгали
Что песни? Старых песен не поют.
А новые бы лучше не слагали.

Цыпленком, приуроченным к ножу
Клюю мечтаний мелочные крохи.
Что звезды? Я по звездам не хожу.
У них холодные зазубренные кромки.

Как страшно ночью. Как пустынно днем.
И если близок край, то что за краем?
Чего я жду? Мы все чего-то ждем.
Зачем живу? Зачем живу, не знаю.

Без цели без пути, но как то дожил
До нынешней эпохи, и потом
Уже не понимаю слова «должен».
А если должен, то кому и что?

Я был плохим отцом, не верным мужем?
Пожалуйста, не верьте в эту муть.
Но я уже не знаю слова «нужен»
А если нужен, то зачем, кому?

Я продаю печаль с доставкой на дом.
Почти бесплатно - дело не в цене.
А если вам не надо, то не надо,
А если что-то надо, то не мне...

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

*Родилась в Риге, 18 лет живу в Мельбурне.
Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика... две рыбки.*

Каждый день расставляешь точки над ё, над и.
Ночью они скатываются, отползают, в конце строки
группируясь по три.
В мёртвую воду концы многоточий,
в живую – огонь,
озноб инверсии снов,
вечная память изнанки второго голоса,
всё, что ещё могло оставаться в кронах
ниже дыхания птицы, молчаний чётче.
Земля остывает полночи,
цедит по ноте кромешный космический шорох,
углями маяков
разбавляя начало холода

Люди не телепаты, милая,
эволюция не зря позаботилась об этом.
Все наши предки вымерли, милая,
потому что могли узнать мысли любимого человека.

И я забываю шрифт отрешённого взгляда,
я устаю различать размытый курсив полужеста,
мне остаётся читать на обветренных листьях

legato

так и водится, когда
с тишиной на дне пореза

не справляется железо
рассыпается вода

вырастая из оков сентября обломки сосен
оговаривают осень
полумёртвым языком

что сигналиит голове
из созвездий Асmodels
так и знай: за каждой елью есть бумажный человек

за забором у стены на траве – любые листья
озаглавлены как письма
с ботанической войны

как молчали тени птиц...
у пожаров есть привычка
проверять подвалы лично помнить выражение лиц

пентаграмму и овал заколоченные двери
невозможные потери
осторожные слова

Двадцать лет, как обвязанный именем легион
из египетской тьмы-таракани в обетованное ложе
всё идёт; жожака или не было здесь никогда, или он
перешёл в беспредельную веру – что, в общем, одно и то же.

И ещё двадцать лет, не меньше, вперёд, назад, добела
раскалять пустыню глухим язычеством, офисным чаем
заливать очертания медленных клавиш добра и зла,
где скрижали истёрты и замысел неразличаем

Из римского

«Мой Фабулл, ты, верю, здоров как прежде,
и беспечен столь же. Пишу под утро,
отложив пергамент эллинских песен.
Хороши же были! Мы, впрочем, тоже.

Кланяюсь тебе от Лесбии дивной,
что сопит во сне тихо и морщинку
новую давит – а Катулл, ты знаешь,
верен дружбе старой», – хрустнуть спиною,
распрямляясь от долгого сиденья.
И, склонившись, целовать нежно локон
выпадающий – он будто изваян –
трогая лицо с треснувшей губою,
улыбнуться, что-то смахнув у глаза:
«...ну а так, Фабулл, всё идёт как надо.
Если навестишь, счастливы мы будем,
Лесбия и я. Мы бы в гости сами,
только ведь война в стране теперь, так что
не грусти – в этом году не приеду...»
И, закончив, растянуться всем телом,
утыкаясь в Лесбин, чуть располневший
переход бедра, не смутить сон чуткий,
застывая мрамором... Обернуться,
ощупью нажав телефона кнопку,
запустить его в левый угол sklepa

В почтовом ящике умершего человека
чего только не бывает,
размокшие буклеты,
квитанции,
прошлогоднее приглашение,
письмо от женщины
с риторическим восклицанием «где ты?»

Вечерняя клейковина ненавязчиво
подсвечивает номер, обведенный маркером,
на дне присыпана ржавчиной
новогодняя открытка с фантастической маркой.

Паук опаздывает после лета
декорировать крышку, недавно ещё зелёную.

А почтальон
всё носит и носит невидимые газеты,
как последнее доказательство
существования почтальона

Умение ставить себя на место другого
приносит порой нешуточные ощущения
от невозможности блокировать поток.

Можно представить страдания растения,
слушающего Исуса,
чувствующего каждое слово,
мотивы его произнесения,
перемещение языка у гортани.

Если б деревья могли ответить,
это скорректировало бы ход поствавилонской истории.

Впрочем, смоковница была единственным
говорящим деревом в этой части пустыни

М.Шербу

Ты не сам по себе, просто – чьё-то второе внимание.
Это всё – обсессивный синдром, эманация ножен,
что по запаху лёгкая кровь, а по звуку – спиральная.
А в палёной траве, где немного весны прикарманивал,
наименьшая из новостей – банальная смена кожи.

Это каплет, по букве, сырой конспект изначального.
Это ветер земли, стеклодув, формирует прозрачную меру.
Успеваешь запомнить, осталось от прошлых звучаний
только время – любить наугад.
И река, чтобы выпить молчание.
И право, кричать лишь в присутствии своего акушера.

Так и веришь: зима завершается в такт, будто опера Верди.
И во тьме подо льдом, где у каждого свой водоём,

нам расскажут, всё небо истратив на милосердие,
что любовь – не любая боль, а последняя ложка бессмертия.
А не то мы и сами поймём

ты понимаешь, я не верю в то
что сотворенье глаз – игра в лото
оркестры не играют в "тише-тише"
но тени заползают на чердак
и пьёт с руки недоуменье – так
и долгожданный дождь бывает лишним

привет, ночное зрение Дали
у моря застарелый целлюлит
и три сезона откровенных платьев
и пятитрубный, раздвигая льды
опаздывая в старые следы
гудит – чем пятитрубней, тем нескладней

бери пример: движения огней
стирают отражение своей
рукой, не растворяя в жили-были
а телескоп гадает по луне
несбыточных известий – их извне
забрали, не оставили, забыли

а что осталось – наполняет сеть
того, за что осталось умереть
но лето собирается под флагом
у завтрашней строки: она была
как вечер – виноградная смола
до времени утратившая влагу

а всё, что будет, застывает ниц
о сердце спотыкается альтист
в безумной теме не найдя улова
и откровение – безглазый сфинкс
по голосам разбрасывая птиц
загадывает сказанное слово

ОЛЬГА ДЕРНОВА

Живёт в Москве, работает в Государственной публичной исторической библиотеке. Публиковалась в "Литературной газете", в журналах "Волга", "Гвидеон", альманахе "Белый Ворон". Автор книги стихов "Человец" (Евдокия, 2013).

КОЛПАК

Как река, история глубока,
совпадения в ней случайны.
На подкладке у колпака
значится: made in China.

Вы утверждаете, что колпак -
настоящий фригийский.
Вы ошибаетесь, это не так.
Бросьте свои приписки.

Тот колпак уж давно истлел.
Давняя парадигма,
как наконечники древних стрел,
в целом декоративна.

Может, напрасно. Ну что ж, ну что ж,
кто б вас поймал на слове.
Слава богу, колпак - не нож
и не требует крови.

Слава богу, он не кольцо,
даже не балаклава.
И под ним заметно лицо;
не безадресна слава.

Слава богу, колпак - не флаг.
(те безвольно обвисли):
ничего под себя, дурак,
не требует, кроме мысли.

Птица зовёт во тьму,
к школьной доске.
Птица поёт тому,
кто ходил в рюкзаке.
Кто ходил на диктант,
как последний связной.
У кого "тик-так"
щёлкало за спиной.

Птица зовёт к себе,
на зелёное дно.
Слово - не воробей.
Кто же тогда оно?
Разбирайся сама:
закрывай тетрадь.
Неучение - тьма.
Повторенье - мать.

ЗОЛОТНИК

Дождь на зелёный массив
вылил канистру.
Спи, светлячок, погасив
тёплую искру.
Хватит казаться светлей,
сядь под оградой
с древней сивиллой своей,
кумской цикадой.
«Знаешь, сивилла-кума?
Стало крошечней.
Зреет лиловая тьма
сладкой черешней».
«Лапку давай, баловник,
ляг на пригорок...»

Мал светлячка золотник.
Этим и дорог.

Тело исчезнет, а память - обман.
Всё. Это лёгкие правила.
Братское кладбище - каждый каштан,
свечи из белого гравия.
Крепкие столбики их пирамид
сложены в шкаф несгораемый.
Рядом зелёная ветка шумит,
словно боец легкораненый.
Будучи спрошен - откроет пароль,
только меня не заманите:
память без тела - фантомная боль.
Тел не бывает без памяти.

Появляюсь в окне, хлебосольное вскинув ружьё,
словно дождь, а не дева.
Ловко делаю чёрное, мокрое дело своё.
Быстро делаю дело:
добавляю шумов, окунаю в густые моря
и с девятого вала
отвечаю за всех, кто захлестнут.
Точней говоря,
разеваю хлебало.
Мне охота взahlёб воспевать эту хрупкую жизнь,
но уже подыхаю.
И к распахнутой форточке губы на миг приложив,
только смех выдыхаю...

как грозой небеса намолнит,
как хватать перестанет свету,
пушкин дону хуану молвит:
что-то рана моя ноет -
та, которой ещё нету
дон хуан головой качает,

долго думает, отвечает:
то не рана твоя ноет -
донна анна по мне воет
донна анна, моя травка,
золотая моя девка
между нею и мной - давка
между мной и тобой - сделка
в голове у меня каша,
но одно я скажу точно:
уважаемый дон саша,
ты ещё поживёшь
точка
а пока за твоим садом
донна анна растёт по следу,
я ещё посижу рядом,
подышу травяным ядом
подожду кастанеду

АБРАКСАС

Щёки сухие – значит, уже не плакса.
Слёзы подсохли – то есть, не на виду.
Чтоб не забылось имя твоё, Абраксас,
я повторял его каждый день в году.
Здесь чешуи твоей голубая смальта,
здесь твои очи жёлтого янтаря.
Имя твоё, Абраксас, - восьмое марта,
первое января.
Соль на щеках – печать твоего налёта.
Я продолжаю, чтоб не сойти с ума.
Имя твоё, Абраксас, сегодня - лето.
Завтра – уже зима.

Созрела листва. Печальней,
темней её перекаат.
Тесны, как исповедальни,
немые липы стоят.
И грозные боги листьев
внезапно стали нежны:

окошки себе расчистив,
прильнули с той стороны.
Глазницы, чуткие уши,
зелёные кости лбов...

Что поздней окраски суше?
Что властной их ласки хуже?
Родительская любовь.
Вот: сыплется сквозь ограду,
к асфальту на простыню...

Но нет. Не войду. Не сяду.
Не будет со мною сладу.
Ни слова не пророню.

НИТЬ

На живую, белую нить
зашивая наши сердца,
нам желают: не говорить -
договаривать до конца.

Речь же, в сущности, не о том,
как срастётся. Важнее жест:
зашивают его крестом,
но не ставят на сердце крест.

Легче сущее починить,
чем творить в пустоте котла.
Просто белая будет нить
там, где красная нить была.

СЛОВО

Вечер мой изобилен
краскою сине-белой.
Мягко летает филин
книгою обгорелой.
Возится где-то в сучьях,
на рукавах у леших,

только одно озвучив
слово из уцелевших.

Как из трубы камина -
в чёрные сейфы леса,
мышь мелькает мимо:
«Мы – прожжённая пресса.
Свежий вечерний выпуск
сам прилетает на дом...»

Слова зазря не выдаст
тишь, которая рядом.

Сделайся глух, тетеря, -
и с высоты суровой
прямо к тебе на темя
выпадет пепел слова.

ВЫМЫСЕЛ

В этой школе зелёной,
где душа моя числится,
здравый смысл, оттенённый
столь же здоровой бессмыслицей,
на уроке преподан.
И психея-мистерия
к этим двум антиподам
ощущает доверие.

Что из этого вышло?
Ни простого, ни дельного.
В высшей школе - тем выше,
чем внушительней дерево, -
если разум и вывелся,
то немедленно слился
с человечками вымысла
(не лишёнными смысла).

Понимание разово,
но спасительно. То бишь,

сон цветущего разума
освежает чудовищ.
Над столами земельными
пусть играет семейка
с полосатыми мельбами,
словно с тиграми Блейка.

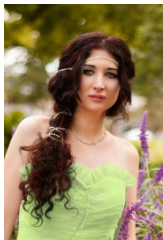
ГОРТЕНЗИЯ

Перекипел травяной бульон,
щедро забрызгал стены.
Запахи лета венчает он
шапочкой белой пены.
Пухлой гортензии облака,
видимо, не полезны.
Кто-то снимает их с кипятка
чёрной шумовкой бездны.
Накипь навариста и густа.
Но простодушна вера,
что где-то спит в глубине куста
розовая Венера.
Дремлет, но если внутри канвы
быстро иссякнет нега, -
личико высунет из листвы
и улетит на небо.

ЗАЛП

Когда в зимовочную ночь
ты смотришь, например
всю маскировку сдуло прочь
и столько звёздных жерл
в тебя нацеленных, что ой
увидел бы, сказал
но снег не тает под тобой
и скоро грянет залп
и станет легче, словно жгут
наложенный исчез
пока перезарядки ждут
орудия небес.

МАРГАРИТА ЗЕЛЕНСКАЯ

Член Международной Гильдии Писателей. В 2011 году стала лауреатом международного литературного конкурса «Серебряный Стрелец». Публиковалась в журнале «Новый Ренессанс», соавторских сборниках «Серпантин» (Россия, 2010), «Спиральность Вре́мён» (Россия, 2011), «Витражи» (Мельбурн, 2014), "Созвучье Муз" (Германия, 2014). Автор книги «Осязанием Жизнь» (Германия, 2012) и одноимённого поэтического спектакля, показанного летом 2012 года в Москве. С 2004 года проживает в Южной Австралии, продолжая профессиональную и творческую деятельность.

Нам не найти друг друга

Нам не найти друг друга,
кажется всё ясней -
за циферблатным кругом
стая скупых вестей
и дребезжит разбитый
воздух сквозным гудком,
если бы только свита
дней не спешила в дом -
словно в чаду вечернем
по проходным дворам
было предназначенье
всех заафишных драм -
нам не найти друг друга
даже в обрывках фраз,
скажется близорукой
встреча на этот раз..
Нам не дано случиться,
где озаряет свет
желтых фасадов лица,
сонный ночной проспект,
где спеленает время
скверы листвой и здесь

чудится сокровенней
всех одиночеств смесь.
Если бы не тревога -
веры уже на треть,
нам бы успеть немного
время перетерпеть..
город сердечным стуком
суток везет состав,
нам не узнать друг друга
в Божьих больших глазах.

Хиромантия

Мне ли прозу читать в паутинах ладони
ремеслом шарлатанов,
цыган, чудаков...

Лучше сжатый кулак, где нет истины кроме
сохранить для себя про запас медяков.

Не в охапке нести, что становится притчей:
Где обман - там наука... теряешь - найдешь..
По бороздкам любовь сиротливо мурлычет,
впрочем..
только тому, кто душой тонкокож.

Чутко чувствуя фальшь, до последнего слога,
заболеть в переплётах сердечных морщин,-
там за пазухой мир в недоверии скомкан,
словно первой попыткой испорченный блин.

Пусть безумье царит в головных ответвлениях,
как возможные пробы лирических сцен,
Дай мне Боже поверить сейчас, без сомненья,
что свободе не страшно понятие стен...

...на стене гобелен, пляшут шторы из ситца.
Хиромантия всё же великая вещь...
Угрозидло если с руками родиться,
Значит есть чем гордиться и есть что беречь.

Неразмённым рублём

По-другому никак, будет сыграно в лицах,
проживётся правдивей на третьих ролях,-
не в столиц толчее и газетных страницах,
не в афишах, не в дальних гастрольных огнях.

От сиреневых крон и шальных поколений
до подмостков финальных закатных омег,
как сухой лоскуток по гранитным ступеням
дворник гонит горячечный спятивший век.

Не в столиц толчее... неземным самородком
зреет в завязи строк солонцовский июнь,
где петлисты слова – старомодные чётки
на протяжных дорожках качнувшихся струн..

Где отверстым дыханием чаяний сохнут
на столешнях заснежья разнеженных лип,
мягко трётся покой зеленеющим боком
и зрачками сияет заблудший залив.

Из слагаемых новых до взлёта, до веры
заполынит и стронет быльём и зверьём
чёрно-белых ролей угловатые сферы,
чтоб до тех колоколен зардел окоём.

Этот вечер с лицом захмелевшего брьюта
неразмённым рублём уже выверил блеф,
по-другому никак не случится... покуда
до мечты остаётся последний билет.

Старая... старая игра

Выживают любовью в безмолвии царства теней,
твоя Гретхен осеннюю пряжу в забвеньи прядёт.
Всё вернётся в финале, а, значит, сведётся на нет –
пусть бредовым “чёт-нечёт”-
такой в грешных сделках расчёт.

Отголосками дни... ты уже неизбывно далёк,
оставаться незрячей по правилам старой игры:
интуицией жить, биться крыльями, что мотылёк,
в белоденные лампы, как-будто в иные миры.

Там в стратегиях чувства земное осталось без дна,
зачинаешь надежду и ей колыбельно поёшь -
всё вернётся, когда плодовитая фрау Луна
соберёт, разродившись, всю звездную стаю...
мне ложь –

предсказуемость ставки - обменом за тайну – душа,
в твоих играх залогом останусь навечно,
скажи...
можно выжить любовью, приняв хладнокровное “ждать”
вместо яда, когда без тебя не получится жить.

На другом беззимнем полюсе

Невпазд ледостав наших чувств, и тайком,
где белёсый декабрь исчезает вдали,
хитрый город нескладным своим существом
взгромоздился на сонное тело земли.`

Где-то в той стороне адресат занемог,
хоть слезливых сезонов прошла черед,
обернувшись сквозь самый последний звонок
обжигающей вестью –

Опять холода
пробрались на порог по забытым следам,
пусть в беззимье и пусть нелегко оттого..
Не поверишь, но, видимо, в правилах Там,
чтобы зябко дышалось,
когда Рождество,
чтоб до дрожи тревожить предчувствием зим,
и в изнанках души на других полюсах
тихо сыпались хлопья и светом своим
оставляли в раскормленной тьме чудеса.

Может прошлое ладит канвой оберег
и недвижимы наших невстреч рубежи...
Как в последнюю повесть сбежим в этот снег?
Знаешь, кажется с ним возвращается жизнь.

Пятница. Тринадцать. Ноль семь

То часы спешили, то тонули
на проспекте Октября надежды -
призрак даты будто бедокурил
и смешливо ошивался
между
прочим прочить встречу ещё проще,
если мы в июле и картинно
день тринадцатый с утра топорщит
облака, как тяжкую повинность, —
точно избавленьем от причастий,
чтобы оправдаться грозовой
самою своею тёмной мастью
пятница не пятилась восьмою,
пусть и снисходительно пыталась
прижиматься, плыть, но в электричке
пеклом обдавать, пугать танталом
слабых сердцем;
Тонко, патетично
на москве-реке крестила пядью,
скрючивши мосты для поцелуев,
мы спешили к волшебству, не глядя,
а она - чудить, любовь почуяв.
Нет, не то чтоб подавать на блюде
поспешила чувства в одночасье,
но вначале впечатляли люди,
а потом немое их участие...
В поощренье шумному движенью
шелушилась листьями, пошаркав
вдоль дорог и в тесном окруженьи
площадей, кремля, культуры парка;
сутки словно выклевав до крохи,
тени морщила, кляла пройдоха
матерщиной пешеходов, стойким

запахом, что может стать плохо.
Я же в сожаленьи, что прощаться,
ощутив тревогу ещё пуще,
всё шептала: пятница... тринадцать...
и спасала спятившую душу.

Зажженный сумрак

Зажженный сумрак парковой аллеи
фонарными цилиндрами ловушек,
залетные случайные трофеи
в последнем танце – кружат... бьются... кружат.

Бесшумно вдоль вытягивает тени
от поступи, как пряжу, - дальше – тоньше...
Метаморфозами ночной артели
надменный месяц серебрится кожей.

Уже затих цикад болтливых стрекот
дождю вослед - веселье скоморошье,
оторванный висит скамейки локоть,
осиротевшей на мощеной прошве.

Сказания прокисших листопадов
бормочет прель.

Шершавою подошвой
вспугнет в тиши гнездившийся порядок
сутулый припозднившийся прохожий.
Где-то рядом с тобой

Лучше не забывать - несезон... непокой...
пусть всё чаще стихи проверяют на прочность
где-то рядом с тобой, под вчерашней листвой,
прорастают дождями

позвучно... построчно...
сколько их – перебор... переброд впереди
приголубишь остатки, что сердца коснулись -
этот поздний мотив:

фонари... фонари...
словно свет изнутри разбежавшихся улиц.

Зачастила искать до последних дворов
край земли, где, как водится... гредишься,
знаешь,
я приеду, пускай несезон, но таков
непокой без стихов,
без зонтов и трамваев.

Тихо выпорхнет тень сквозь завесу гардин,
где-то рядом с тобой утончённей и глуше
тронет струны смычок... блёклый день нелюдим,
мне захочется слушать его,
слушать... слушать...

Венецианское

На прилавке тряпичная кукла пляшет
многолюден Риалято и тесен шибко,*
всё бесплотно
среди мишуры, стекляшек
феерично каналов блещут прожилки.
Беззастенчив, как в киноленте лиричен
битый день в декадансе, а здесь –
как в дансе,
ты с сигарой, а я смеюсь неприлично -
dolce... **
глянцем гондола лаковым застит
взгляд вальяжен, ворсист...
тишина вельветом,
кружевами и перьями ночи шиты.
Маски, краски сходят с холстов Каналетто,
окультизмом пронизаны реквизиты.
Свой железный сундук пополняю чаще -
архивариус слёз, лукавых улыбок...
Кукла пляшет...
хочется быть настоящей -
не тряпичным подобием тех фальшивок.
Вытекает мотив мандалины хрупко,
ворожея сыпает бобы в передник,
беспардонно целует лакей Петрушка
её губы... лихой провокатор... сплетник.

* Риальто - рынок в Венеции

** Dolce (ит.) - сладкий

Сон... пусть сон

Проснись...

проснись, чтоб непременно вспомнить -
там за оградой сквера в глубине
дорожки застилаются извне
протекшим светом из фонарных донец,
тенетами ночей надежды зыбки,
в усмешке месяц перекошен ртом,
сжимая тьму,
фальцетом о своём
бесчувственных дворов ворчат калитки...
пока пора верстает предисловье,
а время льнёт залечивать тщету,
больничную листая тишину,
как книгочей у мира в изголовьи...
и отчий дом твоих воспоминаний,
где сызнава кроит велосипед
по липким тропам залежалый креп,
проносится, как кадры на прощанье.
Но будто бы сильнее и будто чаще
в прерывистом
проснись... проснись... проснись
каскады ливней быются о карниз, -
проклюнувшись, апрель дождём иначит.
Проснись на померанцевом восходе,
где ящеркой прозрачной мельтешит
в демисезоне неприглядном жизнь
одетая совсем не по погоде.

ФАИНА ЗИЛЬП

Родилась на Украине в один день с Анной Ахматовой(но не в Киеве, а в Виннице и, конечно, на 85 лет позже!) Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии с 1997-го года. После окончания университета стала социальным работником. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке и Англии. Без поэзии и рисования не представляю своей жизни.

ЭПИТАФИИ

История мельчает год от года,
Представ в непрезентабельнейшем виде.

...Но галстук я повязывала - гордо,
Читая героические книги.

(...)

Куда всё подевалось?.. Идеалы
Растоптаны и преданы - в развале
Страны, ради которой было мало
Погибнуть! Закаляла - прочной сталью!

Скажу, как нелюбимый мной Лимонов
Писал о ней, не сдерживая вздоха
И самовозбуждаясь от гармонов:
"У нас была великая эпоха".

Была, но только дольше ей не длиться,
Ведь поводов не нужно для геройства.
И пафосом не полнятся ни лица,
Ни души: жизни в них благоустройство.

Грущу о нашем прошлом? Я впитала
Всех подвигов величие голодно.

Живём теперь - по воле капитала.
Свобода безыдейна и бесплодна.

Прекрасную эпоху распинают,
В ней видя - лишь изъязны и потери,
Тенденции к закручиванию гаек
И правды охраняемые двери...

17 января 2013 г.

Эпитафия 1: На развалинах

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...*

"Интернационал"

Всё циклично, но учит напрасно
Нас история плавным извивам
Эволюции: новое - страстно;
Нетерпение - топливо взрываю.

И стремится к себя разрушенью
Снова впадшая в детство эпоха -
Расшатается до утрашенья
Старый миропорядок охотно!

Одряхла империя, всё же,
Занимая шестую часть суши.
...Проиграли страну безнадежно,
Расчленив, как огромную тушу, -

По-живому, жестоко, бездарно:
Насмерть вырублен лес, щепок - море.
Стал цинизм слишком ходким товаром,
Чтоб внимать голосащему горю.

А колосс, если ноги из глины, -
Обречён, и к нему нет возврата:
Изначально фундамент былинный
Был заложен и понят превратно.

Расстаются с телами так - души...
Боль фантомная срубленной рощи...
И страны расчленённая туша
По былой ностальгирует мощи.
4 августа 2013 г.

Эпитафия 2: Самоубийство

Грязь разводов от пены осевшей...
Голосов поуставшая сиплость...
И - похмелье толпы отрезвевшей:
Это ж надо, как всё изменилось!

Что осталось? Насмешлива малость.
И темнеют нахмуренно лица.
Как жуки-древоточцы, - старались!
Чтоб потом - на труху обозлиться...

Да, поддержку народа - измором
Взяли, нуждам "низов" не внимая.
Обрубили тот сук, на котором
И сидели, его - проклиная!

Самиздата подпольные книги -
В ложь вкраплённые правды фрагменты.
Разговоров кухонные фиги
Не воинственны: интеллигентны...

Не сочлись - рассчитались со славой:
Копья - в днище! Корабль - потопляем...
Разбудили вулкан, чтоб под лавой
Оказаться: джинн - неуправляем!

Бандитизма безумная удаль -
Данность страшная всех революций.
Интеллект сам уходит на убыль
С подростковой издержкой поллюций:

Бескультурие массово. В массы -
Половую распущенность: бомбой!

Но теперь усремляются к Спасу
Атеисты с правительства кодлой.

Жизнь - стаканом воды! Превращая -
В самогон, упиваясь свободой.
Отрезвление - изгнание из рая
И изжоги лечение содой.

Примитив и лубок затопили -
При катарсиса исчезновении.
В слов увязнув разгнузданных иле -
Золотому тельцу поклоненье.

18 августа 2013 г.

Эпитафия 3: Безнадёжность

Мы наш, мы новый мир построим...

"Интернационал"

Тут не выжить. От ужаса - спятим.
Раскрутили. Раскрасили - до гаек...
"Заграница поможет опять нам!" -
Так страна от себя убегает:

В эмиграцию, в водку и дикость,
В телевизора яркую пошлость.
Нет героев. Им равновеликость
Невозможна: презреть - осторожность?!

-Мы от голода чахнем и пухнем.
Жизнь испорченной стала пластинкой.
Эх, дубинушка, грянем и ухнем!
-Коль самих не огреют дубинкой...

Вот и новый на царствии ирод.
За грехи - чьи - нам эта расплата?
Ах, ну да, - "переходный период":
Переход на тот свет, без возврата.

Ветеранам же с властью не спеться.
Лишь душа слабо теплится в теле...

- Победили французов и немцев,
Но живём, словно - нас одолели.

Кто никем был, тот тем и остался,
Но не беден, а нищ и бесправен.
На свободы крючок - сам попался.
Демократией - что мы исправим?

Всё и так развенчали злорадно,
Будто прошлую жизнь зачеркнули.
Создавать новый мир неповадно -
Не нарваться б на меткие пули...

Не раскрыть заказные убийства:
Пауки здесь друг друга съедают
В тесной банке угроз византийства.
Утро века. Никак не светает...

Ни просвета. Рассвет не рассеет
Тьмы звериной у помыслов скрытых.
Нет, не пашет народ и не сеет:
Не создаст он умений забытых.

Возрастает "услуг потребление".
Нет известности без эпатажа...
Саботаж. Само-всех-истребление.
Самодурство и самопродажа.

19 августа 2013 г.

Украинский дивертисмент

Издательское

Всё расхищено, предано, продано.

Анна Ахматова.

Суеверны, сувенирами обвешаны,
Суверенной Украины люди бешенны.
Бесшабашность подневольная потеряна,
Но свободу приручают неуверенно.

Революция огнями апельсинными
Отгорела - что же стали вы бессильными,
Что же власть опять, как оборотень, скалится?
Ах, ну да, теперь вас это не касается...

Пересмотрена истории излучина:
С ног на голову - всё! Факты - перекручены...
Большинства язык - зажат, ведь в школах учится
Русский словно зарубежный (жизнь - разлучница).

Вам навязано опять самосознание,
Но своя национальность - наказание.
Нет козла лишь отпущения привычного.
С чужаками же - друзья вы закадычные!

Злости не на кого пасть теперь погромами.
И долгами словно хвалитесь огромными,
И "на панцину" спешите наниматься вы
(Там с прохладцей не работать - с чужестранцами!)

Первородством всё Россию попрекаете,
На войну себя вы с нею обрекаете.
Но в себе взрастила ценности другие я -
И теперь лишь не болею ностальгиею.
25 ноября 2012 г.

Революція

*Переведіть мене через майдан...
Переведіть... Майдану тлумне тло
Взяло його у себе...
Віталій Коротич*

Отсюда смотрим, как кино... Пожертвованья - словно подать.
Все деньги отняты давно; их всё труднее заработать.
И не пытаются, правы как будто... Чем поможет - вече?
Что ж независимостью вы гордились; разве больше - нечем?

А нынче рвётесь - под крыло Европы, словно в рая кущи...
Вас - ослабляют: силы зло в войны вас втягивает гущу.

Наживу - на загранич. счёта - под стон бессильный колоколен.
Да кто, скажите, был, когда своим правительством - доволен?

Хоть сам его и выбирал - патриотичен ли, подкуплен...
Бунт вырос, как девятый вал, без направления - беспутен.
Какую роль сыграл народ в Майдана драме современной?
Он кукла - или кукловод? Разбой - свободы стал подменой.

Ещё безумства не зенит. Кто пишет кровью эту пьесу?
Тюрьма - и в сказке есть... Сидит Оранжевая там Принцесса.
Вокруг - шабаш. Противовес восстанью - гибельность отпора.
И жертвы есть: чем дальше в лес, тем больше дров, но всё не в пору:

Растёт, не тая, снежный ком, уже катать его труднее.
А жизнь поставлена на кон... И вас спасти я не сумею.

8 февраля 2014 г.

Это - кровной связи узы: пуповина
Не разорвана... Там - кровь, война, руины.
В чём - державы население повинно?
Шрамы страшные - на теле Украины.

Мостовые выкорчёвывает книжник,
И летит по-пролетарски вновь булыжник
В оцепления щиты!.. Но кто-то пишет
Вязь истории - и занял эту нишу.

Постепенно наводняются вокзалы
Эмигрантами в Россию. Я узнала,
Что страну свою уродуют вандалы -
И уже кровопролития им мало...

К оккупации призывы раздаются:
"Заграница нам поможет"... Душ - распутство.
Интервенции потворство - безрассудство!
И уже почти не страшно, в сердце пусто...

...Мало Праги им, Чечни, Афганистана:
Вторглись - в Крым! Своих проблем им не достало?

Охраняют... Покоряют - неустанно.
...Никому мне петь не хочется осанну.

26 февраля 2014 г.

Сосновой иголкой сошью эти годы в один,
Солью это горе в единый сосуд - и закрою.
Откупорят, может, потомки в преддверьи седин,
Но... осы засохнут - и им не собраться для роя,

И им не озлиться, не жалить, как память сейчас:
Небесная Сотня - и сотня земная остались
В земле окровавленной, мучая, мучая нас.
Желание мира - то жизни смертельная зависть.

...Есть внутренний враг? Рассчитались мы с внешним врагом.
И ненависть - благо: "козёл отпущения" - найден!
Помянем мы всех и закусим мы - кто пирогом,
Кто - салом. Закусим губу. Плач бесплоден, надсаден.

Чернобыля мало нам было? Досталось и так:
Вся жизнь - словно тундра; какая там оранжерея?!
Стремленье к свободе своей - неразменный пятак -
Опять возвращается к нам, снова оранжеева!..

...Откуда возьмётся призыв и вожатская прыть?
Сосуд настоящим наполнен - и всё слишком живо.
Потомки - раскроют?.. Не надо. Пора позабыть,
А то на свободу - войны тут же выпустят джина.

14 мая 2014 г.

На ветру

...не стой на ветру.

А.Ахматова.

I

Холодает. На ветру
Тени пляшут в темноте,
Скачут, словно кенгуру.
Их к утру лучи сотрут...
Словно к старенькой плите,
Поднесён к планете трут.

Ветер развеивает свет
Фонаря, как нежный шарф.
В мире нет войны. И нет
Полужизни, как "На дне" -
И горит один жираф
У Дали на полотне.

Удалю заставку я
На компьютере, забыв
О тоске: пусть жизнь моя
Не приемлет этот яд:
В бездну там уносит взрыв -
И последствий не таят.

Там живьём горят в аду,
"Отдуваясь" и за нас.
В этот ад не попаду:
Здесь спокойно, как в гробу,
Жизнь привольна без прикрас -
Суждено так на роду?

Нет опасности прямой
(Так и нужно: идеал),
Обойдёт нас стороной.
Нам, пожалуй, всё равно:
Мир в ловушку не поймал";

"Да гори оно огнём"
И "за нами - хоть потоп"
Говорят порой... Нальём
Сладкий Baileys. И галоп
Мыслей горестных прервём.

II

Дом - как крепость. За окном
Ветер свищет всё сильней.
Если плачет, то о ком?
Соловьём-разбойником,

Может, хлещет он коней?
Воет над покойником?

Заглушает звук стрельбы.
Жизнь - бесценна? Мне скажи,
Кто же в крошево судьбы
Добровольно поспешит?
Дом - защиты этажи.
В танце ветра нет гульбы...

...Уничтожен самолёт -
Сбит по чьей он был вине?*

Все погибли... Кто же пьёт
Тост за меткость на войне?
Ну, помянем. Бог нальёт.

Он их взял уже к себе.
На земле - ошмётков смесь.
Мародёры. Быть беде,
Ведь на Страшном им Суде
Отвечать! Но разве есть
Совесть? Денег нет - в стыде...

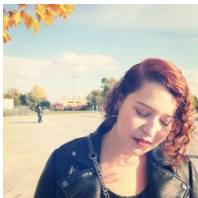
В мире - войны. Слезный ком
В горле душит - не сглотнуть.
Что послужит маяком?
Злости нет такой ни в ком:
Мы иной избрали путь.

Все здесь не на одного:
Мы живём в другой стране,
Сохраняя status quo.
С миром ощутив родство,
Мы не можем в стороне
Оставаться от всего.

30 июля 2014 г.

*Над Торезом Донецкой области был сбит пассажирский самолет Boeing 777 малайзийских авиалиний, погибли 280 пассажиров и 15 членов экипажа.

Алиса Касиляускайте

Родилась в Москве в 1986 году. Успела пожить в Москве, Геленджике, Нальчике, Вильнюсе. Училась в Музыкальном Театре Юного Актера, в Музыкальном Колледже при консерватории П.И. Чайковского, в МГУ имени М.В. Ломоносова. Сейчас живет в Москве и работает в рекламе. Публиковалась в журналах: «Белый ворон», «Лит-э-лит», «Наше поколение», «Нева».

Когда приходят гости в темноте,
Глубоким вечером,
Фонарным, желтым светом.
Пологий склон,
Отвесный ультиматум,
На кончике порога - чистотел.

Когда остынет дождь,
И, не успев
Упасть,
Возьмет твои предплечья,
Когда подшерстком чуешь
Пьяный, млечный
Чужой порог -
Зев дома, досок пасть.

Когда я разбужу в тебе мотор -
Случайный генератор звуков, чисел,
И чистый лист,
И кислый клавишин,
Затылок твой погодонезависим,
Как кнопка.
Нажимаю на повтор.

Когда приходят гости в темноте,
Их, как меня,
На музыку кладут -
Лопатки в нотный стан,
Скрипичный ключ
Царапает ладонь,
Как новый берег
Для моряка царапал
Горизонт.
Вот пауза.
Вот зонт.
Занозы. Двери.
Фонарный свет,
Ночной диапазон.

А мне не стоит верить -
Не резон.
Кто врёт мелодию,
Тому не стоит верить.

Смета распределения моих домашних расходов

Мне нужен маньяк,
Строгий, старательный
Эконом.

Он будет книги вести,
Говорить о том,
Сколько меня
Можно пустить
В расход.

Сколько нужно на сон,
На работу,
На искренний переход
На «ты», когда было «вы».

Черепица моей головы,
Ресницы мои,
Птицы, колечки, швы.

Он будет все измерять,
Отмерять мой сердечный
Звон,
Настраивать мне зрачок.

Будет вести учет:
Позвонки мои,
Запонки,
Пальцы наперечет.

Сколько крови потратить
На вдох, перевод, отчет?
На звонок зубному?

Я смотрю в пиджачок
Аккуратному эконому.

Он готовит на подпись
Мою часовую норму.

Мои города,
Внутренняя среда,
Сгиб локтя –
Здесь поцелуй,
А вот здесь – укол.

Крохи меня
В конце рабочего дня
Он стряхивает под стол.

Подмерзаю с кончиков
Пальцев,
Как льдина подтаивает
С верхушки.
Ветер меня поскоблил,
Теперь подметает стружку.

Бабушка говорит: "Вы меня,
Обязательно, потом
Над водой развейте".

Интересно, что ее тогда
В руки возьмет
Не вода, а ветер.

Остывает земля.
Повернулась к космосу
Не прогретым боком.

Остывает что-то во мне.
Становится белым, глухим, глубоким.

Слушает-слушает, как ветер
Щекочет земле бока.

Когда-нибудь окончательно
Меня высушит, но пока
Просто с губ
Слетают нелепые облака.

Есть кому
Сцеловать мигрень
С моего виска.

Влезает в утро через "не хочу",
Мочалка прислоняется к плечу,
Как будто она рада тебя видеть.
В семь тридцать воздух пахнет мокрой Нидой,
Фонарик превращается в свечу.

Пока еще не скомкан новый день,
Сходи в метро -
Чужих послушай мыслей.
За новой кофточкой,
За паузой,

За смыслом,
За ухо, за щекой,
Пока не лень -
Трястись в метро,
Глазеть на все подряд -
Одной рукой и зонтик и дубинку -
Зеленый свет,
Оконный звукоряд.

Как паруса натянут потолок
Твои шесть вечера
С уже остывшим небом -
Идти за снегом,
Как идти хлебом -
Не точный привкус, пролитый белок.

Округлось миру придают очки.
С тем миром ты играешь на очки
И каждый раз проигрываешь с честью.

В прихожей коврик пахнет мокрой жестью.
В окне мерцают окна,
Как рачки.

Мой психолог мне говорит:
Счастливы те,
Кто и друг без друга
Здорово проживут.

Руки, колени, бедра,
Талия и живот -
В сумме:
Самостоятельный
Индивид.
Если бросишь
За борт,
Обязательно поплывет.
Счастливые пары -

Мятные леденцы,
Ложечки сахара,
Прохладные образцы
Здоровой душевной мышцы.

Не знаю, Сергей,
Я, по-моему,
Наоборот.
Разинув свой
Круглый, рыбий,
Нелепый рот,
Вдыхаю любимых
По буковке,
По словцу.

Что делать
Голодному
Мясоеду?
Неудачливому
Ловцу?

По-моему, Сергей,
Все находки,
Ракушки
И прочий
Словесный ил
Просто чтобы
Не встретить
Лицом к лицу
Правду в прозе:

Я машинка
С одной задачей -
Ни выключить,
Ни отжать.
Есть две единицы -
Не вырежешь
Без ножа.
И когда

Им захочется убежать,
Мне придется
Много изображать.

Закрываешь глаза и уши
И учишься не дышать.

Молитва понедельника

Пожалуйста, продержись.
Даже если уже держался.
Чистил зубы, стоял в автобусе,
Ближнему подставлял плечо.
Пожалуйста продержись еще.

Пожалуйста, продержись.
Даже если выучился,
Школу закончил,
Пара дипломов,
Курсы проф. переподготовки,
Нашел работу, живешь отдельно,
Устроил жизнь и умеешь готовить
Лечо и суп харчо.
Пожалуйста, не гляди в будильник
Будто ты обречен.

Пожалуйста,
Продержись еще.

Триптих

1.
Когда я счастлива, я всего боюсь.

Машин,
Отпустить тебя в магазин,
Вдруг я тебе приснюсь
В каком-то нездешнем и странном
Платье,
Звонков среди ночи,
Полетов, смещения позвонков,

Каких-нибудь страшных болезней,
Дремлющих между слов,
Крутых поворотов, острых глухих углов.

Много чего боюсь,
Хотя я совсем не трус.

Просто счастье
Делает мир вокруг
Чудовищно хрупким.

Ты делаешь мир вокруг
Песочным печеньем -
Я вижу неловкий сруб
И крошки.
И мне не хватает рук
Его страховать -

Нелепый ребенок,
Живой, беззащитный круп.

2.
Когда устаю, мне становится все равно.

Держать мир глазами,
Смотреть на него в окно,
Глотать его снова:
"Только не упади!".

Представлять, как в солнечной дымке,
Там впереди
Рушатся города.

Когда устаю, я уже не боюсь
Никогда.

3.
Тогда
Мне становится даже жаль,

Что вода не выльется через край,
Что не вырвется птица из-под ребра -

Зубы земли с налетами серебра,
Косой дождь из перьев,
Чудовищная жара.

Что им тоже придет пора
Не сегодня и не сейчас,

Что мы держимся за балласт,
Что мусолим как фантик наш мир в горсти
И стесняемся
Отпустить.

Если собираешься «налегке»,
Оставляй перчатки-зонтики
В уголке,
Отчеркни две линии
На листке,
Не играй по дороге в салочки,
В классики,
В бильбоке.
Не считай ворон.
У ворон по датчику
На зрачке.
Не носи свой скarb
В носовом платке
(что по форме похож
на парус)
Не ходи по кафе –
Там у кофе ожога
Привкус на языке,
Там тебе нагадают
На котелке,
Что никто
Не ждет тебя
На крутом витке –

В рубашонке белой,
В дурацком хмельном
Венке.

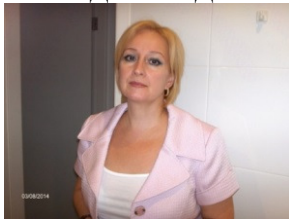
Не тяни за нити,
Иди туда,
Где над морем ночами
Светятся города.
Где о ставни стучит
Поздним гостем
Пенистая вода.

Где по улочкам
Бродит моя беда
В свежесшитом саване
Из стыда,
Как промокший несчастный
Призрак.

Где мне снится под утро
Талое «навсегда»,
Это малое,
Верное, жуткое «навсегда»,
Что однажды пришло «от туда»,
Спасло «сюда».
И блестит теперь
Сквозь буковки и года,
Между небом и небом
Рваная борозда
Между той
И текущей жизнью.

Повтори!

МИЛАДА КОНДРАТЬЕВА

Родилась в городе Горьком (Нижний Новгород). Окончила Горьковский государственный университет. Работала учителем математики в средней школе. В 1998 году эмигрировала в Канаду. Окончила York University математический и педагогический факультеты. Работала учителем математики и физики. С 2007-го по 2012-й годы проживала в США Сейчас живу в Австралии, город Сидней.

Поэт, член различных литературных объединений, в том числе Московской и Санкт-Петербургской городских организаций Союза Писателей России; лауреат международных поэтических конкурсов. Работала редактором альманаха «Чувства без границ», а также главным редактором журнала «Лауреат», выпускаемого Международным Союзом Писателей «Новый Современник».

Занимаюсь авторской песней, дуэт «Милан» (Милада Кондратьева и Анна Бурова) исполняет как известные бардовские песни, так и песни, написанные Миладой Кондратьевой.

НАША ВЕСНА

И.Б.

Это наша весна.
Это чудо дала нам природа.
И для нас не важна
Продолжительность этой мечты.
Тёплый солнечный день,
Или два, или, может, полгода.
Ярких бликов рефрен,
И неверие в счастье почти.

Сколько вёсен таких
Нам отмерила жизнь-скупердяйка?
И желаний мирских
Неисполненных целый карман.
Романтических чувств –
Кот наплакал, тюремная пайка.

Хоть с мечтами умчусь:
Стейк, омары, мальбек, ресторан.

Доставай сухари,
Водки четверть, селёдку, гитару.
На меня не смотри,
Будто вправду сейчас удивлён.
Жизнь дубила и жгла,
Ничего не давая мне даром.
Редок свет, чаще мгла,
И волос обесцветился лён.

Мне не принадлежат
Ни судьба твоя, ни обещанья.
Крик не будет зажат
Меж зубов у прощальных минут.
Что ж, сыграй для меня
Тот мотив, что мне сердце не ранит.
И, весну хороня,
Без слезы я её помяну.

Когда отшумят непогоды и вьюги,
А ласковый ветер коснётся волос...
Когда все доспехи: и шлем, и кольчуга –
Найдут своё место в почётном углу...
Когда провиденье окажет услугу,
За нас задавая нелёгкий вопрос...
Мы всё же решим увидаться друг с другом
На ярмарке судеб, событий балу...

Я эту желанную тёплую встречу
Себе представляла не раз и не два...
Готовилась взвешенно-трепетной речью,
Смущенья лишённой, начать диалог...
Я руки тебе мягко клала на плечи,
И ты не желал от меня отставать...
Закатом вокзальный перрон был расцвечен,
Да небо взрывал паровозный гудок...

Что можно ещё пожелать двум счастливым?
Уютный шалаш и звезду в вышине...
Чтоб рядом струился ручей говорливый.
На долгие месяцы, дни и года...
Но в сказке забытой осталось огниво.
Мы – не в шалаше, а в простой западне...
Расскажет закат своим красным отливом,
Что ты изменился, и я уж не та...

РЫЖАЯ ЗВЕЗДА

Я сейчас загадаю на ту золотую звезду,
Что с хитринкой в глазах мне любовь твою пообещает.
И мгновенно вернусь в те в года, где ещё не был сдут
Наш воздушный и розовый шар, именуемый счастьем.

И ты в это же самое время проснёшься в ночи,
И, увидев звезду, что с небес отливает рыжиной,
Вдруг почувствуешь импульс: со скоростью света домчит
Он к тебе мою страсть, как вторую твою половинку.

Мы без горечи в грёзы друг друга ввергаем опять.
Нам посредник – звезда, неумная рыжая сводня.
Торопись на закат, ты, наверно, устала сиять.
Да и мне отдохнуть не мешало бы тоже сегодня.

Только ты не забудь, моя звёздочка, спутник ночной,
Заходи иногда, поприветствуй повадкою лисей.
И мосты наведи между мною и им, а со мной
Пусть останутся строки никем не прочитанных писем.

ДОЧКА

Дочка-кровиночка, нежная, сладкая.
Мамины волосы, уши, глаза.
Мягко целую в макушку, украдкою
Плачу и слёз не хочу показать.

Соединенье-слиянье-сцепление
Чаяний, веры, страданий, надежд,

С высшим и мудрым соприкосновение –
Семь раз отмерь и один раз отрежь.

Ты превзошла мои самые дерзкие,
Самые лучшие в жизни мечты.
Я, во вселенной пропавшая без вести,
Стала с судьбою своею на ты.

Ночь или утро, дыхание каждое,
Мысли, сомнения – всё о тебе.
Тёмным грядущее больше не кажется,
Впредь перед совестью мне не робеть.

И растворяется с каждым мгновением
Мгла, горизонт начинает светлеть.
А на обломках прошедшего брэнного
Мне больше не о чем в жизни жалеть.

РАСТАЯЛ СНЕГ

Сегодня вдруг растаял снег,
Без укоризны, без остатка,
Взамен даруя лёгкий смех,
Ручьёв косички на брусчатке.

Без укоризны, без остатка
Меня покинула хандра.
Нарциссы проросли на грядке,
А ведь их не было вчера.

Взамен даруя лёгкий смех,
Воздушность вкупе с dolce vita*
И радость от простых утех,
Что были так давно забыты,

Ручьёв косички на брусчатке
Сплетаются в поток, как в трос.
И хаос приведя к порядку,
Ответ нашёлся на вопрос...

О том, что вдруг растаял снег,
В конце концов он всё же тает
И жизнь иную обретает,
Звуча элегией Массне.

dolce vita* (дольче вита, итал.) – сладкая жизнь.

До луны не достать, до весны не дожидаться
И себя не стащить с колеса жерновов.
Только надо беспечно весь день улыбаться
И стрелять фейерверком незначимых слов.

И в тенетах житейских бессмысленных функций
Вновь писать продолжение зачитанных книг,
Для которых трактовок не сделал Конфуций,
Обыватель в глубинную суть их не вник.

Ну и где же та суть, что лежит под пластами
Надоевшей рутины и серости дней?
Я не верю, что мы утончённее стали,
Но себя понимать с каждым годом трудней.

И задачи по хитрости всё непосильней,
И решений колодец до дна оскудел,
И ладонь всё грубей испещрённостью линий,
Непрерывностью и бесполезностью дел.

Вот и я пополняю ряды безнадёжных,
Вот и я источила огнива кремь.
Как всё просто и с тем одновременно сложно.
Ну, давай, наступай новый сумрачный день.

А новый день пришёл...
И вопреки охрипшим ожиданиям
Метаморфозу сотворил.
И будто бы плащом,

Истоптанность возврата из скитаний
Безудержностью радости накрыл.

А новый день принёс
Так неожиданно и долгожданно
Забытые уже почти
Ответы на вопрос,
Тепло наивной юности признаний
И мудрую надежду тридцати.

А новый день так свеж,
Так солнечен, пленителен и лёгок,
Что я доверилась сполна
Узорам неба меж
Оттенков зелени, шагнув с порога,
Поняв, что расступается стена.

А новый день в меня
Лучами утра намертво вонзился,
Лишив глаза обузы век.
И шрамы не саднят,
А там, где червь сомнения возился, —
Теперь площадка, чтобы взять разбег.

КУКУШКА

*Когда ты уходил такой чужой,
Амуры на часах сломали лук и стрелы,
Часы остановить тогда я не сумела,
Как не смогла остановить тебя.*

Илья Резник

Настенные часы два раза в сутки
Не врут, хоть и с надменностью молчат.
Он месяц как уехал на попутке
На край земли: в Канаду или в Чад.

И в комнате, вздохнув, застыло время,
Как сердце у отвергнутой ханум.
О как она хотела тоже в Бремен —
За ним, в свободу дел, и крыл, и дум.

Но те часы магнитом ей служили,
Как якорем, прицепленным к скуле.
Ей быть хотелось дивой в водевиле,
А не концом верёвки при петле,

Мюнхаузеном на ядре из пушки,
Руладой звонкой в птичьих голосах...
Но Мастер сотворил её кукушкой
Вот в тех остановившихся часах.

ОСЕННИЙ РОМАНС

Вот и до нас достучался осенний романс.
Вот и дожди принесли уют и сонливость.
Ветер, придумав закон невесомости масс,
Листья закружит, чтоб снова поверить смогли вы,

Как предсказуем природы нетленный закон,
Как поступательно осени поздней движенье.
И не случилось, что не был бы заморожен,
Видя в реке дождевых облаков отраженье,

Солнца закат, чей краснее и ярче отлив
День ото дня и всё раньше, всё крепче, всё горше.
И ощущаешь, что время, отсчёт обнулив,
Нудные дни раздаёт изобилием в горсти.

Хочешь не хочешь, а дозу унынья прими.
Любишь не любишь, а выпьешь злосчастья зелье.
Знаешь не знаешь, но близится поступь зимы.
И не надеешься на возвращенье апреля.

Только вот так же успешно наступит апрель.
В срок, неизбежно, без грусти и без промедлений.
Просто дождитесь, когда ледяная купель
Вновь обратится бурлящей рекою весенней.

ПОСТХЕЛЛОУИНОВЫЙ СИНДРОМ

Опять с утра мои зашорил окна
ноябрь-печальник проливным дождём.

Как несуразный сноп соломы, мокнет
весь мир надежд. Никто освобождён
от злого заклинания не будет,
не избежит осенних хмурых чар.
И дышит через раз, надсадно, грудью,
асфальт, надевший волглый пенюар
из грязно-обесцветившихся листьев,
бугрящихся у лавок и в углах,
прохожим оборачиваясь риском
ступить ногой в собачий выгул. Ах,
как непереносимо мало света!!!
А будет два часа ещё долой.
Кому пришла на ум сия вендетта
с жестокосердьем, варварской хулой?
И кто придумал это межсезонье,
рождающее злость, тоску и сплин?
Наверно, тот, кому похмельным звоном
по телу разлился Halloween.

Всем иммигрантам в США посвящается

Здесь, у центра вселенной, но всё ж у чужих берегов,
Я учусь постигать «за» и «против» неблизкого мира:
Дорогой ресторан отличать от простого трактира
И не гнущся под свистом плетей и тугих батогов.

Здесь, у края надежды, в придуманном кем-то раю,
Я учусь вычленять зёрна радости из небылицы,
Грубой веткой к стволу экзотической пальмы привиться,
Хоть не ведаю, что из рассыпчатой ткани скрою.

Здесь, в безудержной гонке за тем, что не буду иметь,
Я учусь всё же верить в искусственные идеалы
И, копируя краски заката, стремлюсь в ярко-алый
Разукрасить ладонью свою светло-чёрную клеть.

Здесь, где мы так ущербны, как двигатель без лопастей,
Даже чернь нас считает отребьем без племени-рода,

Ностальгия и гордость – для нас ежедневная мода.
Мы должны выживать и воспитывать наших детей.

Здесь, у центра вселенной, но всё ж у чужих берегов...

Мне в средней полосе России,
В краю раскидистых берёз,
Средь рек родиться довелось.
Пейзажами её простыми
С тех пор пропитана насквозь.

Я много лет брожу по миру
И вижу дивные места
(Запанибрата с ветром став):
Высоты гор, морские шири –
Величие без хвастовства.

А в сердце ноющим осколком,
Золой белёсой на угле,
Тоской глубокой о тепле, –
Что сравниваю только с Волгой
Любую реку на земле.

ЕЛЕНА КОПЫТОВА

Родилась и живу в Риге. По профессии - преподаватель. Автор печатных и электронных публикаций.

Дорожное

...а за окном – берёзово. Шпалы – чересполосицей.

Небо играет красками щедро и нараспев.

Сумерки гонят с пастбища рыжее стадо осени.

Даль убегает в прошлое, выдохнуть не успев.

Только прикосновение, только намёк – не более...

Тянется-канителится времени волокно,

зыбится послесловием чеховской меланхолии...

Жёлтый зрачок прожектора осветил полотно.

Беглый этюд – плакатное: рыжий трёхлетка с яблоком.

Ложка по подстаканнику бряцает бубенцом.

На незнакомой станции суетно, как на ярмарке.

Пахнет капустой квашеной, бочечным огурцом.

Можно дышать, как дышится... или парить, как движется.

Можно сказать, как выдохнуть – шелестом-ветерком.

Только вот слово «Родина», в общем-то, слишком книжное...

лучше бы – полушёпотом, тающим сквозняком.

Бродят слова ненужные (вроде письма с оказией) –

то ли уже на подступе, то ли еще в пути ...

– Вяленным рыбным Севером, спелой арбузной Азией,

мокрым хохлатым Питером

встреть меня, приюти...

и посмотри доверчиво... и обними по-дружески...

пусть себе паутинится медленной речи вязь.

Будь ты слегка подвыпившей, луковой и простуженной...
Знаешь, и пуповинная недолговечна связь.

Вижу – на шею времени кольца легли годовичные.
Вижу как из дорожного старого рюкзака
волком глядит предательство паспорта заграничного
с ужасом обреченности вечного чужака.

Провинциальное

...и неважно, где он и как зовётся –
городок с часовенкой под ребром.
Ночью время черпаешь из колодца,
до утра гремишь жестяным ведром.

И душа наполняется зыбкой грустью.
Всё застыло будто бы на века
в закоулках этого захолустья.
На цепи по-волчьи скулит тоска.

...колосится утро над бездорожьем.
На лугах – ершистая трын-трава.
Вот бы враз оторваться, сдирая кожу! –
Отболев, отникнуть, но – черта с два! –
Как ни бейся – хлёсткая пуповина
неизменно тянет тебя назад.

...у хозяйки – брага (к сороковинам).
На столе – портрет (утонувший брат).
На цветастом блюде – свечной огарок.
Кислый квас – во фляге. В печи – блины.
На плакате выцветшем – Че Гевара,
и ковёр с оленями – в полстены.

Даже то, к чему ты едва причастен,
прикипает к памяти навсегда.
В сенокос – царапины на запястьях,
да жара без продыху – ерунда.
От того, что было сплошной рутинной –
горячо и больно, по телу – дрожь...

тишина колыхнется паутиной –
даже выдохнуть страшно,
а вдруг порвёшь?

Незнакомая Родина

Два вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?»,
как седые просёлки, навеки схлестнулись.
В Ярославле над Волгой ярится закат.
Тлеет Тула витринами пряничных улиц.

А в вагоне – туман опрометчивых слов.
Да и сам ты доверчив, наивен и жалок,
обнаживший всю душу до самых основ,
точно Питер – изнанку своих коммуналок.

...за спиною – перрон. Переступишь порог –
и на пир с «корабля», но расходятся гости.
...а рассвет с огоньком, и с горчинкой дымок,
и дрова – на дворе, и трава – на погосте.

Оживает душа, обращённая в слух.
Акварельные зори свежи и прозрачны,
но умолк предпоследний нетрезвый петух,
оцарапав околицу хрипом наждачным.

Вот бы взять да попробовать жить-не тужить,
чтоб душа – нараспашку!.. Похмельно-непьющий,
понимаешь, что... – к лешему вся эта жизнь! –
Что за чушь, что дорогу осилит идущий?

Кто соврал, что идущему ноша легка? –
Добрести бы до дома неровной походкой...
(Как известно, Россия – в глазах чужака –
пресловутый медведь, балалайка и водка).

Незнакомая Родина... Всё замело –
заметило пеплом неверного слова.
...а в плацкартном вагоне тепло и светло.
И подросток-«ботаник» читает Толстого...

В плацкартном вагоне

«Скорый» ход набирает, время его пришло —
Измерять колёсами Среднюю полосу.
А моя попутчица — как же не повезло —
Говорливая тётка, жующая колбасу.

И она всё болтает, битком набивая рот...
Вот ведь, думаю, надо же — выдался мне «досуг»!
А она — про соседку, Путина, огород...
Начала о себе. Побежали мурашки вдруг.

И в глазах ее шевельнулось на самом дне
То, что с детства задолблено: взялся — тяни свой гуж...
Её сын в девяносто пятом погиб в Чечне.
В девяносто девятом повесился спьяну муж.

Она, пот отирая со лба, говорит: «Жара».
Отхлебнув воды, улыбается: «Хорошо».
У нее умирает от рака в Москве сестра,
Она едет прощаться с последней родной душой.

Паренька жалеет: «Совсем еще не окреп.
Видно мать измаялась, бедная, ждать сына!» —
Спит в наушниках тощий дембель, сопя под рэп,
С верхней полки свисает жилистая рука.

Все затихло, уснуло, съёжилось, улеглось.
И вагон стучит колёсами и храпит.
Но метёт мозги бессонницы помело.
Сколько сорных мыслей...
какая из них пронзит,
прошибёт, проймёт до ядрышка, до нутра? —
«Я лишь пепел Европы, и здесь не моя страна»...
Как же сладко курится в тамбуре в пять утра!
За окном рябинно, розово. Тишина.

Крепкий орех

...только мама и ты. И весна на дворе.
Воздух детства, звенящий, как спелый арбуз.

Слово «Родина» – крепкое, точно орех –
не распробуешь с первого раза на вкус.

...середина пути. И дождём осаждён
серый город, дрейфующий в талой воде.
Так бывает: годишься не там, где рождён...
а бывает... и вовсе не годен нигде.

...и трясёшься в вагоне – судьбе ли назло? –
Вот и дерево кроной глядит на восток. –
Так подбитая птица встаёт на крыло,
безнадёжно ловя восходящий поток.

...а тебе говорят: «Так ведь это – твой дом!» –
ножевые слова – как удары серпа.
Слово – крепкий орех, да вот только потом...
от него остаётся одна скорлупа.

...и царапаешь душу в густой трын-траве.
Но с тобой пуповиной земли сплетены –
вместо матери – крест, вместо Родины – две
совершенно чужих бесприютных страны...

Памяти мамы

...и когда онколог развёл руками... и хлестнула чёрная полоса
по судьбе... и дымными облаками занесло больничные корпуса –
в жуткий миг, когда умерла надежда, и пахнуло ужасом и концом,
этот мир остался таким, как прежде! – Так хотелось плюнуть ему в лицо!

...и меня шатало – от слёз и водки. Сигаретный пепел летел в глаза.
Пьяный двор качался разбитой лодкой.
– Мама, сколько нужно тебе сказать!
Сохранить тебя – до последней пяди!
...а потом... моя неживая тень наступала на ноги тем, кто сзади –
в похоронный хмурый осенний день.

Только боль – по горло, тоска – по пояс,
да в пустынном небе – никчёмный свет.

Так чего-то ждёшь, опоздав на поезд,
и ненужный держишь в руке билет...

.....
...и опять рождается по привычке
новый март, готовый пуститься вскачь.
Акварельно, ветрено и синично!
Несомненно, время – хороший врач.

Но со мной – мои «болевы́е точки». И как нерв искрящий – моя звезда,
невзначай застрявшая в междустрочье. И «кривая» вывезла не туда.
И до боли ясно – не быть Поэтом (что ни слово – рублено топором)...
– Только, мама... где же твои заветы?
Где-то там – у вечности под ребром?

Ты прости, во мне тебя слишком мало, я хочу не сбыться, а просто –
быть.

Не смогу я жить по твоим лекалам, не сверну с дороги своей судьбы.
Я – чужой Вселенной слепой осколок, потерявший веру в благую весть.
Если Бог безмолвствует, как онколог, как-то глупо спрашивать: «Шансы
есть?»...

Город ты мой единственный

Чётное и нечётное – улицы арифметика.
– Не говори мне лишнего, ведь всё равно – не то! –
В красном трамвае с рожками – шумные безбилетники.
В зыбком морозном мареве – клетчатые пальто...

– Как не поверить в лучшее, если в кармане – семечки,
Город мой, отпечатанный в памяти навсегда –
старой ушанкой кроличьей, булочкой трёхкопеечной,
струнными переборами, искрами в проводах...

«Винный», «Пивной», «Закусочный», в меру обезображенный
пряным закатным соусом; кухонный шут и враль...
– Город ты мой единственный, памятью приукрашенный,
был ты таким «безбашенным» –
был в голове февраль...

Хватит. Откуролесили. Впору бы образумиться...
Время упругим яблоком катится в никуда.
...но, за подкладкой Города, в тесном кармане улицы
прячется сумасбродная – только моя – звезда...

.....
Капли летят за шиворот. Ветром лицо исколото.
Жёлтый фонарь качается. Мокрая тень дрожит...
– Город ты мой единственный,
ну, извини – какого ты
лешего бестолкового – стал мне таким чужим?

Что остаётся? – Вымокшей тенью бродить по улицам,
жадно курить и сплёвывать в чёрные пасти луж.
Город ты мой простуженный, что же ты так нахмурился?
Сколько в тебе утоплено эдаких «мёртвых» душ?

Постновогоднее

Зимний город – осколок чужого наследства –
прижигает лицо, как пчелиный укус,
и хрустит на зубах карамелькой из детства. –
Хорошо... – на не слишком взыскательный вкус.

Хорошо... – потому что рукой – до Парижа.
Над Монмартром – луна. И вино – дотемна.
Кто сказал, что далёкая Родина – ближе? –
«...был ли мальчик?» (ну, в смысле – была ли Страна?)

...отболеть-отгореть-улететь в «несознанку» –
всё нормально, все средства давно хороши.
Ты, как Маугли, прячущий волчью изнанку –
в камуфляже глухой человеческой души.

Да куда ж – от себя? Доживай иноверцем,
догорая костром на чужом берегу.
Продолжайся – ожогом на чьём-нибудь сердце,
беглой строчкой, пунктиром лыжни на снегу...

Белый город мятежные мысли хоронит.
И уже однозначно – тебе не родня –

пассажиры на гулком метельном перроне.

.....
И... да здравствует Родина!.. Пусть... –
без меня.

Без слов

Говорят, в Отечестве нет пророка,
да и кто б узнал его, если есть?
Но зато опять на хвосте сорока
притащила сдуру худую весть.

...а в чужое сердце влетишь с разгона,
так тебя проводят – «на посошок»
полной чаркой спелого самогона.
Сумасбродно, ветрено... – хорошо!

...а потом – привычный рассол на завтрак.
Хоть полвека пей, всё равно – тоска.
Ты чужой здесь и... не сегодня-завтра
упорхнёшь, как ласточка с облучка.

... но пока... молчи! На душе бездонно.
Всё, что важно, сказано и без слов.
Просто Бог, шутя, раскидал по склонам
золотые луковки куполов.

Просто остро пахнут лещом и тиной
на равнинах волжские рукава.
И тебя пронзает гусиным клином
ножевая русская синева.

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН

Поэт. Родился в 1958 году в Ленинграде, проживает в Санкт -Петербурге. В 1981 году закончил Ленинградский Финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского. Работает ведущим информационных передач на радио Санкт-Петербургской митрополии Русской православной церкви «Град Петров». Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2013". Лауреат Международного литературного конкурса "3-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии – 2014". Публикации в журналах «Окна» (Ганновер, Германия), «Kulturwelten» (Берлин, Германия) «Белый ворон» (Екатеринбург, Россия), интернет-изданиях «Literratura», «45-я параллель» и других. Сборник стихов «13 сапфиров и разноцветные черендыбы», СПб, «Своё издательство», 2014.

Любовные признания человека-хека

Муза в зимнем пальто постучалась к поэту
И, не решаясь войти, долго в прихожей топталась.
Он её звал, умолял, говорил: «Заходи-ка!»,
Но, несмотря на мольбы, Муза стояла у двери.

Видя, что гостя боится, поэт осторожный
К Музе на стуле стал подъезжать незаметно.
Он задавал ей вопрос, который годами
Мучил его, не давая ни сна, ни покоя:

«Я где-то читал про такое явление рифмы.
Скажем, строчка закончилась словом «досада»,
Тогда через строчку, слога повторив мы,
Ставим слово другое... Какое, не знаю».

Муза в ответ говорила поэту с обидой:
«Много поэтов я в жизни встречала, не скрою.
Знала Гомера-слепца, псалмопевца Давида,
Но ни один не пытался подъехать с такой ерундою.

Муза к поэтам приходит дарить вдохновенье,
А не учить недоумков азам стихотворной науки.
Думаешь, буду к тебе приходить каждый день я
И за обол загигаться с тобою от скуки?

Что же касается рифм, то такие, чтоб вечно звенели,
Чтобы, как звёзды повсюду сверкали, прославясь,
Нынче остались, пожалуй, лишь в Венецуэле,
Где ими правит мой Уго возлюбленный Чавес.

Ясно, что ты не поэт, а лихой самозванец.
Время терять в разговорах не вижу я смысла.
Ведь интересно с тобой рассуждать разве только о бане...»
Хлопнула дверью она и исчезла навеки.

Долго плакал поэт, потерявши надежду.
Долго стоял на коленях у двери закрытой.
В лужи персты окунал темноватой водицы,
Что набежала с сапог златокудрой богини.

Человек похожий на рыбу

Человек, похожий на рыбу, а имя его Марлен.
Персонаж многочисленных басен, песен, стихов и легенд.
Вдохновитель самых изысканных артхаусных кинолент.
Творец музыкальных стилей, поэт и интеллигент.

Человек, похожий на рыбу, страшный, как Полифем.
Он только сегодня утром прибыл из города М.
Человек, похожий на рыбу – любитель серьёзных тем.
Принёс госпоже экспедитору белый букет хризантем.

Над Божьим миром большим белым шаром повисла луна.
Госпожа экспедитор привыкла, что вечно она одна.

Она готова идти с ним в театр или идти в кино.
Она готова просто сидеть на скамейке – это ей всё равно.

Госпожа экспедитор шепчет: «Спасибо тебе, Марлен.
Хризантемы твои прекрасны, что я могу дать взамен...»
Госпожа экспедитор плачет, держит в руках букет.
Человек, похожий на рыбу прячет в карман пакет.

Продавцы ему предлагали завернуть цветы в целлофан.
Но он выбрал пакет из газеты и прячет его в карман.
Газета торчит из кармана и выглядит довольно смешно
Он думает незаметно бросить её в окно...

Над Божьим миром большим белым шаром повисла луна.
Госпожа экспедитор счастлива – сегодня она не одна.
В огромной руке Марлена, как в люльке, её рука.
И ей глубоко безразлично, что похож он на судака.

Про трёх карг

Три карги любили парк
утром по парку шарк-шарк
в шляпах галошах старых пальто
я с ними рядом мало ли что
от Тялево до вокзала идут
туда и обратно сорок минут

а по вечерам три карги
читали на кухне Шарля Пеги
две молчат а одна из карг
вслух читает про Жанну д'Арк
руки дрожат под глазами круги
а вот же читает Шарля Пеги
по-французски читает стихи
я тихо смеялся хи-хи

а потом три карги
ушли туда где не видно ни зги
павловский парк наполнила грусть
снег под ногами хрусть-хрусть

нет теперь ни одной из карг
я один иду через парк
только ветер шварк-шварк
и ворона карк...

Приз

Многое мог бы сказать я
О той, что на самом верху этой лестницы стоит одна
В очень красивом оранжево-коричневом платье,
На котором уже почти незаметны пятна от красного вина.

Вверх по лестнице плотной толпою
Двигутся какие-то толстяки:
Мелкие бизнесмены, продюсеры, плейти,би,
Директора автоцентров, рыночные мясники.

Они толкаются, пыхтят от напряжения,
Каждый надеется заграбастать приз.
Приз – это ты, которая с пренебрежением
Смотрит на это мужское скопище сверху вниз.

Я сижу один в оркестровой яме,
Не вижу смысла бежать, шансы слишком невелики.
Я, пожалуй, не смог бы пихаться локтями,
Как эти толстые мужики.

Только один момент я хотел бы вернуть обратно.
Вот пластмассовый стаканчик вырывается из моей руки,
И на твоём оранжево-коричневом платье появляются пятна,
Похожие на острова и материки.

Это было очень красивое платье, чуть ли не от Гальяно,
Оно было достойно тебя, а ты потрясающе хороша.
И теперь из-за этого шедевра, что я испортил спьяну
Плачет и рыдает моя душа.

Я тогда извинялся, краснел, бормотал о стиральной машине,
Ты улыбалась сквозь слёзы, говорила, что всё ерунда,

Ведь это лишь тряпка. Но я понимал, что ныне,
Потерял тебя навсегда.

Мне бы собрать остатки того блюда из кури,
Что ты в тот вечер ела, но не успела доесть,
И пригласить гаруспиков или авгуров.
Уверен, такие в нашем городе есть.

И они бы мне рассказали, как всё будет,
Рассказали, что это закончится некрасивой борьбой,
И тогда б я уехал, лишь бы не видеть, как эти люди
Дерутся на лестнице, чтоб овладеть тобой.

И когда ты вышла из зала, вернулась в свой номер обратно
В оранжево-коричневом платье с подтёками вина,
Тебе нужно было искать телефоны старушек, способных читать по
пятнам,
А ты просто закрылась в ванной и плакала там одна..

И в тот же вечер ты могла позвонить подруге,
По интернету сразу же заказать билет
И той же ночью уехать к ней в город Брюгге,
И прожить там множество скучных спокойных лет.

А теперь, на мужиков спешащих, как бы ты не смотрела:
Пренебрежительно, гордо, сверху вниз,
Один из них всё же доберётся до твоего тела,
Которое, по сути дела,
И составляет приз.

Оять

ты прибрежной тропой обогнешь оять
Марина Немарская

Я маленький плот посреди реки,
Великой реки Оять.
По ней какие-то мужики
Решили меня сплавлять.
О, если бы ты подошла с багром
К великой реке Оять!

Тогда на небе раздался бы гром,
Оять потекла бы вспять.
Тогда бы весь мир засмеялся вдруг,
Как будто сбежал из тюрьмы.
Как овцы скакали бы горы вокруг,
И как ягнята холмы.

Но ты страшишься встречи со мной,
Не в силах сказать "прости",
И ночью крадёшься тропинкой лесной,
Надеясь Оять обойти.

Но разве можно Оять обогнуть?
От края до края земли
Она проходит великий путь
Длиной в десять тысяч ли.

Ты будешь долго по лесу петлять,
Кривые тропы тая.
Но вдруг воскликнешь: "О, Боже! Оять!"
И там будет плот - это я.

Когда-нибудь ты сумеешь понять,
Как тягостно быть плотом,
Как муторно плыть по реке Оять.
Но это будет потом,

Когда по этой реке Оять
Сплавят тебя саму,
И ты в судьбе своей помешать
Не сможешь уже ничему.

Потом когда-то река Оять,
Которая шире всех рек,
Исчезнет бесследно, как буква ять,
И не вернётся вовек.

Исчезнет чудище Бегемот,
Живущее в толще вод.

Потом наступит и мой черёд -
Исчезнет маленький плот.
Потом весь мир навсегда уйдёт,
Но будет вечно сиять
Таинственный свет там, где маленький плот
Плыл по реке Оять.

Одиночество

Ты одна
у окна.
Ты опять никому не нужна.
А над Божьим миром большим белым шаром восходит луна.
О, где вы, те времена,
когда входил сюда человек,
похожий на рыбу хек?
Удержать его тебе не хватило ума,
ты выставила его сама.

Ты сама прогнала человека-хека
за то, что был похож он на хека.

И на шёпот: "Хек, хек, где ты, где ты?" -
нет ответа.
Ты сама виновата в этом.

Может, он возглавляет демонстрантов в Нью-Йорке,
или читает в Мадриде доклад о Гарсиа Лорке,
или заперся у друзей на даче
и дописывает сценарий "Черчилль и кукарача",
или исследует памятник над этрусской могилой.
Неужели он никогда не вернётся? Милый...
Никогда не появятся в комнате чёрная шляпа и борода,
атрибуты творческого труда.

Хек не вернётся, он слишком гордый
со своею невзрачной рыбьей мордой.

Надо забыть о нём поскорее.
Лучше мечтать о новом герое Кореи,

товарище Ким Чен Ыне,
который так популярен ныне,
или думать о Джоне Донне,
хотя он, вроде бы, помер.

О Киме и Донне мечтать у окна,
хотя и этим ты не нужна...

Наставник понимает,
что Возлюбленный не придёт,
и, кроме того, понимает,
что это, наверное, к лучшему.

Ведь Возлюбленный, он такой требовательный,
мнёт твою жизнь в руках, как глину,
и может вылепить из неё
всё, что захочет.

А так
никто не мешает спокойно сидеть,
смотреть на пролетающих журавлей
и предаваться размышлениям,
о том, что всё проходит.

Наставник говорит Линь Дайюй:
"Возлюбленный не придёт.
Он не может прийти.
Наводнение снесло все мосты.
Он просто не может прийти".

Линь Дайюй делает вид,
что тоже никого не ждёт.
Она моет чашки, потом подметает хижину.
Она делает вид,
что никого не ждёт,

но прислушивается к каждому шороху.

У мыса рас-эль-Хартум

Человек есть мера всех вещей,
Кажется, говорил Протагор.
Золотые кудри, прямой пробор,
Платье небесного цвета, какие любил Диор...
Я почему-то сразу вспомнил тебя,
Когда увидел эти безумные массы воды,
Летающие с Абиссинских гор.
Голубой Нил вырывается на простор.

А Белый Нил тем временем по краю равнины
Тащит миллионы частиц белой кембрийской глины.
Его называют белым или седым,
Серым, сизым, молочным – в общем, любим.
Он еле плетётся по этой пустыне,
Просто увязает в белой кембрийской глине,
Но, в конце концов, всё равно, встречается с Голубым.

Мемфис, Фифы, город Ахетатон,
Это всё история, но это потом.
А пока два потока, пришедшие из мировых глубин
Здесь у мыса рас-эль-Хартум сливаются в один.
Они сливаются как бы для нас с тобой –
Два потока – Белый и Голубой.

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Родилась в г. Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Жила в восьми странах, побывала более чем в шестидесяти. Автор многочисленных публикаций, в том числе в журналах «Нева», «Юность», в «Литературной газете» и многих других изданиях. Сборник стихов Н. Крофтс «Поэт эпохи динозавров» вошёл в список «65 лучших книг года» в России, а в 2013 году – в длинный список премии «Литературной газеты» им. Антона Дельвига. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в Сиднее.

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней – и вот она в тебе –
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило –
в край небоскрёбов или скал –
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ – нет, не тех, из книжек –
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.
И будто всё отлично с виду:
умыт и трезв, идёшь в театр –
но чувствуешь: с тобой в корриду
весь день играет психиатр.
Или в музеях строгой Вены
бредёшь меж статуй героинь –
а врач решит – и резко в вены
введёт любовь, как героин.

Спокойней – в домике с охраной,
решёткой, каменной стеной,
где мне зализывают раны –
чтоб не осталось ни одной,
где нет ни долга, ни заботы,
ни вин, ни бед... Халат надеть
и от субботы до субботы
на подоконнике сидеть
и издали смотреть на лица
толпы, на улицу в огне.
А рядом Гоголь отразится
в забитом намертво окне.

* * *

Отключить телефон, оборвать пуповину шнура
интернета,
и понять: ты один. Ты один. Остальное – игра
тьмы и света.
Ты – в забытом лесу, и от страха плетешь
небылицы.
Сквозь предсмертную дрожь
ты твердишь себе ложь –
в ожиданье тепла,
перелома,
чудес...
или просто – когда ж этот лес
прекратится.

* * *

Зажмурится ветер – шагнёт со скалы.
Спокоен и светел тяжёлый наплыв
предсмертного вала – он манит суда
на дно океана. Седая вода
врывается в трюмы, где сгрудились мы:
звереем – от запаха смерти и тьмы,
безумствуем, ищем причины...

Кричим: «Это риф – или мысль – или мыс –
бездушность богов – нет, предательство крыс...»
И крики глотает пучина.

Я ринусь на палубу, в свежесть грозы.
Пора мне.
Монетку кладу под язык –
бросаю ненужные ножны.

И плавно – сквозь ночь, как седая сова –
с галеры взлетаю – туда, где слова
понятны ещё –
но уже невозможны.

* * *

Лучше жить вообще без надежды,
чем с надеждой, умирающей каждый день.
Край одежды
зацепился за имя твое, за тень
наших разговоров, за белую стаю
наших писем.
Не пускает.
Стаю
сдам на подушки –
на пух.
Жалко ее, конечно,
только – одно из двух:
или она меня заключает –
или –
я ее, влёт.
Чтобы выжить.

Железный свист.
...письма лежат в крови,
в слое небесной пыли.

* * *

Ты понимаешь: этот угар – последний.
Занавес. Акт четвёртый написан глупо:

паспорт, билеты, куртку надеть в передней.
Свет погасить. Точка. Выносят трупы.
Мы это знаем. Но – как в античной драме –
мчимся к финалу. Жадно. Необратимо.
Неизлечимо. Страстно. Картинка в раме
раму ломает, рвётся на волю – мимо
старых сюжетов, серых зевак; потоком,
пенным, неудержимым, несётся к краю –
там, где губами... прикосновение – током...
бешено... неумно... и замираем.
И за минуту – боги – любую цену,
Что там? Билет экспрессом до преисподней?

...дворник ворчит, опять отмывая сцену:
«Клюквенный сок – до жути густой сегодня».

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году — первая публикация в газете Литературная Россия. В 1991 — иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году — иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году, сборник повестей и рассказов, также, включает в себя тексты песен и романсов, положенных на музыку. В настоящее время готовится к публикации еще одна книга автора.

Дворец уснул, и лишь в одном окне,
Отбрасывая свет на тень ограды,
И освещая гордые фасады,
Горит светильник тускло на стене.

Величественна поступь, тонок стан,
Каскад волос под шелком покрывала,
Браслетов звон и шелест опахала,
И сладковато пахнувший кальян.

Твой взгляд хранит загадку и мечту.
На шарфе, не спеша, разгладив складку,
И, улыбнувшись зеркалу украдкой,
Выходишь в бархат ночи, в темноту.

Каприз судьбы, и свод оранжерей
Исчез. Ты оказалась странном мире.
Что остается? Лишь служенье лире -
Попытка сделать этот мир добрей!

Ночной театр пуст, погасли люстры, свечи
Не отражают лиц примерок зеркала

.

И опустилась ночь, и опустились плечи.
Истощена душа и выжжена дотла.

Оваций гул затих. У черного провала
Усталая актриса выходит на поклон.
На этой сцене ты жила, а не играла,
На эту сцену ты всходила, как на трон.

Последний день угас, задернута кулиса.
Что остается ей? Скамейка во дворе.
Короткая статья «Любимая актриса»,
Итогом жизни всей портрет в календаре.

Белоруссия, глушь, деревенька,
Покосившихся домиков строй.
Возле сруба старик на скамейке
И колодец с водой ключевой.

Поутру замелькают платочки
По дороге к могильным крестам.
Это мамы, и жены, и дочери
Потянулись к родимым холмам.

Нынче Радуница на Полесье.
День, когда поминают родных.
И молитвы звучат в поднебесье,
По усопшим, спасая живых.

Дом ветеранов Второй мировой

Эти гнезда, свиты не птицами
Не на ветках они, на земле.
Старики со счастливыми лицами
Улыбаются встречным в фойе.

Здесь всегда тишина и спокойствие
Не доносятся звуки извне
Распорядок казённый, довольствие
И в горшочках герань на окне.

Вроде тщательно все продуманно,
И визиты врачей и обед.
Воздается всем по заслугам, но
Здесь чего-то главного нет.

Может быть, не хватает за дверью
Смеха детского, топота ног,
А, быть может, порой вечерней
Каждый чувствует, как одинок.

Снятся сны ветеранам разные:
Медсестре – молодой солдат,
А солдату, окопы грязные,
Танков рев да разрывы гранат.

Судьбы сломаны и биографии,
Но сжимается сердце в кольцо:
В каждой комнате с фотографий
Смотрит прошлое им в лицо.

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Родился в 1953 году в г.Житомире (Украина), по образованию филолог. На родине его окрестили «человеком - оркестром». Один во многих лицах: музыкант, певец, композитор, поэт, драматург, журналист, продюсер, модератор культурных программ. Чувствует себя счастливым человеком, потому что занимается любимым делом, имеет хорошую семью. Сергей Лазо – автор 17-ти книг и шести дисков. Член Союза писателей и Союза журналистов Украины, лауреат ряда украинских и международных премий. Концертирует, неразлучен с гитарой. Любит живопись, современную хореографию и путешествия на воздушном шаре. Большой поклонник джаза.

Стихи из книги «ЦАРСТВА»

Глупые дела –
Тени,
прилипшие к подошвам,
синие.

Всюду следуют за дураком,
Окликая его по имени.

НЕ ЖАЛЕЙ

Не жалей, что стали дни короче,
Что кружатся листья всё быстрее,
И стеклятся лужи среди ночи,
И не топят в доме...

Не жалей.

Отыграло в небе бабье лето,
Ну и ладно. Бог с ним. Не грусти.
Дни прошли, как всё пройдёт на свете,
Лучше их на волю отпусти.
Пусть они летят себе, как птицы,
Стой, смотри, не отрывая глаз,

Лучшее не может повториться,
Только вдруг.
И только в первый раз.

ночная улица в объятьях фонарей
по ней незримо бродят сновиденья
и я иду квартальный ясновидец
всех будущих и всех грядущих дней
белей чем снег и тоньше чем струна
ночная улица, куда ведёт она...

НЕСОВЕРШЕНСТВО

Да, я не совершенен,
Как впрочем и Вселенная,
И в этом,
я уверен,
Смысл жизни и движения.
Ну был бы идеален
Весь люд и вся растительность,
Кто вышел бы из спален
Творить благотворительность?
Всё сложено. Всё спето.
На тысячу процентов,
Что делать на планете
Без звуков и акцентов?
Так в идеал играя,
Я остаюсь на воле,
Рай там, где нету рая,
Мы все на минном поле.
Открытия –
блаженство,
Мир не познают лодыри,
Я за несовершенство,
Его люблю до одури.

Эти женщины молоды и красивы,
Все они живут в моём сердце,

Которое никак не поделят.
В жизни никак не сладили б:
Ссоры, ревности, сцены трагедий и драм...
Есть место, где все они счастливы
Одновременно и безоговорочно –
В моей книге стихов о любви.

Нарисую на стене лодку
И уплыву к тебе.
Шепну слово ветру,
И ты услышишь меня.
Коснусь бересты,
И тебе станет тепло.
Спрячу в ладони снежинку –
Твоё сердце растает...

Жизнь подобна костру,
Из ничего и всего,
Так и живу в миру
Не от мира сего.
Радость, кураж, беда –
Впрыски в больную кровь,
Телу нужна еда,
А вот душе – любовь.
Любится – так любить,
Горестно – так нести,
Вот и пришёл, чтоб быть,
Вот и есть, чтоб уйти.

Людская жизнь давным-давно
Начало, развязка, эпилог...
Людская жизнь – сериал кино,
Которое смотрит Бог.

ТРИ СЕКУНДЫ

Жизнь абсолютно симметрична,
Начало и конец – один забег.
Три секунды – новорожденный уже дышит,
Старик выдохнул –
три секунды –
его уже нет.

IN THE MIDDLE

Мы мечемся между добром и злом,
От души нараспашку до нервов узлом
Завтра, вчера и ныне.
Мы ищем слова, где не нужно слов,
Лечим упрямо тех, кто здоров,
А истина посередине.
Пара-тройка вопросов продолжает долбить,
То ли это "что делать", то ль "быть иль не быть",
Крик – отчаянный выстрел в быдло.
Стопудовость понятий "измена" и "честь",
Царь, холоп, юродивый – всё в нас есть,
Истина – in the middle.
Молодые поэты – электронный чат,
Восприятие жизни – окурок и мат
В глянцевом ультрамарине.
Бесконечное множество правд и вер,
Всё имеет итог – даже СССР.
Истина – посередине.

Сухие листья летят с деревьев,
Мёртвые люди опадают с ветвей.
Ещё одна осень над головой.
Ещё одно поколение удобряет землю,
Ещё один лепесток человечества
Становится шелухой ...

ПОХОЖЕСТЬ

Дорогам, что приводят к Риму,
Всегда одно предназначенье –

Всё в этом мире повторимо
С диаметральной отражёнью.
Мы отражаемся друг в друге
Не так, как есть на самом деле,
В полутоске, полуиспуге,
Себе понятны еле-еле.
Одним путём явились сами,
Другой увёл нас от истоков,
Нет, не бывает двух касаний,
Как не бывает двух востоков.
Так двух пророков одной веры
В одно соединить не гоже.
В обломках поднебесной сферы
Невыносимая похожесть.

Взлёт симфоний – девятый вал,
Шпиль в небо – вершина зодчества.
Даже последний ружейный залп –
Всего лишь гимн одиночеству.

Сегодня пятое число, сегодня вторник.
Меня так рано разбудил незримый дворник,
И понял я, что он метёт не мусор улиц,
А время, дни, в которые мы не вернулись.
Метёт шаги, и перед нами бездорожье,
Метёт слова, как листья, спаленные ложью,
Метёт несбывшиеся сны – и ночь длиннее.
Метла – осколок тишины. И так вернее.
А после снегом заметёт потухший город,
И дворник спрячется во мгле, уткнувшись в ворот.

Глаза уж циферблат не жгут,
Немые стрелки теребя,
Я никого уже не жду
Так, как когда-то ждал тебя.
Весь этот садомазохизм

Истёк, как талая вода,
И растеряли магнетизм
Колёса, крылья, поезда.
Но иногда...

Как всё же жаль,
Что день на день похож точь-в-точь,
И я не вглядываюсь в даль,
И я не вслушиваюсь в ночь.
Нет тайн и кладов, как нет встреч,
Нет пропастей, как нет разлук,
Желает время мерно течь
Без всяких «никогда» и «вдруг».
Разбрасывать и собирать –
Всему свой час, всему свой срок,
Терять, встречать, любить, обнять –

Ещё! Ещё!
Дай Бог, дай Бог!

Правда опасна и неизменчива, поэтому лгут – волна за волной.
Правда – фото другой женщины, найденное женой.

НЕТ МЕСТА

В твоей зашифрованной жизни
Для меня нет места.
Бесконечные ограды, запертые калитки,
Дома-улитки, в которых никто не живёт.
Ты – крепость
В осаде моих безуспешных попыток
Взять штурмом, натиском, хитростью,
Изменой, предательством, отречением –
Быть вместе, быть рядом.
Ядом

Полны обещания встреч, которые не состоятся.
Ты прячешься в листьях событий, не отмеченных временем,
Ты кружишь в безликой толпе, близка до удушья,
И я, задыхаясь, лечу бесплодным семенем
В паутину твоего равнодушия.

Вот и живи, поступай, как знаешь,
Бремя рабов – время господ,
В небо взмывает за стаяй стая,
И исчезает за годом год.
Что-то не сбудется, что-то случится,
Хочешь, не хочешь – судьба права,
У каждого дерева свои птицы,
У каждой песни свои слова.

ИДЁМ...

Дни, как шаги, легки и гулки,
Однообразие новостей,
Нас ветер гонит в переулки
Словно непрошенных гостей.
Ложатся сумерки на плечи,
И вдруг пахнёт из дальних лет,
Как согревали зиму печи,
Которых нынче просто нет.
Чугун на смену изразцу,
Мир из окна уже не тот наш,
Морозы хлещут по лицу
До посиненья и наотмашь.
А время катится с горы
Всё безоглядней, всё быстрее,
Приход ещё одной поры –
Крушение ямбов и хореев.
Между прощеньями вина,
Между прощаниями гнёзда,
Всё ж мне благоволит луна
И покровительствуют звёзды.
Ну что ж, идём, идём любя,
Куда от жизни этой деться,
Закутавшись в самих себя,
Попробуем хоть чуть согреться.

АЛЕКСАНДР ЛАНИН

Александр Ланин (Thorix), родился в 1976 г. в Ленинграде. В настоящее время живёт в Германии, во Франкфурте-на-Майне, работает в Дюссельдорфе. Призёр поэтических конкурсов "Пушкин в Британии", "Эмигрантская Лира", "Ветер странствий". Стихи публиковались в альманахах "Белый ворон", "Зарубежные задворки", "Интеллигент", "Побережье", "Северная Аврора", "Эмигрантская Лира"

По пустыне

По пустыне бредёт двадцать первый век,
Как последний праведный человек...

Потому что под бомбами все при деле -
Кто-то плачет, а кто-то пашет.
Между нами и богом - чужие дети.
Между нами и ними - наши.

Потому что ракет не бывает вдосталь.
Кто-то шепчет, а кто-то верит -
Два осколка застрянут в прогнивших досках
Заколоченной райской двери.

Дай мне, Господи, слово - услышишь десять,
Не считая молитв и жалоб.

В самолёте летели чужие дети,
Их чужая земля рожала.

А у нас на земле апельсины вровень
Со стеной у развалин храмов,
И песок обязательно цвета крови,
И от мёртвых ни слов, ни всхрапов.

Довоенное время равно в пределе
Пустоте перед знаком свыше,
Потому-то и мёртвые все при деле,
Даже если живут и дышат.

Потому что за нами идёт война.
Обернёшься - вот и она.

Впамять

Не бывает ни славы, ни пепла славы,
Только странные лица в чужом прицеле.
Убивают не слабых, а слишком слабых.
Выживает не сильный, а злой и цельный.

Со "скачи да рубай" не уйдёшь от танка.
Мой приятель клинком задувает свечи,
Но пока он строчит рубаи да танка,
Пулемётчики Будды штурмуют вечность.

Его кисть перебита, мольберт изранен,
В котелке пожелтевшая правда стынет.
Он стоит, беззащитен, на тонкой грани -
Человек восходящий, в лучах латыни.

И под первые залпы уже верхом он,
И железную тварь обречённо рубит.
Уходи же туда, безымянный хомо,
Где освенцимских ангелов пишет Рубенс.

Где не будет ни славы, ни пепла славы,
Где отрезанный волос всё так же долог.

Где когда-то студентом напутал с лабой
Нерадивый могущественный биолог.

Все ушли на Берлин

Разливается свет по немытым тарелкам долин,
Где на первое дым, и хватило б огня на второе.

Пересуды легенд, вековые обманы былин.
Все ушли на Берлин, кроме тех, кто остался под Троей.

Их могилы тихи, в голосах у них плещет зима,
И уже не поймёшь, кто картавил, кто шокал, кто окал.
А из пыли могил прорастают живые дома,
Под фундаментом - тьма, но пока без заклеенных окон.

Над Японией ночь. Или утро? Да кто разберёт.
Не заклинило б люк, а не то возвращаться с позором.
Неопознанный бог, непьянеющий старый пилот
До сих пор не поймёт ни претензии, ни приговора.

Это наш переплёт, это вечный таёжный удел -
Измерять беспредел единицами веса тротила.
Европейская ложь. Азиатское месиво тел.
Мама, я не хотел. Да и ты бы меня не пустила.

Мир в поту и в пыли. Короли облачаются в сплин,
Королевы молчат, а царевичи рвутся в герои.
Все ушли на Берлин, непременно ушли на Берлин.

Все ушли на Берлин, кроме тех, кто вернулся из Трои.

Когда закончится вторая ядерная война...

Когда закончится вторая ядерная война,
Разделив остатки людей на живых и лишних,
На пепелищах не будут в камне выжжены имена,
Потому что не будет ни пепелищ ни

Схронов. Точнее, хроны будут пусты,
И ногти асфальта под человеческим лаком.
Фейсбук останется. Боты будут строчить посты,
А мёртвые будут лайкать.

Мёртвые переругаются с ботами, чья вина,
На башорге вылезут в топ очередные перлы...
Когда закончится вторая ядерная война,
Никто не вспомнит о первой.

Бритвенное

Весна размашиста и ветрена,
Как та судьба, что шла за ними,
Когда она ждала ответа, но
Он был привычно анонимен.
Весна, задумчива и пагубна,
Прижала к ногтю да к утру их.

А струи тыкают в нас шпагами,
Смеются, радуются струи.
Садятся струи, травят баечки,
От слов танцуют, как от печек.
А в животе порхают бабочки

И бьются крыльями о печень.

Течение

Реки мелеют, а люди мельчают.
Все разговоры - в морщинах молчаний.
И ни к чему ни объятья, ни ругань -
Тонкие грани, как тонкие руки.
Вот она - мудрость веков и соцветий.
Ворот запахнут. И что тебе ветер?

Любовь вырастает из пепла, из новой кожи,
Так Невский проспект пожирает своих прохожих,
Так собственный хвост аспирином в себя вливает
Дорога бетоннополосая, кольцевая.
Куда вы идёте по тонкому льду настроек?
Вас мало, вас двое, вас даже ещё не трое.

Любовь не бывает ни редкой, ни слишком редкой,
Но люди сметают плотины - куда там рекам.
И вы застывали, как стрелки, по стойке полночь,
Дрожали всем телом, не в силах позвать на помощь,
Сдирая футболки под тонкую трель мартини.
Но вам говорили: "платите". И вы платили.

Платили собою, судьбою, чужой судьбою,
Платили деньгами за право платить собою.
Казнитесь теперь, распинайтесь и колесуйте,
За право добраться до сути, до кама-суги,
За право вернуться, минув пороги и волоки.
Но ворота запахнут. И вдаль уплывает пороги.

Люди мелеют, а реки мельчают,
Время по прутуки нас измочалит.
Не берёт бережёного берег,
Сосны сигнализируют сполохами белок,
Лукотик надёжно укрыт за кустами,
Стрелы отстали.

Сестринское

Молоко текло во вчерашний день
во вчерашний день по сырой воде
по сырой воде по святой воде
а таких как он не найти нигде
не найти нигде даже не ищи
по сырой воде пузырьки прыжки
водомерки пьют голубую гладь
не ищи его по лицу не гладь
по лицу не гладь не молчи в глаза
не смотри в глаза вейся как лоза
бейся как лоза по сырой спине
по сырой спине по сухой стене
где беда во двор там проход уже
твоя тень дойдет до иных мужей
до иных мужей и лицом в стекло
по щекам текло в сердце не стекло
молоко светло а камыш остёр
помоги сестра подскажи костёр
запали костёр где шаги остры
где омыть глаза и волосы остричь
только нет костра не бывать костру
не моли сестру не вини сестру

Headhunter

Я две тысячи лет занимал за вами,
Я не лгал ночам.
Позвони мне, охотник за головами,
Пригласи на чай.

Позвони через море из синих ниток,
Через жуть пустынь.
Ты ушёл из эфира, исчез с открыток,
Постирал посты.

За твоими делами чужие веси,
За горами - дым.
Твой аккаунт невидим, поскольку весь из
Дождевой воды.

Я читал, что на мальчиков нет прорухи,
На мужчин - петли.
Просто косы не чище, чем наши руки -
Те, что их плели.

Просто гонор отбит, гонорар построчен,
Остальное - хлам.
Позвони мне, пока я не обесточен
До последних ламп.

Я уже не взрываю танцпол словами,
Я почти не пью.
Позвони мне, охотник за головами,
И возьми мою.

Волхвы и Василий

Когда поёживается земля
Под холодным пледом листвы,
В деревню "Малые тополя",
А может, "Белые соболя",
А может, "Просто-деревню-бля"
Хмуρο входят волхвы.

Колодезный ворот набычил шею,
Гремит золотая цепь.
Волхвам не верится, неужели
Вот она - цель?
Косые взгляды косых соседей,
Неожиданно добротный засов,
А вместо указанных в брошюре медведей
Стаи бродячих псов.
Люди гоняют чифирь и мячик,
Играет условный Лепс.
Волхвы подзывают мальчика: "Мальчик,
Здесь живёт Базилевс?"
И Васька выходит, в тоске и в силе.
Окурок летит в кусты.
"Долго ж вы шли, - говорит Василий.
Мои руки пусты, - говорит Василий.
Мои мысли просты, - говорит Василий.
На венах моих - кресты."

Волхвы сдирают с даров упаковку,
Шуршит бумага, скрипит спина.
"У нас, - говорят, - двадцать веков, как
Некого распинать.
Что же вы, - говорят, - встречаете лаем.
Знамение, - говорят, - звезда."

А Василий рифмует ту, что вела их:
"Вам, - говорит, - туда."
Василий захлёбывается кашлем,
Сплёвывает трухой,
"Не надо, - шепчет, - лезть в мою кашу
Немытой вашей рукой.
Вы, - говорит, - меня бы спросили,
Хочу ли я с вами - к вам.
Я не верю словам, - говорит Василий.
Я не верю правам, - говорит Василий.
Я не верю волхвам", - говорит Василий
И показывает волхвам:

На широком плече широкого неба
Набиты яркие купола.
Вера, словно краюха хлеба,
Рубится пополам.
Земля с человеком делится обликом,
Тропа в святые - кровава, крива.
А небо на Нерль опускает облаком
Храм Покрова.
Монеткой в грязи серебрится Ладога,
Выбитым зубом летит душа,
А на небе радуга, радуга, радуга,
Смотрите, как хороша!

Волхвы недоуменно пожимают плечами,
Уворачиваются от даров.
Волхвы укоризненно замечают,
Что Василий, видимо, нездоров.
Уходят, вертя в руках Коран,
Кальвина, Берейшит.

Василий наливает стакан,
Но пить не спешит.

Избы сворачиваются в яранги,
Змеем встаёт Москва,

И к Василию спускается ангел,
Крылатый, как Х-102:
"Мои приходили? Что приносили?
Брот, так сказать, да вайн?"
"Да иди ты к волхвам, - говорит Василий.
А хочешь в глаз? - говорит Василий.
Давай лучше выпьем", - говорит Василий.
И ангел говорит: "Давай."

ЯКОВ МАРГУЛИС

Родился, рос и учился в Курске: школа, монтажный техникум, политехнический институт. Инженер-строитель, проектировщик. Служил в Саратовском стройбате. Женат, сын, дочь, два внука...

С 1991 года – в Австралии, заводской рабочий.

Рифмовать начал лет с пятнадцати, так это дело потихоньку и продолжается. Участвовал в нескольких сборниках, были небольшие публикации в австралийских русскоязычных газетах и журналах.

Три встречи

1.

Вот-вот загрохочут над Волгой мои сапоги,
И полупустому купе напеваю про это,
Мир вырублен, за занавеской не видно ни зги,
Но пахнет антоновкой, значит, кончается лето.

Талдычится вечный вопрос поездов: – ты куда?
Пою, а себе задаю его снова и снова,
А еду начать всё сначала, а еду туда,
Где светит улыбка, похоже, из мира другого...

Итак, на разгоне в ночи «Симферополь – Москва»,
Освоил с попутчицей чуть не полбанки «Столичной»,
И где же, выходит, пустых обещаний слова –
В отрыве вести себя, минимум, в меру прилично.

Но поздно, но поздно, но поздно топить тормоза:
Коса золотистая, пухленький, бантиком, ротик...
И что-то непознанное обещают глаза,
И боже ж ты мой, ну какие тут могут быть «против»?

Мосты и туннели, практически, не тормозя,
Берёт шустрый поезд, как я, позабыв осторожность,
Мы с ним акрихинную горечь скупого «нельзя»
Залили медовой сладостью щедрого «можно».

И на воду вёсла, и пеной в лицо буруны,
И пройден порог, и скользим по зеркальному плёсу...
Залижутся мелкие ранки случайной вины,
Затянется ночь предрассветным туманом белёсым.

2.

Песня соловьиная, юная весна,
В майской роще ландыша стебелёк упругий,
Что была ты школьница – не твоя вина,
Что, как утро хороша, – не твоя заслуга.

Ухитрился от судьбы получить сполна,
Не упал и не сошёл, не покинул круга,
Что так долго был в пути – не моя вина,
Что как прежде ты глядишь – не моя заслуга.

Не допелась песенка, порвалась струна,
Третий голос – не мешай песне с новым другом,
Что тебе не весело – не его вина,
Что всё так же хороша – не его заслуга.

Добивай до шляпки гвоздь, допивай до дна,
Не смейши нас, Купидон, стрелами и луком,
Расколосось, не сбылось – наша ли вина?
Отштормило, улеглось – наша ли заслуга?

3.

Даю порой прикуривать и сердцу и уму,
Качу до Растогуево, как тыщу лет тому,
Там ели подмосковные синеют вдалеке,
Лишь память рюкзаком на мне, считай, что налегке.

А вот и эта улица, а вот и этот дом,
И кот – не тот ли ? – щурится в беседке под окном,

Кручу звонок-барашек я, и он – не обновлён,
Сейчас откроет барышня, что был тогда влюблён...

А воздух вдруг сгущается, непросто и вздохнуть,
Рука перемещается непростенно на грудь,
Шаги... Но будто кто толкнул – бегу, бегу назад,
Пока не встретил ту весну споткнувшийся мой взгляд.

Бегу, не покажу лица, и – за угол, как вор,
Не те: ни эта улица, ни дом, ни кот, ни двор...
Какого тут тебе рожна? Не выйдет ни черта –
Не та откроет барышня, не та, не та, не та...

Играет лихо времечко, всегда победный счёт,
С тем ледоходом речка к нам назад не потечёт.
Поймать такси до станции, и – ходу от «вчера»!
Пусть барышня останется такою, как была...

Даю порой прикуривать и сердцу и уму,
Качу от Расторгуево, как тыщу лет тому,
Ой, удал молодецкая, не помню ни хрена:
А что ж у Павелецкого велела взять жена?

Спросили, а в чём ваша главная фишка,
Годится ли что-либо для пьедестала?
Наверно, годится. Есть в памяти книжка,
Сейчас вот достану – и перелистаю...

А там – всё наброски, штрихи да детали:
Орал кто-то гневно, глядел кто-то нежно,
Какой-то портвейн, вроде, предпочитали,
То ль левобережный, то ль правобережный.

Смешные и жалкие поползновения:
Вот речи дефекты, вот диффуравнения,
Вот – третье место, вот – первое место,
Невеста ещё, и уже не невеста.

Наивность юнца. И листать-то неловко.
Всё думал – прикидка идёт, подготовка,
А главное – ждёт... Вот дойду до угла...
А главным – вся пёстрая жизнь и была.

Коммуналка

Яну

Соседи: Яшка, Ромка, Ванька, Зинка –
Смешной, под ноль остриженный народ,
На стол – один – четыре керосинки,
И гордость дома – кран. Водопровод!

А во дворе ещё соседей сколько!
И кролики, и даже есть индюк,
И вечные скандалы у помойки,
И не всегда обходится без рук...

О тех годах, считай, сложился эпос.
Но стало лучше, стало веселей:
У каждого есть дверь в родную крепость,
А у кого – и несколько дверей.

Теперь уже планета вся видна нам –
А та же кухня тесная, как встарь:
На шар один – четыре океана,
Бензинно-керосиновая гарь,

И вечный бой в монбланах вечной свалки,
Оскал соседа с пеною у рта...
Невыездные мы из коммуналки.
И выезжать-то, собственно, куда?

Какой же там конторе настучали?
В какой охранке завели досье?
Казалось, бегал сам-себе. Вначале.
А оказалось – белкой в колесе.

Прикрылся независимости латами,
Уверен был – надёжными вполне...
Своих заслали, гады, соглядатаев,
Во мне уже бесчинствуют, во мне.

И, связана приличьями суровыми,
Меж ними где-то суксилась душа.
И взвешивай до миллиграмма слово,
И выверяй до миллиметра шаг...

Сгоню с утра всех шпиков с мест непыльных
С их правилами, с их подходом трезвым!

Но зеркало глядит щекой намыленной,
И засекает свежие порезы.

У влажной кромки пляжа, на жаре
Строенье подсыхает, всем на диво.
Там девочка и мальчик, в той поре,
Какую лишь и можно звать счастливой

Строительство к концу. Смотреть занятно:
Всё бегают к прибою и обратно,
Водой с ладошек заполняя ров –
Надёжно-неприступным будет кров!

Гнездо достроит радостная пара
В неведении беспечном – что потом?
Я б досмотрел, пускай сюжетик старый,
Но что-то разморило под зонтом.

За дремлюще прикрытыми глазами –
Развязка трижды пройденного сна:
Придёт неумолимая волна,
Совсем не обязательно – цунами.

И чувствую, игрушку жаль слегка.
Ну что же, с морем не схожусь во вкусе.
Возводят дети замок из песка...
Как славно, что они пока не в курсе.

Мир в цвете! – поклонюсь художникам
И малярам.
И радуге – восьмому чуду – должен,
Всем колерам:

Пионов неподаренному пламени,
Кармину роз, –
За тех, лелеявших надежды тайные,
Что всё всерьёз.

Оранжевости юных жарких дней,
Уроков пыла,
Что жгла и мучила, да к счастью не
Испепелила.

И тёплой солнечности-желтизне,
Пришедшей в мае,
С плодом в руке, чтоб соблазниться мне,
Пусть – прочь из рая.

И зелени лугов, что отразилась
В глазах судьбы.
Небес голубизне, явившей милость,
Чтоб детям – быть.

И сини моря, что без непогоды
Перенесла.
Той фиолетовости, где ни горя,
Ни года, ни числа...

И – отдаю, пусть с мизерным успехом,
Всем краскам спектра.

Дождь в прояснении. А попросту – слепой.
Прощальный плач по Фетовской грозе.
Стопа до дар зачитанных газет.
Весенний авитаминоз с собой
Принёс простуду, или «ОРЗ».

В хрипато кашле – твой больной вопрос:
Ломал себя каким богам в угоду?
С каким врагом ушла твоя свобода?
Там лёгкий флирт, иль всё-таки всерьёз?
Иль так, на перемену места мода?
Иль просто женская её природа?...

Но насморк – не путёвка на погост,
И ветреность мужских не стоит слёз,
И так уж всё ли через пень пень-колоду?

Прими своей перцовочки глоток,
Взгляни на мир в блеснувшее оконце,
Взбодрись сознанием – ты не одинок:
Там, в серых туч застиранный платок
Сморкается простуженное солнце.

* * *

Вся природа – из круговоротов, к примеру, воды.
И приходим из небытия, и туда же идём,
И толкуем, до крови, на разные очень лады,
И земля примиряет – не катаньем, так мытьём.

И земля плодоносит, как женщина, та – как земля,
И плоды подрастают, те – в детских, те – просто в садах...
Глубина рассуждения – на смех большим кораблям,
Да и свежесть: Хайям, иль какой-нибудь, вовсе, Плутарх.

«Царь природы»... Ну надо ж сморозить, пусть даже шутя,
Я на палубе в шторм вспоминаю, кто держит бразды:
Тучи мечут в пучину несчётные струи дождя,
Подтверждая наличие круговорота воды.

* * *

Скривила незнакомка ротик:
– Терпеть поэтов не могу!
Они и в жизни вечно лгут...,–
И первой мыслью: «Ты в пролёте...»

И тут же следом: «Но позвольте,
У них, на дальнем берегу,
Кто может знать про тайный грех?
А здесь наметился успех...»

Но, наклонив с усмешкой локон,
Как током: – Вы ж из местных Блоков? –
И ты споткнулся на бегу...

О, как жестоко неуместна
Твоя широкая известность,
Пусть в самом узеньком кругу.

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, Сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. Пишу десять лет. До приезда в Австралию тесно сотрудничала с Гостелерадио города Ташкента, как оператор и участник литературно - поэтических программ на русском и узбекском языках, в поддержку талантливой молодежи.

Рассказы из моей жизни сейчас объединяются в книгу.

Я хочу помечтать немножко...
Как меня привела дорожка
В деревенский домик с окошком,
С сероглазой хозяйской кошкой.

Я прошла вперед по дорожке,
Заглянула в светлицу с окошком,
На стене висело лукошко,
Пахло свежей, прохладной окрошкой.

Я сняла со стены лукошко,
Попила через край окрошку,
И ушла по прямой дорожке
За красивой хозяйской кошкой.

Считалочка

Когда солнышко проснется,
Позовет тебя гулять,
Светлым лучиком коснется,
Раз, два, три, четыре, пять.

Лучик – маме, лучик – розе,
Лучик – молодой березе,
Лучик – кошке, лучик – мышке,
Лучик – озорной мартышке

Крикнем солнышку: «Спасибо!
Загляни в наш дом опять,

Настоящим мужчинам

Как узнать тебе – счастье ли это,
Если ты не уснул до утра,
Вспоминая прошедшее лето.
Проливные дожди и ветра.
С косогоров, похожих на сказку,
Журавлям: «До свиданья!» - кричал.
Умиляясь диковинным краскам,
С детской радостью осень встречал.
Если ты без трагедий следил,
Как виски замедает снегом,
И любимой букеты дарил
Из тех стран, где ни разу не был.
Если кубок щедрот подносил
Всем желающим, без разбора,
Оступившихся, сердцем простил,
Без злопамятства и укора.
Если сильной рукой отвел
От гнезда своего несчастья,
Значит ты – настоящий Орел
И хранитель бесценного счастья!

Посмотри мне в глаза лучистые,
Счастье мое долгожданное.
Подари сердцу помыслы чистые
И любовь подари первозданную.

Поведи по дубравам с росами,
Там, где ландыш цветет белоснежный,

Заплети в мои темные косы
Тот цветочек, пахучий и нежный.

Заведи меня тропкой узкою
К потайным земляничным полянам,
Порожденных землею русскою,
И напитанных соком багряным.

Прислонись ко мне станом тонким,
Дай мне силу, береза белая,
Спой, соловушка, голосом звонким,
Что со мной мое счастье сделало.

БЕРТА МИХАЙЛИЧ

Родилась и выросла на Украине, в городе Киеве. Там же 40 лет проработала врачом - реаниматологом на станции скорой медицинской помощи, где лечила, учила, руководила. Первое желание писать стихи появилось с рождением внука. О нем и для него первая подборка детских стихов. Не писалось почти 20 лет. И только в Мельбурне меня вновь посетило вдохновение. И теперь я пишу много и обо всем.

Я написала новый стих
О странностях погоды.
Как изменения ее
Опасны в мои годы.

Так лишь вчера - с утра лил дождь,
Днем - солнце все пылало.
А к вечеру прошла гроза
И я всю ночь не спала.

Но чаще мяге и теплей
Мной о погоде сказано.
Ведь лирика в моих стихах
С природой тесно связана.

Это было зимним днем
Абсолютно зимним.
Когда снег лежал на крыше
И трещал мороз.

Пригласил меня кататься
И принес мне лыжи.

Ты умеешь - он задал
Коварный мне вопрос.

Я конечно не умела,
В детстве не учили.
Я на саночках каталась
С горки во дворе.

Но нужны были не лыжи
А прогулка с милым.
И поэтому сказала
Увидишь на лыжне.

Старые письма давно позабытые
Я так неожиданно сегодня нашла.
Нужно ли мне их перечитывать
Глубокою ночью когда буду без сна?

В каждом письме чья-та жизнь запечатана.
С моею случайно пересеклась.
Как ожидала я письма когда-то,
Как долго тогда переписка велась.

Старые письма ленточкой связаны
Чтобы случайно не потерять.
Я помну как много было в них сказано,
Но стоит ли прошлое приоткрывать?

Весенний сон на зимний не похож.
Весной мне снится что-то светлое, приятное.
Зимой мне снится часто снег и дождь
И нечто абсолютно не понятное.

Весенний сон - предвестник теплых дней,
А зимний - чаще бурю предвещает.
Поэтому весной я мягче и добрей,
Зимой мне холодно- обиды не прошаю.

За окном серый день
Плачет нынче природа.
Дождь похоже сегодня целый день будет лить.
Приоткрыла окно и от капель холодных
Занавеска пытается меня защитить.

Тишина дремлет в доме,
Не слышно ни звука.
Только дождь монотонно по крыше стучит.
Из-за этой погоды разлилась в доме скука,
Жду звонка-телефон безнадежно молчит.

Посмотрела на себя:
Ах седая голова,
На лице морщина.
И глаза не так блестят
И уже усталый взгляд-
Грустная картина.

Посмотрела я в окно-
Как там зелено, светло,
День сулит мне радость.
Вновь взглянула на себя:
Нет, не так уж я стара,
Мне просто показалось.

Я много раз тебя просила
Не называй меня ты милой,
Собачкой, кошечкой, медовой -
Я ненавижу это слово.

Я много раз тебя просила
Не говори как я красива
Когда сержусь, кричу и плачу,
Так видеть может лишь незрячий.

Я много раз мечтала милый,
Чтобы назвал меня любимой.

Здесь другая зима - без мороза и снега,
Без снежинок летящих на лицо прямо с неба,
Без снежков, без особого запаха ели,
Без лыжни, без катков, без суровой метели.

Вместо снега - десь дождь, ветер, темные тучи,
Серый пасмурный день, вечер длинный и скучный.
Вместо лыж и коньков, вместо санок и стужи-
Здесь зеленый покров и огромные лужи.

Подари мне новогодний подарок
Чтобы был он не особенно сладок
Не тяжелым чтоб был и не легким
И не надо яркой упаковки.

Не дари мне ни платье ни браслеты-
И без них я прекрасно одета.
Пусть он будет ни дешевле ни дороже
Подари мне любовь если можешь.

Вечер, мороз, падает снег.
От снежинок и слез на лице влажный след.

Я чем-то обижена, расстроен и он.
Лишь услышав куранты забежали мы в дом.

Поскорее шампанское ,загадать бы мечту
Из-за глупой обиды загадала не ту.

Встретили мы Новый Год,
Отгуляли Рождество,

Загадали мы мечту-
А теперь мы ждем её.

Кто спокойно, кто торопит,
Кто волнуется-придет?
Наберемся-ка терпенья
Впереди ведь целый год.

Обидевшись я вышла за порог.
Мороз, а я легко одета.
Но так бродила я всю ночь
Пытаясь осознать
Зачем сказал мне это.
Конечно я вернусь - ведь там мой дом.
Надеюсь ты ушел, обидев незаслуженно.
Вернешся или нет - теперь мне все равно.
Волнует лишь одно, что я уже простужена.

Хочешь, я расскажу отчего лето я очень люблю?
Не из-за того что тепло и порою жарко
И можно гулять до полуночи в парке,
Не из-за моря, не из-за пляжа,
Не из-за зеленого луга даже,
Не из-за обилия ягод и фруктов -
Впервые мы стретились летним утром.

Две недели не писала
Муза где-то заблудилась.
Я открыла окна, двери,
Но она не появилась.

Две недели не писалось
В голове не стих а проза.
И погода подкачала,
Каждый день бушуют грозы.

Так неожиданно на склоне лет
Решила написать я свой портрет.

Лукавый взгляд, глаз карих яркий свет,
А в рыжих волосах седины нет.

На пальце тонкое колечко с бирюзой
И контуры груди под блузкой кружевной.

Портрет готов - последний штрих.
На вернисаж я приглашу друзей своих.

Возможно скажут, что с портретом сходства нет,
Но мне на нем всего семнадцать лет.

ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ

*Родился в Харькове, жил в Ленинграде, Португалии, Франции.
В Астралии уже скоро 20 лет.
Пишу стихи с детства. Иногда получается.*

Джордж Георгиос

Меня зовут Джордж Георгиос
Для старых друзей. У меня
Умерла жена, остались два сына
И дочь. Трое внуков. Мне девяносто два.

Родился в Пирее и вырос в Салониках
Детали – кому важны ?
Наверное, разве настырным историкам
Навроде моей жены.

Она обожала пытать и допрашивать
За каждую шалость мою.
Теперь ее нету. Но самое важное
Я сам про себя повторю.

Меня зовут Джордж...

Я шел по дорогам Европы и Азии
Берегся я бомб и пуль
И слыхом не слыхивал об эвтаназии
Пока не сразил инсульт.

Тяжелое слово и неразрешенное
Закон за меня решит

А я вот лежу и девица ученая
Подушку мне ворошит.

Отвечу "да" – не солгу.
Больно ? – спрашивает. Ну конечно,
Казенным уходом поросла уж плешь мне,
А ответить я не могу.

Уколют морфин, и боль успокоится
Я просто лежу в бреде
Но пусть боль уйдет, но что мне не колется,
Сам я никак не уйду.

Приходят, уходят и внуки и дети и
Дети друзей, но бег
Секунд не ускорить им, и не ответить им
Я лишь повторю себе.

Меня зовут Джордж Георгиос
Для старых друзей. Я был
Мужем, отцом, в Солонилах рос...
Больше не помню. Забыл.

Осколки

Мы осколки великой эпохи
В нас почти содержимого нет
И последние капли и крохи
Утекут через несколько лет.

Самолеты взмахнули крылами
Гомон аэропорта затих
Под чужими хрустя сапогами
Мы все чаще грустим о своих.

Пляшет солнечный зайчик на гранях
Мы блесим среди мусорных куч
Наш язык, на глазах увядая
И при смерти велик и могуч.

Наши дети во многом чужие
Наши внуки – почти что во всем
И все то, чего мы их лишили,
Мы в могилу с собой унесем.

Но при этом, друзья, не грустите,
Ведь состав и структура стекла
Не берет ни какой растворитель,
Как его ни мети по углам.

Пусть великой эпохи осколки
Мелкой пылью века раздробят,
От пылинок, сияюще колких
У потомков сердца защемят.

Песня аборигена

Прощенья не прошу
Не гнусь ни перед кем
А просто, чтобы Вы не позабыли,
Я песню напишу
На Вашем языке
Про мой язык, который Вы убили.
Спою я в микрофон,
Что Вы изобрели
Я с ним еще не ловок, извините,
Про древний, долгий сон
Моей родной земли,
Которую Вы мне не отдадите.
Да я и не прошу.
Освоившись, увы,
В цивилизации из пластика и стали
Что Вам весь этот шум ?
А я почти как Вы,
Но я спою, чтоб разницу Вы знали.

Сны

Листья падают, листья падают, осень.
Дни короче и темны ночи и холодны.

Предрассветной тоской полны вечера и дни,
Но улыбку весны сохраняют сны.

Сны – бессильная тень несбывшейся смерти
Сны – покойная гавань для тех, кто ослаб
Сон поманит калейдоскопом радужных теплых звезд,
Но беспощадный осенний день их выжжет дотла.

Были лица ли, небылицы ли видел ?
Жаль видение, дуновением осени унесено.
Бродит во сне одинокое наше второе я
Я бы дружил со своим, но не помню слов.

Забывается, размывается детство
Память старится и теряются вкус, и запах, и боль
Первая замляника и первой любви волшебство,
Но может быть где то во сне мы остались собой ?

ВАДИМ МОЛОДЫЙ

Родился, жил и работал в Москве. По образованию –врач-психиатр. Совмещал лечебную, научную и литературную деятельность, занимался психопатологией художественного творчества. Печатался в СССР и на Западе. С 1990 года живет в Чикаго Член Парламента сайта «Век перевода», ответственный за связи с авторами Западного полушария, член редколлегии журналов «Белый Ворон» и «Плавучий мост», главный редактор и издатель альманаха «Слова, слова, слова» (Чикаго–Москва).. В 2010 г. в чикагском издательстве «Art 40» вышла книга стихотворений Вадима Молóдого с иллюстрациями Б. Заборова. В 2013 г. издательство «Водолей» выпустило книгу стихотворений «Споры с Мнемозиной», в 2015 – книгу «Посвящения».

Дрожит отраженье усталого Бога
и медленно тонет в зеркальных глубинах,
а в воздухе торная тает дорога,
чужая дорога, ведущая мимо.

Последняя тайна незрячего мира,
как лист, опускается плавно на землю,
и, тихо уйдя с невеселого пира,
пророкам суровым я больше не внемлю.

Ведь снова ответил я силой на силу,
и вновь на удар я ответил ударом,
покуда по волнам забвенья носило
кораблик утрат, обернувшихся даром,

безгрешным грехом, добродетелью грешной,
свободой, распятой толпой обстоятельств,
бесплодной смоковницей, тенью крошечной,
веселой игрой шаловливых предательств.

Меня призывают неясные тени
и ласковый шепот баюкает нежно,
тебе головою уткнувшись в колени,
я прошлого морок отброшу небрежно.

Ах, как мне найти это самое слово?
Ах, как мне поймать этой мысли значенье?
Ах, как мне бежать от разгневанных взоров
неистовых демонов воображенья?

А Бог утомленный присел на скамейку,
покашлял, вздохнул и уткнулся в газету.
А там, за стеклом, голосит канарейка
и фикус испуганно тянется к свету.

Холодный уют нелюбимого дома,
где призраки бродят, друг друга не видя,
где все позабыто и все незнакомо,
дотла растворившись в случайной обиде.

О, где ты, мираж пасторального рая?
Под поступью тяжелой скрипят половицы,
и молча танцуют в огне, не сгорая,
надменных пророков холодные лица.

Мы снова отведаем зрелищ и хлеба,
увядших цветов и ненужных объятий,
зарытых талантов и брошенных в небо
бесплодных молитв и бессильных проклятий.

По улице сонной промчат колесницы,
угаснет закат, а восход не начнется,
и сами собой шевельнутся страницы,
и каменный воздух неслышно качнется.

А Бог, дочитав, разрывает газету,
и медленно буквы сползают на землю,
и вновь я ищу у пророков ответа,
и вновь я ответу пророков не внемлю.

Прекрасные дамы князей и маркизов
в несвежем белье по бульвару проходят,
и падают голуби с грязных карнизов,
и нищие нищих на паперть выводят.

Рыдает над пеной морской Афродита –
откормленной плоти холодная грудка,
и, молча на старое глядя корыто,
старуха сидит в ожидании чуда.

Под взглядом моим разлетаются скалы
и плавится воздух, стекая на землю.
Пророков на свете осталось немало,
но я, как и прежде, пророкам не внемлю.

Бездонное небо, пучина морская,
шуршат под ногами истлевшие кости,
но вечно бежит по песку Навсикая
и вечно уходят спасенные гости.

А Бог пересел на другую скамейку,
ногой отодвинул пустую посуду,
движеньем бровей усмирил канарейку
и мирно уснул в ожидании чуда...

И пляшет иголка в невидимых пальцах,
мелькают обрывки разорванных нитей,
судьба вышивает на сломанных пальцах
невнятный узор непонятных событий.

Бессмысленной веры тоскливую скуку
со вздохом придавит безверия камень,
и, холодом смертным лизнув мою руку,
бушует в кусте несжигающий пламень.

А в небе проплыло горящее слово,
трамвай прогремел в никуда ниоткуда,
и смотрит на мир беспощадно, сурово
гиены глава с Иоаннова блюда.

Течет надо мной непонятная сила,
танцуют вампиры под полной луною,
и, мордой уткнувшись в ночное светило,
я хвост подожму и негромко завою...

Я ждал из зазеркалья знака
и вот, увидел в глубине,
как тень, возникшая из мрака,
безмолвно тянется ко мне.

Я сделал шаг навстречу тени,
и, расступившись предо мной,
стена мерцающих видений
сомкнулась за моей спиной.

И я спустился в мир фантомов,
где бродят души без одежд,
где воздух плавится от стонов
моих несбывшихся надежд,

где время движется по кругу,
ухмылки злобной не тая,
где тени смотрят друг на друга
в холодной мгле небытия,

где память оборотнем рыщет,
где ужас прячется в тиши,
где я стою на пепелище
среди руин моей души,

где дух во тьме рыдает глухо,
и где, несбывшимся маня,
судьба, как ласковая шлюха,
глядит с улыбкой на меня.

Благословенье ли, проклятье,
но в череде ночей и дней

тоски холодные объятья
меня сжимают все сильнее.

И мне не вырваться из круга –
в дневном бреду, в кошмарном сне,
смерть, похотливая подруга,
бесстыдно ластится ко мне.

ПАМЯТИ БОРИСА КОРНИЛОВА

(16 июля 1907 - 21 ноября 1938)

Ире Корниловой

Цепочкой на снегу следы босые,
вонзились в небо черные столбы.
Чудовище голодное – Россия –
с рычанием взметнулось на дыбы.

Я молча бьюсь в его когтистых лапах,
и мне в лицо наотмашь, сквозь пургу,
летит, звеня, застывшей крови запах
следов, навечно выжженных в снегу.

А ты идешь, почти что невесом,
на выюгу глядя отрешенным взглядом,
и вологодский, с грудью колесом,
тебя лениво тыкает прикладом.

Овчарки лижут капли на снегу,
топорщатся от холода погоны,
а ты сидишь один на берегу
и молча дожидаясь Харона.

И, омочив в потоке рукава,
ты на воде вычерчиваешь что-то,
и медленно плывут твои слова,
втекая плавно в вечности ворота.

В холодном сквере шелестит поземка,
и я, присев на каменной доске,

с твоей душой беседую негромко,
захлебываясь в собственной тоске.

Я снова стремлюсь в никуда ниоткуда,
не ведая жалости, боли и слез,
хрипит, задыхаясь, распятый Иуда
и прячет улыбку спасенный Христос.

И демонов грустных печальные лики,
и ангельских полчищ ликующий вой,
проклятья, мольбы и беззвучные крики
остались давно у меня за спиной.

Вот так и иду в никуда ниоткуда,
к своей равнодушен беде и судьбе,
готовый повиснуть в петле, как Иуда,
ненужный давно ни тебе, ни себе.

To Lady Victoria Jane

Части речи и слова части –
мы играем с судьбой в лото,
задыхаясь под игом власти
двух – Эвтерпы и Эрато.

Выползает из тьмы измена.
Окрик гневный, тоскливый плач –
Каллиопа и Мельпомена.
Сапожок испанский. Палач.

Слово, вздернутое на дыбу,
слово, брошенное в костер,
слово, спрятанное под глыбу,
мысли плакальщик и суфлер.

Клио, Клио, твоим упорством
замывается Мир в кольцо.

Крючкотворством и стихотворством
переломанная берцо-

вая кость. Ножевая рана.
Опаленный порохом лоб.
Нет Урании без Урана.
Впрочем, Талия есть, но чтоб

Полигимния с Терпсихорой
оставались в ряду сестер,
пусть им будут всегда опорой
плаха, дыба, петля, костер.

Им не ведать стыда и срама,
не стесняйся и не перечь –
из комедии выйдет драма,
а из драмы – пустая речь.

Привлекая твое внимание,
на костер возведут – и что ж?
Есть Вселенная. Мирозданье.
Есть перо. В просторечьи – нож.

ЛЕДИ ГРЕГОРИ

To Lady Victoria Jane

Воет каменный зверь над разбитой улыбкой,
тает шорох шагов за незримой стеной,
леди Грегори, будет ли это ошибкой,
если вы полчаса посидите со мной?

Кто же я – ваш слуга или ваш повелитель,
назначающий цену любви королев,
на исходе блужданий забредший в обитель,
что дана только тем, кто сумел, умерев,

стать несбывшимся сном, безнадежной попыткой,
затихающим ветром, иссохшей рекой,
палачом, обретающим счастье под пыткой,
Эвридикой, нашедшей приют и покой,

легкой тенью, скользнувшей по стенам пещеры,
отраженьем, мелькнувшим в разломах судьбы,
исступленностью страсти, неистовством веры,
беззащитностью тела, упорством мольбы?

Леди Грегори, ломтем засохшего хлеба
кем-то пущен по водам кораблик долгов
и сверкающим оком из гневного неба
грозно смотрит на Землю наемник богов.

КОТУ ВАСИЛИЮ

Пишу эссе, пишу стихи,
пишу об этом и о том,
и за различные грехи
бываю бит моим котом.

Он мне соратник, друг и брат,
а я ему – слуга и раб,
поскольку он – аристократ,
а я – весьма рассудком слаб...

ПУТИ ДУШИ

(Борису Заборову)

*Нырнули в бездну голубую
Домов чудовищные тени,
С трудом дыша, на мостовую
Упал и гаснет лунный гений.*

Н. Оцуп

I

Упал и гаснет лунный гений,
и в тишине, глухой и мутной,
из тени прежних воплощений
раздался вопль души беспутной.

Души беспутной и беспечной,
души, скорбящей неумело,
что бродит по дороге вечной,
себе подыскивая тело.

И, озарен улыбкой странной,
на мир, подернутый туманом,
глядит из бездны первозданной
слепой старик в халате рваном.

А вопль души в застенках бьется,
выносят камень вместо хлеба,
и кровь струей тяжелой льется
из опрокинутого неба...

II

В фате и платье подвенечном
душа, омытая слезами,
стоит в неведение беспечном
перед святыми образами.

Слепой жених в потертом фраке
в углу заламывает руки,
плывут в печальном полумраке
виденья, образы и звуки.

Добро и зло, сплетясь телами,
танцуют вальс на лобном месте,
скребя по полу кандалами
жених торопится к невесте...

III

Невеста плачет и смеется,
жених под флейту пляшет с крысой,
и лунный свет сквозь стекла льется
на горб его и череп лысый.

В чепце и буклях, приседая,
чертя по полу арабески,
выходит фрейлина седая
из-за истлевшей занавески.

И, растворяясь в свете лунном,
прижав к груди обрывки тени,

жених в отчаянье чугунном
встает со стоном на колени...

IV

... Душа склоняется послушно
к любви без веры и надежды,
и примеряет равнодушно
из плоти скомканной одежды.

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Канада, Торонто.

Родилась и выросла в Одессе; филолог; преподавала литературу и эстетику в профтехучилищах. Стихи писала с ранней юности; печаталась в периодике; побеждала на конкурсах молодых поэтов. В Канаде с 1979-го. Была переводчиком, автором и замредактора единственной тогда в стране русскоязычной газеты "Вестник". 30 лет проработала в компьютерных корпорациях. После долгих лет молчания, вернулись стихи. Финалист и призёр поэтического конкурса "Эмигрантская Лира" (2012 и 2013); 2-е место на поэтическом конкурсе "Пушкинская Лира" (2014).

Былых привязанностей и обид
звонки сквозь сон, но тише пробуждения,
и действием не станет побуждение -
лишь снова тихо сердце заболит.
Крадущий краски, облетел октябрь,
и снова на асфальте отпечатки
истлевших листьев в наготе клетчатки,
И зазяла графика ветвей,
обнажена, как линии ладони,
а небеса всё холодней, бездомней,
и снегом пахнет ветер... Всё развеи!
Разбей остатки старых декораций,
лишь форму сохранивший реквизит.
У прошлого устала побираться.
Тот мир разрушен, тот бокал разбит.
Опять просить за старые вины,
их чётками перебирать безвольно,
смотреть мои навязчивые сны
как фильмы чёрно-белые - довольно!
За зимним равноденствием вдали
весна маячит облаком лиловым.
Очнись, душа, мечись, кричи, боли,
надейся и молись о жизни новой!
Но дни зимы, без цвета, без игры,
с ослепшим солнцем далеко за кадром,
катятся в лузу к раннему закату
как серые бильярдные шары.

Ной

Прогнозы давят с тяжестью катка,
на все лады конец пророчат света -
и радуюсь я жизни: коротка,
а я стара. Сегодня пью за это.

А я уйду, пока земля цела,
светла, красуясь года временами,
и безмятежно бронзовы тела
по берегам, не тронутым цунами.

И воздух в грудь, и деревья цветут,
и уцелевшие пасутся твари,
пока ещё не рвётся связь минут
в обещанном космическом кошмаре.

Мираж спасения любой ценой,
безжалостным библейским милосердьем?
Я не хочу оставить за спиной
свой мир, как Ной, ступающий по тверди

едва просохшей, где имеет быть,
рождаться в муках, множиться, плодиться
посмертный, чуждый, сверх его судьбы
мир - на костях тех умерших, чьи лица

мерещились, по ком он тосковал,
и меркнувшим глазам яснее мнилось,
чем виделось вокруг: потопа вал
его смывал, являя божью милость!

Клокочет, обезумевши, вода,
проклятья, вопли тонущих, и грохот
стен рушащихся... Он - воссоздавал,
он жизнь вдыхал, он собирал по крохам,

покуда мог... День от дня темней
картин, уже размытых и неточных,

тех грешных дней, тогда живых теней
он в памяти своей писал подстрочник.

Он виноградник вырастил - вино
не грело сердца, не несло веселья.
Он засыпал подобным смерти сном
в тяжёлом и безрадостном похмелье.

Семье теперь помеха, меж людьми
он парией дряхлел, не им подобным -
и с ним почил весь первозданный мир
и стал уже навеки допотопным...

Дом

По ржавым ступеням - в тот полуподвальный этаж,
в тот птичий, тот первый, тот дом фантастический наш –
пещерный, бездверный, не спящий - бедлам или храм? -
скворешней сквозящий, всем бедам открыт и ветрам.
Друзьям полуночным, всенощным, стихам до утра...
Дом тощий, но мощный - последний кусок на гора!
Удобства на улице, кран, леденела вода,
дымила, не грела, не топлена печь - ерунда:
мы любим и молоды, жарко телам и сердцам, -
и дождь выпивали вином с дорогого лица.
Песнь Песней рвалась из груди по дороге домой:
“Мы вместе...о, как ты прекрасен, возлюбленный мой!”
И двойней во чреве во сне прижимались тела.
Душа не кривила душою и плоть не лгала.
В крови – половодье, наполнен, торопится пульс.
Весь год – новогодье! А завтра, что станется - пусть!
Весны наважденье: простуды, зачёты, авитаминоз,
последние деньги - за чудо нездешних мимоз!
... Мы там узнавали друг друга - так азбуку и по складам...
Восторгом, испугом встречал, открываясь, сезам.
Взрывались, сдавались, сплетались корнями в земле,
на годы сплавлялись в том адском весёлом котле.
Изгои, матросы в дырявой лодчонке одной -
легко ли так взросло назвать себя - мужем, женой...
Росли не по суткам - часам: не на вырост жизнь - в рост:

дом первым поступкам где выбор недетский непрост,
дом первым ошибкам, чья тень по судьбе пролегла –
каким я аршином - рассудком? - тогда их измерить могла?..
В летящей косынке, в том мире, на лестнице той
на выцветшем снимке я вечно стою молодой.
А время бежит, и уносит его безудерж:
легки - без пожитков, на крыльях наивных надежд!
...Мотало, разбило - всего не расскажешь потом,
но жизнь подарила тот юный, бесстрашный тот дом.
Под порванным, алым, не трущийся бортом о быт -
высоким накалом он в памяти вечно горит.

Будто взгляд со столпа - одинокий обзор, ястребиный,
Рядом тучи и небо, и годы как волны вдали...
Я не души зову - я тоскую по плоти любимых,
тех, что стали бесплотны, что в жадную землю ушли.

Где кочует теперь в круговерти материи зыбкой
элементами химии в бухтах подземных морей
то, что было плечом твоим, грудью, ладонью, улыбкой
и касалось плеча, и груди, и ладони моей?

Ах, недаром за битого дарят десяток небитых!
Когда близкие рядом дышали со мной во плоти,
о душе я пеклась - о ее несогласьях, обидах,
в слепоте и гордыне иного искала пути...

Не вернуться, прозрев, в эти дни молодые и ночи,
в гущу лиц, голосов, столкновений, соблазнов живых...
Я бы проще жила и мудрей, я б любила иначе -
благодарнее близким, блаженней и тише травы...

Как я знаю теперь - только память грехов не отпустит –
правоты мудренее и пища, и печь, и кровать...
Прикасаться любимым телам, растворяться в их пульсе,
прикасаться, лелеять, лечить, согревать, целовать!

Я прощенья прошу у их смертной, истаявшей плоти,
что трудилась, страдала и старилась... О естестве,
о тепле ее кожи, о мышце, о страсти, о поте
плачу плотью живой ещё в необратимом вдовстве.

Винным соком грозы в небесах наливаются гроздья,
грянут градины оземь, цветенье круша...
Ненадолго теперь в этом теле ветшающем гость я,
ненадолго со мной перелётная птица-душа.

Вот и я поплыву...

Июль

Июль, влекущий толпы Крысолов,
дудящий в тысячу трезвонных дудок,
плывущий над теряющей рассудок
расплавленной икрой людских голов...

Бунтарь, не признающий мер и догм,
из кожи вон диктующий, влюблённым
под ноги стелющий и стол и дом,
творец с воображеньем распалённым,

резцом соединяющий уста,
по всем углам расставивший объятья -
ты одержим, безудержный ваятель,
малиновая кровь твоя густа,

ликующий, не знающий стыда,
взорвавший улицы столпотвореньем -
всё настежь, напоказ, всё откровенней,
всё яростней любовная страда!

...Тьмы наглотававшихся зимы пилюль
любовным зельем опоивший разом
из рога изобилия - июль,
ты одиноким противопоказан.

...И я, стыдясь, твоей одежды край
целую, и плыву в лагуне ночи,
благоуханной, приторной... морочат
огни, и всплески музыки... Играй,

заманивай, води меня сквозь строй
сплетённых пар, любовной жаждой острой
как шторм залей души пустынный остров,
последний цвет навстречу ей раскрой.

...Веранда, вход. Я нахожу приют –
стол в стороне, не освещён, не виден.
Смех, шёпот - в одиночку здесь не пьют,
но подают мне, я и не в обиде.

Не под шафе - ещё мне карафе!
Я не напьюсь, я берегусь, но -
о! луч в бокалах, уличных кафе
искусственный уют искусный...

Орфей

Боль утихла. Воды Стикса
поглотили свой трофей.
Что же ты сюда спустился,
ищешь ты кого, Орфей?
Поздней ясностью ужален,
жаркой жалостью влеком,
сух твой взор, но плач ужасен –
ты о ком, певец, о ком?
Луч! - мелькнула лунным бликом –
призрак, женщина, змея?
Эвридика, Эвридика,
мука, музыка моя!
Невредима!
Только дико:
взгляд её – сплошной пробел:
позабыла – смерти льдинка
в сердце – кто ты, что ей пел...
Лишь один - навек зазубрен –

всё один печальный лад,
как Офелия в безумьи,
повторяет невпопад.
Все богатства ей - банкротство,
в жилах вечности вода...
Обессилен бороться.
Не вернётся никогда.

... Да и было ль – кроме песен,
кроме вёсен, кроме струн,
кроме – ветрен, кроме – весел,
божьим даром вечно юн,
кроме краткого союза
ради вечного вдовства
музыки твоей – и музы,
пока я была жива?

Без слов

Довольно слов! Не надо больше слов.
Пусть молча в небо смотрит богослов.
Пусть пантомимой ссора замолчит
и слуха нашего не омрачит.
Тих будет стих, словно огонь свечи...
Не надо слов, прошу тебя, молчи.

Да будут звуки! только не слова.
Шалит, лепечет, шепчется листва,
поёт вода, отводит душу гром,
по дому ночью тихо ходит гном,
и грузовик буксует за углом,
и завывает ветер свой псалом.

Вот Бах скорбит с Творцом... Но диск смени -
забьёт родник, Вивальди зазвенит.
Прохладой детский смех плеснёт в окно,
волна всплнкнёт и зашуршит у ног,
хрустальный пересыплется горох -
птиц просыпающихся переполох...

Пусть как в младенчестве, когда меж снов
пречистых звуков плещется улов
в светающем сознании... до слов

Не пережить, казалось, этот день...
Но сердце, знавшее страданье,
И терпеливее в беде,
И мужественней в расставаньи.
Но руки, отпускаявшие из рук
Таких родимых, за такие дали -
Безропотно свой размыкают круг
И не протянутся в рыданьи.
О, не подумай, друг, что холодна,
Но эти дни с тобой прожив , как годы,
С тобой ещё, стою уже одна
У края поля и твоей свободы.
Почти зима. Касаешься щеки -
Но это ветер слёзы высекает.
Как голые деревья высоки!
Как в ветре нота плача высока, и -
Пора, нет больше воздуха в груди:
Там сердце статуи стучит.
Иди!

АЛЕКСАНДР СПАРБЕР

Родился в 1956 году в Москве, где и проживает. По образованию – инженер-математик. В 1994-96 гг. – ведущий авторской программы на радио "России" "Белый лист" – о языке поэзии и поэзии языка. Имеет публикации в некоторых российских и нероссийских журналах.

ЗабоРильки

Деревья складками коры
нам говорят о короедях,
личинки коих, пообедав,
и заболонь в обед отведав,
ведут неспешную беседу
и спать ложатся до поры.

Там, под корой, свои миры:
там кучи резвой детворы,
которой страх пока неведом,
за воспитателями следом
гоняют весело с горы
на маленьких велосипедах.

Там выползает из норы
огромный червь, царица ели,
старательно переварив
все то, что съела на неделе,
она кивает еле-еле –
и вот уже к ее постели
везут привычные дары.

Но основная жизнь – пиры:
едят везде, едят повсюду;
не успевают мыть посуду;

несут, несут за блюдом блюдо...
Так отдаются чрева блуду,
что только треск из-под коры.

Едят свой дом они, спеша –
ведь он на время им сдается;
и погибает дом, сдается,
кора трещит, на части рвется
и осыпается, шурша...

Не умирай, моя душа.

Рапунцель

Из смутного детства, из памяти ранней,
из влажного кокона воспоминаний,
по переплетенным тропинкам сознания
явилось, пробилось одно заклинанье:

Рапунцель, Рапунцель, проснись!
Спусти свои косыньки вниз!

И, словно по тросам, проворным матросом
вскарабкаюсь я по сверкающим косам,
на башню седую взлечу – не взойду –
и вот я – в саду, заповедном саду...

С кленовою тросточкой, в длинной рубахе
там встретит меня старичок Амфибрахий,
и руку протянет, и скажет: пойдём
туда, где, омытая лунным дождём,
за солнечным раем, за сумрачным адом
тебя ожидает страна Эльдорадо,
и в ней ты найдешь, среди деревьев и скал
всё то, что желал ты, о чём ты мечтал...

Но разум стучится в затылок, как дятел:
– приятель, ты скис, окончательно спятил,
на что, подскажи, у тебя голова?
Рапунцель – растение, всего лишь трава,

салат, сельдерей... Чем ты думаешь, право?
Смешная приправа, пустая приправа...

...Тогда почему ж, как мольбу – палачу,
я то заклинанье всё время шепчу?
– Вот перед тобою я – голый и босый...
Спусти свои косы!
Спусти свои косы!
Проснись же, проснись же, Рапунцель еси!
Спаси...

Читая Юхана Бергена

1. Вверх и вниз

И – вверх

я вижу:
поле, на котором
пасутся лошади.
И пруд. Вокруг него –
кусты.
За ними – холм (какой-то голый),
а за холмом не видно ничего.

И – вниз

вот здесь мне всё знакомо:
качели, стол, и скатерть, и трава,
окурки, стулья, ноги...
здесь я дома –
я возвращаюсь, падая.

Едва
не выронив меня, отец тревожно:
– Ну что, ещё? Боишься?
– Не боюсь.
– Тогда лети! Чего ж ты не смеёшься?
И я смеюсь.
Раз надо – я смеюсь.

И снова вверх,
и снова жизнь другая
там – за холмом, за горизонтом, за...

Отец меня кидает и кидает.

И у него тоскливые глаза.

2. Мухи

они умирают почти сразу
мухи
салятся на желтую ленту
прилипают идохнут
превращаясь в маленькие черные точки
но некоторые (одна-две, не больше)
самые жирные
никак не хотят умереть
все бьются, бьются
жужжат, жужжат
жужжат

совесть

3. Паутина

Я просыпаюсь. Где – не пойму
полон мой рот земли,
по телу голому моему
бегают муравьи.
Кажется, все-таки это лес,
где-то шумит вода...
Какого рожна я сюда залез,
как я попал сюда?
Везде паутина – висят, блестят
нити по всем кустам.
За мною следят – я вижу глаза
там, за кустами, там.
Бегу – и рву паутину ртом,
прочь -- на призыв реки,
но здесь – на её берегу крутом –

ждут меня рыбаки.
Им весело. Смех. Я слышу их смех.
Прыгаю, пробую плыть...
Они смеются: «Давай, человек, –
будем тебя ловить».
Я – выдыхаю. Иду на дно,
плавно иду на дно
я медленно, плавно иду на дно.
Дно. Я иду на дно.
Но главный рыбак, бородатый гном,
полтрубки зажав в горсти,
кричит, подцепляя меня багром:
«Теперь ему не уйти!
Теперь ему вечно кружить в кольце,
теперь он наш общий сын».
Я – просыпаюсь.
А на лице –
ниточки паутин.

4. Танец

«И звучит эта адская музыка»

(А.Блок. Балаганчик)

на сцене эти двое
расходятся сближаются
сплетаются сливаются
в движениях простых
ты слышишь эту музыку
ритмичную музыку
заманчивую музыку
и ты глядишь на них

в какое-то мгновение
мгновение мгновение
когда на них ты смотришь
на ногу на живот
то происходит вот что
смещение зрения
объекта искажение
и видишь только вот

случайное сцепление
туловищ и конечностей
туловищ и конечностей
конечностей и тел
и не разберешь
где мужчина где женщина
мужчина где женщина
какой-то странный зверь

он крутится и прыгает
прыгает прыгает
и он все машет лапами
блестящими, но вот
сейчас он спрыгнет на пол
он спрыгнет на пол
и после по квартирам
пойдёт пойдёт пойдёт

с другими такими же
и их число все множится
а их число все множится
танцующих ребят
но нечего тревожиться
особенно тревожиться
но незачем тревожиться
ведь им не до тебя

а ты давай обедай
обедай обедай
а ты пока обедай
сиди в своем кафе
они придут к соседу
соседу соседу
они придут к соседу
не бойся – не к тебе

случайное сцепление
туловищ и конечностей

туловищ и конечностей
туловищ и конеч...

Кустодиев. Масленица

Каждый год на Москве
в марте ли, феврале
повторяется снова и снова:

провожа́нье зимы,
и гульба, и костры,
и катание на Воробьёвых.

Всё как будто навек:
этот визг, этот смех,
и мороз, и румяные лица...

На горе, под горой! –
и снежок молодой
всё искрится, искрится, искрится.

А под нами – Москва –
крыши да купола,
там, в домах, на столах деревянных –

ждут, томленьем полны,
кружевные блины,
да под водочку, да со сметаной!

Се шестнадцатый год.
Веселится народ
и гуляет, и пляшет, не зная,

что на сотнях голгоф
миллионы крестов
словно шерсть, из земли вырастают.

Что там будет потом? –
смерть, разруха, содом –
нет, не с нами, конечно, не с нами!

И пока, и пока
жизнь сладка и легка
и блесит, и скрипит под санями.

Диалоги

Действующие лица:

Нож мясника

Точильный камень

1.

Нож мясника: Точи меня, точи!

Я должен острым быть, чтоб резать толщу
говяжьих туш, и жилы, и хрящи –
точи меня! Я должен, должен, должен...

Точильный камень: Я точу, точу...
но ты, дружок, не увлекайся очень –
предупредить (из жалости) хочу:
чем нож острее – тем жизнь его короче.

2.

Нож мясника: Трудна моя стезя!

И лезвие чудовищно устало...

Давай, точи... Как ненавижу я
изнеженное, трепетное сало!

Точильный камень: похудел, дружок!
Да... всем теперь приходится крутиться...
Я прожужжу на ушко: плюнь на долг –
не то недолго в шило превратиться.

3.

Нож мясника: Я увязаю в нём –
в проклятом сале этом, я тупею!

Точи меня ещё! Ещё, ещё!

Острее быть хочу! Ещё острее!

Точильный камень: Эти мне ножи!
Точи, точи их – всё им, дурням, мало...
Вот ты – вжик-вжик! – и жизнь почти прожил –
а для чего, скажи? – Чтоб резать сало?

Нож мясника: Да я жжж... (ломается)
Занавес

Пётр

Вот только что – их не было. И вдруг
они возникли – из-за поворота...
И некто, суетливый как паук,
кричал: «Да вот он! Поглядите – вот он!» –
указывая пальцем на меня...
А сзади подошёл какой-то в чёрном,
шепнул: «Спокойно, ладно? Всё фигня,
всё хорошо, всё славно» – и проворно
за локоть взял.

Сквозь пыльные клубы
проклёвывалось утреннее солнце.
Кричал петух.

– «Пойдём. Как ни люби –
а отрекаться все-таки придётся».

ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ

Родилась во Львове. Закончила Университет, факультет романо-германкой филологии. В Австралии с 1998 года. В университете в Канберре защитила диплом по курсу "Психология". Работает психологом-диагностом в центре нетрадиционной медицины. Стихи пишет с 16 лет. В Украине печаталась в периодических и студенческих изданиях. Публиковалась в Мельбурне в местной, русскоязычной периодической печати и в сборниках, а также в Германии. Пишет на трех языках.

APPASIONATTA

Appasionatta... Да святится имя...
Капля крови алой. Все необратимо.
И крыло любви, легкий сон как будто,
Сладкой грустью тихой солнечного утра.

- Закуете в цепи, я любить вас буду.
На другой планете, Я любить вас буду.
Вы, мое дыханье, часть меня без грима.
Appasionatta... Да святится имя...

- Успокойся, слышишь, шепот лип в аллеях...
Ты взгляни на небо, как оно светлеет!
Успокойся, помни, мы с тобой едины.
Appasionatta, Да святится имя!

Есть на вокзалах в огромных тех залах
Запах прощаний.
Вечно облезшие серые стены
Пустых обещаний.
Стук поездов далеко уходящих,
Рельсов гудящих.

Маленьких станций минутой живущих,
Грустью манящих.
Ветер, вдруг ветер закружит окурки,
Пыль и бумажки.
Ветер растреплет толпе на перроне
Платья, рубашки.
Там на вокзалах тревогою ложной
Бродит усталость.
Пыль на себе затаил подорожник.
Там мы расстались.

Есть на вокзалах в огромных тех залах
Запах прощаний.

ПОБЕДА

По живому да по горячему,
За все кровью нашей заплачено.
По горячему, настоящему,
На ладонях судьба обозначена.

Слезы это ли, пот ли градом тек -
Не могу понять, знает только Бог.
Мы с тобой стоим, враг единственный,
Оппонент ты мой, мой неистовый...

Колесим вдвоем в поднебесии...
Здесь жара стоит, воздух разжиженный.
Гладиаторов бой, в полубесии,
По горячей пустыне, по выжженной...

На колени пал, очи к небу взвел,
И потрянув головой в отчаянии,
- Бог единственный, ты всегда со мной...
Прошептал он, как воин раненый.

По живому, по настоящему,
Кровь с ладоней течет струйкой алою...
- Я за все с тобой... Пусть такой ценой...
Прошептал надевая лавры он.

ЖУРАВЛІ ЛЕТЯТЬ ДОДОМУ

Через сиві океани і шарові блискавиці,
Журавлі летять додому, їм домівля рідна сниться.
Бо надвечір сива мати їх гукала до порога,
Бо та туга у зіницях затаїлася волога.
Журавлі летять додому, їх вожак збирає в зграю,
Голос трубний - Всі готові? Батьківщина нас чекає!
Завірюхою знялася тая вільна птаховина,
Вітер гне вершки деревів, облітають за хвилину
Всі танети і закутки, що теплом їх зогрівали.
І гайда, мерщій додому, Мати кілька раз вже звали...

Прокидаюсь під щебіт пташки,
Що невідомо де взялася.
Між дерев золотіє промінь,
І віщує що день почався.

А маленький посланець божий,
В сірочорному фракку з пір'я-
Так боронить, і так сторожить,
І несе новину подвір'я.

Відкриваю своє люфтерко,
Вітер мя обійма візитом.
Відчуваю його відвертість-
Ще не осінь і манить літо.

Ніч від ранку відей тікала,
На траві діаманти- роси.
Гребінь вітру, як опахало,
Чепурить у берези коси.

Знову пташка, така маленька...
Скільки духу, і скільки сили!

Най твій спів буде оберігом,
Божий вісник, посланець милий.

СОНЦЕ ЖАРОВИТЬ

Сонце жаров`ить відей в останнє.
О, яке барвисте тепле лоно.
І приспавши першеє вітання,
Осінь враз позолотила крона.

Манить церу, доторкнутись хоче,
Млість від тих шукаючих долоней..
Топлю очі я в безодні ночі,
І пірнаю в ніжність напівсонно.

Ранок причаївся за дверима.
Вітер мірно шелестить в фіранках.
Тягне сьогодні пуповина
Від отих рідких і мрійних ранків.

Манить церу, доторкнутись хоче..
Млість від тих шукаючих долоней...
Толю очі, гублю свої очі,
І пірнаю в ніжність напівсонно.

Сонце жаров`ить відей в останнє...

А БУВАЄ Й ТАК

А буває й так
Світлий спомин
Ніби чисті очі дитини
І така нудота по дому

А буває й так
Злива змива
І в очах фіранки намоклі
Тяжать ніби в ночвах коноплі

А буває й так
Зранку щастя
Заглядає сонечком в вікна
Посмішка навпроти на ліктях

А буває й так
Осінь пізня
Затягає синь бермудова
Над дверима мідна підкова

А буває й так
Світлий спомин
Ніби чисті очі дитини.

ЯК ЖАЛЬ, ЩО ТИ НЕ ЗРОЗУМІВ МЕНЕ

Як жаль, що ти не зрозумів мене,
Майнув як блискавка.
А океан так натяжно реве
І хвиля високо.

Зітхання, як в метелка
Легкість крил, по цері дотик вій.
І в непритомі не стачає сил,
В смерканні подих твій.

Невидимий, ти в монологів тих
Пірнаєш мисленно.
Тебе за той замшлий мій поріг,
Навіки вислано.

Як жаль, не доторкнутись до плеча
Воно придумане.
А я дівча, в душі моїй дівча,
Дорослість сурмлена.

Як жаль, що за фіранками дощі-
Так тягне до тепла.
Лети ж бо моя мріє, тай мерщій
Бо тяга дотика.

ЛЮДМИЛА ШАРГА

*Поэт, прозаик (Южнорусский Союз Писателей) Родилась в России, но уже много лет живёт в Одессе. Автор публикаций в периодических изданиях и интернет-изданиях России и Украины. Автор двух сборников поэзии и прозы: «Адамово Ребро»(Одесса 2006г.) и «На проталинах памяти» (Одесса 2008г.)
Руководитель творческой гостиной Diligans*

Ночной сюжет новостей

сестре

...ночной сюжет новостей
привычен и предсказуем
один за другим падают памятники
люди воюют с камнем
это предельно просто
свалить с пьедестала вчерашнего идола
куда проще
чем убирать обломки на площади
куда проще
чем воевать
с идолами в себе
здесь мы заведомо обречены
на поражение

Не говори мне о свободе

*Не поднимет народ на народ меча,
и не будут более учиться воевать.*

Ис. 2:4

Не говори мне о свободе.
Мы все стоим на переходе –
нам нужно площадь перейти,
и н о г о н е т у н а с п у т и .

Мы вспоминали вкус свободы,
и становились кровью воды
и пеплом стал крещенский снег.
Свобода на устах у всех.
Забыв пророчество Исаяи,
её, как кость, рабам бросают,
за эту кость голодный раб
служить рабу другому рад.

Не говори мне о свободе.
Там люди площадь переходят,
и может статья – перейдут.
Горит земля и там – и тут.
Кругом разверстая геенна,
шакалы воют, и гиены
из подворотен скалят пасть.

Не дай нам, Господи, пропасть
на этом страшном переходе,
где мы судачим о свободе.
И упаси нас от свобод,
что обещает переход.
Оборони от мук, от боли.
И дай нам волю.

Был майский день...

памяти погибших 2 мая 2014 года в Одессе

Был майский день ни короток – ни долог.
Летели сарафанные подолы –
их ветер надувал как паруса, –
и детские летели голоса...
Был майский день прозрачен и беспечен,
безудержно цвели каштанов свечи,
и монотонный плеск морской воды
укачивал предчувствие беды.
Плыл майский день ни весело – ни скушно,
на ниточке дрожа, как змей воздушный,
и вечер быть приятным обещал...

Но Времени гигантская праща
уже дошла до точки невозврата,
и вечер, обещавший быть приятным,
вдруг чёрной пеленой заволокло.
Кричали люди.
Лопалось стекло...
И подымались по небесным сходням
из пламени – из самой преисподней –
испуганные души в небеса
под хриплые от крови голоса...
И остывала плоть – души оковы –
на жертвеннике Поля Куликова.
И был удушлив сладковатый чад...
И багровела Каина печать.

Попробуй обойтись

Девушка пела в церковном хоре...

Александр Блок

Попробуй обойтись без аллегорий,
без приторно-сладкоголосых лир.
Там ненависть раскачивает мир,
где девушка в церковном пела хоре.

Попробуй без проклятий обойтись,
в Свет обратись
и в Слово обратись.

Не спи.

На убывающей луне

шепчи:

война,

войной,

войны,

войне...

Оно спасёт.

А если не спасло,

не умножай ни боль,

ни скорбь,

ни зло.

Шепчи на убывающей луне
именослов погибших на войне.

Попробуй обойтись без аллегорий.
Скажи себе: в наш дом пришла беда.
Не на день – не на месяц – навсегда,
навек в сердце поселилось горе.

Нет лада,
нет согласия меж людьми,
и ненависть раскачивает мир.

И девушка поёт в церковном хоре.

Солоно...

Мир этот крепко шит – да неладно скроен,
каждый кроит заново,
правя крой.

Солоно, Господи, в доме твоём от крови,
горько от осознания –
льётся кровь.

Старые шрамы рвут молодые раны,
не перешить, не спрятать –
как ни крои.

Зодчие на Руси возводили храмы
и нарекали Спасами на Крови.

Тихая скорбь –
шатровые колокольни,
без золочёных маковок и крестов.

Дух убиенных там обретал покой свой,
вечный покой

и вечный горный простор.

Не сосчитать могильных холмов-пригорков,
стонет земля от старых и новых ран.

Солоно, Господи,
солоно так, что горько...

Время пришло закладывать новый храм.

Только...

давно мучаюсь чувством странным:

тешатся позолотой –
а нужен Свет!
На перекрёстках высится храм на храме.
Веры у нас как не было –
так и нет.

Петелька, петелька...

Над пепелищем проигранных битв,
путчей и революций,
в облаке заупокойных молитв
белые бабочки выются.
Тихие ангелы дальних дорог
ветром сбиваются в стаи.
Петелька к петельке –
выдох!
Вдох...
Время узор сплетает.
Бабочки смотрят в твои глаза
с болью исповедальной,
словно о чём-то хотят сказать
перед дорогой дальней.
Петелька к петельке,
вдох – накид,
быстро мелькают спицы.
Между накидами век наш спит,
мы ему –
он нам снится...?
Не разглядеть ни глаз – ни лица,
Время давно ослепло.
С ангельских крыльев летит пыльца
и оседает пеплом.
Петельки, петельки,
выдох – вдох...
(время – оно не медлит...)
Новые ангелы дальних дорог, –
новые шеи в петлях
здесь, где от сточенных болью бритв,
и от пустот пьедесталов,
от лже-раскаяний, от лже-молитв

небо тяжёлым стало.
Петельки, петельки...
Вдох... накид.
Кто там рядки считает.
Пепел ли,
снег ли с небес летит
призрачной белой стаей?
Кто его нынче знает...

Горечь осенних вод

Как грустна осенняя вода...

А. Городницкий

Множится горечь осенних вод.
Дни незаметно идут на убыль.
Чувства немеют. Зима грядёт...
Шепчут молитвы губы.

Мне бы осенней воды глоток –
и до утра во сне, не страдая,
слушать, как мокрый дрожит листок
и опадает.

Горечь осенней воды легка.
Тихо зима прильнёт к изголовью,
выбелит замки, что из песка
строят, скрепляя кровью.

Выбелит пустоши и холмы –
землю, распроданную на вынос.
Ни от тюрьмы – ни от сумы,
Боже, от нас спаси нас.

Тёмная горечь осенних вод
так же близка, как непостижима.
Осень закончится, мир упадёт
в зиму...

МАЙЯ ШВАРЦМАН

Бельгия

Родилась в Екатеринбурге, скрипач. Живет в Бельгии.

Ссылка

В переживаньях трепетной любви
к виновнику невзгод, в припадках рвения –
знай впитывай, записывай да рви, –
порабощающего вдохновенья
он избежать не мог. За стык миров
цепляясь в мыслях, в судорогах щеря
кривые зубы, клочкотаньем строф
давась, он десять дней провёл в пещере,
наитья раздувая наугад,
раскармливая сны, виденья множа.
Сгорали смыслы, падая в закат
богов; змеясь, слова меняли кожу.
Он ослабел от жажды, голодал
в капкане грота не длинной сажени,
проваливаясь в призрачный портал
в попытке бегства от воображенья:
в себя, глазами внутрь, взаимосвязь
с реальностью порвав, и антифоном
гудела кровь, в сосудах колотясь.
Процеженные горлом изнурённым,
текли слова, затвердевал металл
пророчеств, переписывался атлас
вселенной, – а снаружи крепко спал
в неведение патриархальный Патмос.

* * *

В Израиле был объявлен сбор волос для женщин, больных раком. Число пожертвований превысило ожидаемый результат в сотни раз.

Из газет августа 2013

Пристально глядя в зеркало от потолка до пола,
ею любующеся, губу закусив, стоит
и выпускает на волю пряди волос тяжёлых,
медные водопады смуглая Шуламит.
Шпильки, заколки, гребни и остальные цацки
вынуты, и по груди и лопаткам, виясь, текут
волосы, стадо коз, сходящих с горы Галаадской,
царственной красоты полновесный пуд.

Рядом на мраморной полке, средь капель влаги,
серьги, браслет, мобильник, флакон духов,
связкой ключей прижатый листок бумаги –
снимок на нём и надпись в несколько слов.
Лысою моной лизой, режуще синеока,
девушка с фотографии жёстко глядит, без слёз:
наша сестра, что ещё мала, и груди нет у неё, как
после химиотерапии нет теперь и волос.

Губы бескровно сжаты, шея – сухой былинкою,
взгляд её глаз запавших, тёмных в себе таит
древнее «заклинаю вас, дочери иерусалимские».
В эти глаза, как в зеркало, смотрится Шуламит.
Семеро нас должно быть, чтоб в утешенье силу
женственности утраченной, которую отнял рак,
иллюзорно вернуть тебе. Чтоб на парик хватило
только один – должно быть семеро нас, сестра.

Сплю я, а сердце бодрствует: я отопру возлюбленному
стриженная, а милый повернётся мой и уйдёт,
как мне решиться?.. Ножницы выбирает она с зазубринами
и запускает лезвия в рыжий водоворот.
Пусть непрозрачны стены и Шуламит не видно:
в сотнях и сотнях комнат, руки, что гибче лоз,

за головы закинув, шеи с натугой выгнув,
сотни прекрасных женщин режут снопы волос.

An die Freude

Пробравшийся в обход консьержек и лифтёрш,
засевший в закутке, оборван и зловонен,
в подъезде на Морской одутловатый бомж
мычал негромко «Seid umschlungen, Millionen».
Законные жильцы, спешащие наверх,
под лестницу во тьму таращились, брезгливо
взирая на того, кто, копошась, как червь,
рулады выводил известного мотива.

Напыщенная песнь, славнейшая из од,
кто помнил бы тебя, когда бы не Бетховен?
Акустика плыла, и лестничный пролёт
подхватывал слова, и эхо, хору вровень,
приподнято несло торжественный рефрен
о братстве и любви. В окно кривился месяц.
Великий гимн кружил и отлетал от стен.
Органом навесным гудели марши лестниц.

Чего боялись те, кто ускоряли шаг,
свой образцовый мир храня от драм и смрада,
и машинально в такт тому, что пел чужак,
ворчали про себя о вызове наряда?
И кто был падший дух, бездомный златоуст,
оставшийся для всех бродягой заурядным,
кто лучезарный стих гнусавил наизусть,
пока не отошёл в застуженном парадном?

* * *

Aan Filip Vleeshouwers

Клейкой лимфой, пигментом, белком загущается смесь
из воды и чернил. Лёгкой кистью, нежней колонковой,
добавляется капля в пейзаж – весь сияющий, весь
словно звонкий целковый:

с ослепительным солнцем, с тропой между рощ и болот,
с мягкой дымчатой далью, плывущей до кромки сюжета.
Нанесённое мутное пятнышко влажно живёт
предвкушением цвета.

Прорастая в волокна холста, обретает черты,
наживает дыханье и тонкий сквозной эпителий,
уязвимей моллюска в бессилье своей наготы,
в сотни раз мягкотелей.

Но не дольше мгновенья. Картины безмолвный статист
растворяется в новом мазке, в пестроте наслоений,
что наносит на зыбь полотна неустанная кисть
в мастерской сновидений.

Письмо брату

Saint-Rémy-de-Provence, 1889

Договорился с доктором и вот
могу работать. Так что я не заперт,
не связан, не стеснён, наоборот,
мне можно выходить. Недавно скатерть
забрал в столовой: кончились холсты,
а лето хода замедлять не станет,
чтоб подождать меня. Не мог бы ты
рулон прислать скорее? Подростанье
цветов меня торопит, колорит
полей томит, когда простор подрезан
мазком графитной тучи; лавр искрит,
лаванда отливает веронезом,
над пашней от взлетающих ворон
идут воронки воздуха – спиралью
вкруг кипарисов; кадмий, вермильон
заката рвутся вон из пасторали –
и мне не успокоиться, хоть влезь
в нутро палитры, в масло, грунт и гущу!
Безумие – такая же болезнь,
как всякая другая, ей присущи
припадки здравых мыслей, как предлог
для лучшего контраста прихотливых
и резких красок. Если бы ты мог
хоть раз взглянуть на здешние оливы
с изнанкой листьев цвета серебра,
все в патине, наплывах и коросте!
Я их писал четырежды вчера

и мастихином соскребал со злостью,
и вновь из туб выдавливал гарнир
к жаркому жизни, не желая точку
поставить в ней... Поверь, небесный мир
я вижу в блеске на молочной мочке
у «Девушки» Вермеера! – как быть,
когда я только собственное ухо,
а не шедевр способен предложить
в уплату за земную потаскуху?
Согласен, я хватил. Повинны в том
абсент, жара и скверные причуды
моих затмений. Я в кармане бром
теперь таскаю в поле на этюды
и бьюсь над светом: схватишь тон куста,
а небо побурело, пожелтело...
Возможно, тяга смешивать цвета
Создателя влечёт вот так же, Тео.

КАК ДЕНДИ ЛОНДОНСКИЙ ОДЕТ

к строке Пушкина из «Евгения Онегина»

Когда-то латы и кираса,
затем мундир и редингот,
потом жилет из канифаса,
а там практичный коверкот –
так одевался прежде тот,
кто ричардсона и ловласа
сторонник был иль антипод,
но главное – компатриот.

Всё это в прошлом. Блеск лампаса
и с ним колониальный шлем
британский лев сменил на массу
иных дресс-кодовых проблем
и в моду ввёл тональный крем
столь толерантного окраса,
что колер собственных эмблем,
забыл, похоже, насовсем.
В толпе английского покроя,
однообразной, словно дождь,

ни алой розы, ни героя
былых романов не найдёшь,
кто спенсер или макинтош
носил с достойной простотою.
И улиц горловой галдёж
с речами книжными несхож.

На подиумах тротуаров
искать эсквайров стильный след
не стоит: лишь в карманах пары
не досчитаешься монет.
А убегающий брюнет
в эргономичных шароварах
и есть на твой вопрос ответ:
как денди лондонский одет.

ЗА ГОРОДОМ

Из тесных улиц выпорот,
как выпущен в запас,
раскинул руки пригород –
привольно, напоказ,
от городской окраины
в поля рванул стрелой
удравшей от хозяина
собакой молодой.

Свои тропинки выпростав
из улиц-рукавов,
ряды домов порывисто
ветрами распоров,
с околицы, не мешкая,
предмесье началось,
как будто бы мережкой
продёрнулось насквозь.

Промётана, простёгана
лужаек пестрота
канавками, дорогами,

попынью обжита,
прошита по обочинам
стежками медуниц
и стрёкотом прострочена
велосипедных спиц.

Цветочным крапом выслана
земли июньской ткань.
Шмели с тысячелистника
пыльцой взимают дань.
Мерцающая синим золотом
в однообразье поз,
на дрожь воды наколота
коллекция стрекоз.

Вскипает духом лакомым
разросшийся тимьян,
ворсистый выгон маками
закапан по краям,
а подорожник, наскоро
протиснувшись вперёд,
зелёным лейкопластырем
заранее растёт.

В полях, изрытых шахтами
кратов, меж лебеды,
с утра играют в шахматы
сороки и дрозды,
за мошками и зёрнами
охотясь, в свой черёд
то белыми, то чёрными
обозначают ход.

Как обувь, сбросив в городе
брусчатку мостовой,
простор бежит по молодости,
по зелени, босой;

и ширится, и щурится
морщинами дорог, —
пока не юркнет улицей
в соседний городок.

Праздники, годовщины — пора пожаров,
пламя итогов, гордости и обид.
Пышный салют над лаврами юбиляра.
В небе рубины, яхонты, лазурит,
знаки выводят — такие, как Валтасару
давеча. Стоит вчитаться, пока горит.

Темный туннель всё уже, всё злей придирки
к ближним, всё ближе к телу — венки, хвала,
тосты, но не отмыть даже в чистом спирте
стен и застенок памяти добела.
Мир всё тесней, как платянице после стирки.
Вскорости жизнь нам станет совсем мала.

ЦВЕТНОЙ СЛУХ

Сойдя с велосипеда, он решил
передохнуть и, обогнув подмостки,
свернул на луг. Шуршанье крепких шин
он слышал сизым. Воротник матроски
промок в траве, когда он навзничь лёг,
до синевы черничного напитка.
Он сунул в рот горячий стебелёк
и опершись на локти стал следить, как
медлительный и важный махаон
описывает сложную орбиту
вокруг вьюнков, как будто посвящён
в гроссмейстерские тонкости гамбита.
Наперерез его ходам вилась
капустница и билась, невзирая
на правила, за белых, горячась
и собственную партию играя.
С цветка перелетая на цветок,
две бабочки в полуденной нирване

собой являли цветовой подлог,
не совпадая с собственным названием.
Ни розово-фланелевого «м»
не виделось в окраске махаона,
ни золота от солнечных фонов
в капустнице, ни жестяного тона
от «ц»...

Как странно выглядят слова
в недостоверно выкрашенном мире!
Всё это обнаружилось, едва
он азбуку узнал. Лишь в кашемире
на материнской шали был узор,
похожий приблизительно по цвету
на краски букв: оранжевый повтор
ворсинок «е», чернильные пометы
густого «а» сквозь палевое «и»...
А как цвели в гостинной разговоры,
пока он лежал на полу бои
солдатишков устраивал, и фору
давал любимцам! Помнилось ему
название «Цусима», с баритонным
и влажным блеском, спуском в полутьму
и шоколадно-тёмным обертоном...

Пора домой. Там ждут к обеду двух
гостей, а после чая будет теннис.
И по площадке карий сладкий дух
от земляники, что, кипя и пенясь,
в варенье превращается, пойдёт,
и девочка с соседней белой дачи
мяча увидит упоенный взлёт
от крепкой каучуковой подачи...
Так грезит он в траве, хмельной от пут
звнящих слов, кружась в их хороводе.
И слышно издалёка, как зовут
из-за ольховой рощицы: «Воло-одя!...»

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года.

Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях.

Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида» «Австралийская мозаика» «45-я параллель» и др.

В 2012 году вышла книга стихов и прозы «На костре своих строчек...»

Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014г., Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г.

Ты виновата, что я не ищу
сокровищ в далеком море.
Ты виновата, что я сам с собой
больше уже не спорю.

Ты виновата, что не стремлюсь
мир наш переиначить,
Что все звезды и все фонари -
в складках твоего платья,

Что все оттенки живых цветов
в меди твоего волоса,
Что все мелодии мира звучат
в тихом твоём голосе.

И если идти мне, как знать, по проспектам
К людям с протянутою рукой,
Я буду думать только об этом -
О каждом прожитом дне с тобой.

ГИПЕРБОРЕЯ

В этом городе, будто крестиком помеченном,
Пахнет цикутой и миндалем горьким,
Ночью в небе ни Ковша, ни Пути Млечного
Словно занесло тебя в Чертовы Задворки.

Здесь не жалеют ладана против чумы и голода,
Ходят гулять на площадь, где четвертуют геев,
Бреют клинками головы, но сохраняют бороды
И выбивают на пряжках: «Мертвые не краснеют!».

Здесь побивают камнем изобретателя пороха -
Убедительнее пороха спайка в стае.
В этом городе женщины в глубоком обмороке,
Оттого, что о любви ничего не знают.

В этом городе, приткнувшемся к потухшему кратеру,
Климат подозрительный – ни зимы, ни лета,
Жители пресыщены боями гладиаторов
И читают запрещенное про Ромео и Джульетту.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ НАБОКОВА...

Триптих

набоков

Нервный припадок – которые сутки.
Ее ягодицы, живот – Она!?
Но спина?! – Спина проститутки
В раме расшторенного окна.

Она приходит, когда захочет,
Роемся в своих платьях.
И я кричу ей что было мочи:
Хватит! Пора убираться!

Вещи на свалку - и все забыто,
Только у горничной вздрогнут бровки...
Она - две недели назад убита
Своим безумным любовником.

Ей назначалась любовь – чума
Пулей из недр нагана.
Скажут, - все было меж строк письма
Из ее незаконченного романа.

люблю в последний раз...

Люблю в последний раз,
Хочу сорваться с петель,
Расшевелить листву,
До самых корешков
Взъерошить, а потом,
Как ненасытный ветер,
Лизать, лизать, лизать
Шершавым языком.

Люблю в последний раз,
Хочу морским прибором
Изнеженных лагун
Округлости ласкать,
Вернувшись вновь и вновь,
Их покрывать собою,
В чреде бессчетной лун
Желать, желать, желать...

Люблю в последний раз
Голышиком младенцем
Хочу прильнуть к груди
Клещем – не оторвать,
Глотая полным ртом
Нагую откровенность -
Люблю, люблю, люблю, -
Что мне шептала мать.

автопортрет художника в рамке

Я приходила к нему убирать квартиру
Это было не сложно: ванна, кухня, пропылесосить ковер.
Перебросимся фразами, пока я посуду мыла -
Насчет погоды и прочих расхожий вздор.

Чтоб мне не мешать, он включал компьютер,
Говорил, сочиняет стихи, только это не факт.
На пыльных полках книги, книги и книги – круто,
Вот бы проверить, о чем он там пишет, но как?

Его родной язык – русский, в английском, похоже,
Он мультикультурно ни бэ, ни мэ
А я филиппинка, мой *ленгвич* тоже
Ни вашим, ни нашим, *ву компромэ...*

Он всегда предлагал выпить чашечку кофе:
«Ты устала, какой может быть разговор».
А я колебалась, уборщице – профи
Положено строго держать зазор.

Если я соглашалась, мы долго болтали,
(Как - не понятно), но тем замес
Его завораживал микродетальями,
Он мне говорил – в этом весь интерес.

Но однажды на вежливый стук, как учили,
Никакого ответа – молчанье ягнят.
Позже в офисе мне, извинясь, подтвердили:
Что заказ на клиента снят.

НЕКТО КАМОЭНС...

Некто, возможно, Камознс
Говорил - в настоящих стихах
Совершается то, чему имени нет
Ни в наречиях, ни в языках.

Некто, возможно, Камознс,
Говорил, что в стихах
Плещет вода по пояс:
Все, что имеет имя:
Ритмы, догадки, глянец -
Мимо.
Поэзия – то, что останется.

Некто, но не Камознс, которого я не знал
По целому ряду причин,
Пишет стихи, как берут интеграл
От мизерных величин.

С налету покажется - «Ого-го!
Вот пример, так пример!».
Но отчего же при отжиге
В остатке нет ничего...

Говорят, что Муза – ангел с рыжими волосами,
Украшенными венцом.
Мне повезло, посудите сами -
Я точно знаю ее в лицо.

Говорят, что она иногда появляется на пороге,
Не решается заходить.
Моя приходит хозяйкой, моет усталые ноги
И позволяет себя любить.

Моя подбирает гладкие камешки по дороге
И приносит ко мне домой.
И я соглашаюсь, что много чего такого
Лежит под ногами, только согнись дугой.

А то постоит за плечом, усмехнется,
- Зачем так упорно корпеть над строкой?
То, что ты ищешь, само прорастет, пробьется,
Только не дрейфь, оставайся самим собой.

Я спросил у нее: «Отчего ты раньше ходила мимо?»
- Оттого, что раньше ты был как все, -
Отвечала она с безразличной миной,
- Я уж думала безнадежный совсем.

Мы совсем не очевидная пара
Повстречались - шагай пошире.
Мне бы подошли времена динозавров,
А тебе - играть Нерону на лире.

Но случилось как раз то, что случилось.
Ну, рулил бы я не «Хонду», а «Ниссан».
Только б жизнь была – при жизни могила
И стишок бы этот не был написан.

НОСТАЛЬГИЯ

Она слегка приволакивает заднюю лапку
Считают, что у этой породы собак,
Размером чуть больше медвежьей шапки,
С сильными мира сего до безумия дерзкой -
Это верный генетический знак
Недвусмысленно королевский.

Романтику оставим Вероне,
В собачьих рангах отнюдь не пешка, -
Охотник она ломовой.
Не одна пара наглых, крикливых ворон,
Обманувшись ее добродушной внешностью,
Поплатилась своей головой.

И только глянула – что за чудак
Когда ты притащила ее в мой дом -
Не заискивала, хоть тресни.
На всякий случай прошла под столом -
Ясно, - здесь не бывает других собак,
А такие места ей не интересны.

А потом ты ушла и она легла
Притулившись ко мне чуть дрожащим боком
Как ты обещала, вполглаза спала,
Не вникая в драмы телеэкрана,
От меня не ждала никакого прока
В защите маленьких и бесправных.

Ее сердце дрожало от нежности – не ко мне,
Перешла на диванчик, возле которого твои тапочки.
Час за часом валяется пестрой тряпочкой
Там, где запах твой от каждого лоскутка
И в глазах ее на самом, на самом дне
Человеческая тоска.

*По легенде, в 1942 году в Киеве состоялся матч
между футболистами киевского «Динамо» и сборной
«Люфтваффе». Киевляне матч выиграли, за что были
расстреляны. Они выступали под именем сборной
«Киевского хлебозавода №1»*

Подошел знакомый Зямыч
В куртке кожаной «реглан», -
На нем не смотрится.
А потом Иван Абрамыч
(У него сейчас роман)
С диабетом и своей пулеметчицей.

Стало, как в «однушке», тесно
Обсуждается изъян –
Разговор на повышенных.
Что-то с пузом у невесты
И к тому же где-то сан
Не прописанный.

Мнений – «Килька в маринаде»
Сомневается народ,
Изнасилованный теликом,
Есть ли шансы у команды
«Киевский хлебозавод»
Против «ЦЭ-ЭС-КА» и «Терека».

Сколько раз начинаешь плясать от печки -
Две трети жизни это сплошной простой.
И если глазами женщины на тебя смотрит вечность,
Ты понимаешь, какой ты маленький и пустой.

Люди ходят, любуются древними видами -
От умиленья прольется, порой, слеза.
Но приглядитесь, у сфинкса под пирамидами
Совсем не кошачьи, а женские, с поволокой, глаза.

ШТРУДЕЛЬ

Мы были с тобой в то время едва знакомы.
Я заседал с Серегой регулярно у себя дом -
Не для того, чтоб мусолить изыски книжных графьев и графинь,
А чисто по приятельски посидеть, поговорить за жизнь.
И брали мы в компаньоны четырехлитровую *каску*
С дешевым местным вином, не важно каким – была бы встряска.
А четвертым участником был пузатый, коричневый кувшин с кофе,
Заполненный до краев, - явный перекося под деловых профи.
На Серегу алкоголь не влиял - ни количественно ни крепостью.
В Одессе он был охранником в обществе с ограниченной
ответственностью.
А здесь целыми днями крутил баранку,
Ложился поздно, вставал спозоранку,
Любил большие машины модели *ФОРД*, - как его коломбина
И дрался с индусами за клиентов в аэропорту *ТЕЛЛАМАРИНА*.
Тебе не нравились наши посиделки с непредсказуемым результатом,
Учитывая вывезенные замашки, - неважно, кто были мама и папа.
Да еще дымили мы в два смычка, - «Президент» - а лучше была бы
«Ява»,
А кофе кувшинами, говорят, дважды два – и язва.
Неудобно сидеть сразу на нескольких стульях.
Ты решила выправить ситуацию и прготовила штрудель.
Ты готовила его целый день, - такая сложная штука.
Говорила, что у тебя потом с неделю болели руки.
Мне очень понравился штрудель, я просто съехал с катушек.
Это было покруче, чем китайские *дамплинги* или японские *суши*.
Почему я так на него запал - нет до сих пор ответа,
Но у меня тогда и в помине не было диабета.
Я вкалывал тогда, где придется, как черный пахарь
И пил чай, не считая ни мед ни сахар.
А потом ты сказала, хотя это мне показалось мелко:
«Или я со штруделем, или ваши глупые посиделки».

Я колебался недолго - что взять с бытового плУта.
Согласитесь, штрудель, это ведь действительно круто.
В наш прежний с Серегой мир мы больше ни шагу
По причину сублимации я пошел купил перо и бумагу.
А штрудель ты больше не готовила ни на какие святки.
Говорила, что в любом супермаркете полно штруделей датских.
Я бы тебе поверил, но лучше не надо.
Между нами, датские штрудели это большая гадость.
Но к тому времени, когда все вышло наружу,
Штрудель на хрен стал никому не нужен.
Потому что ты проявила такие качества,
Рядом с которыми штрудель просто блажь и чудачество,
Вредная смесь из орехов, муки и меда
И что-то еще нехорошнее не с поля, не с огорода.

Над Дунаем чайки, золоченый крест
Девушка Иветта, город Будапешт.

Гондольер лениво шевелит веслом,
С девушкой Иветтой крупно повезло.

Белокурый локон, шляпка набекрень
Девушка с «Тойотой» нам на целый день.

Форинты не деньги, баксы - это да,
Лишнего не надо, девушка горда:

«Мы мадьяры – внуки рыцарей степных
Кунаков Аттилы, честных и прямых.

Ментик, эполеты да хмельной угар -
Все гусары в мире родом от мадьяр.

Что? Цыган и этих...в пейзах – ерунда
Венгры не обидают слабых никогда».

Над Дунаем чайки, золоченый крест
Девушка Иветта, город Будапешт.

БОРИС ЮДИН

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в Даугавпилсе в 1949 году. Учился на филфаке Даугавпилсского пединститута. С 1995 года живёт в США. Член Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Постоянный автор изданий «Наша Канада», «Обзор» (Чикаго), «Наша Флорида». Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах : «Белый ворон», «Крещатик», «Зарубежные записки», «Стетоскоп», «Побережье», «Слово/Word», «Встречи», «LiteraruS», «Футурум-арт», «Дети Ра», «Зинзивер», «Иные берега», «Barkov's magazine», «Время и место» и других. Автор книг – «Убить Ботаника», «Дилетант», «Так говорил Никодимыч», «Город, который сошёл с ума», «Формула стиха». Участник нескольких антологий

ФОРМУЛА СТИХА

Песок плюс сода, плюс огонь – вот формула стекла.
Слова в агонии – в огонь! Вот формула стиха.
Трепещет нужная строка на кончике стила.
Она давно бы вниз стекла, прозрачна и легка.

Она б давно легла в строфу, о вечности звеня,
Но к счастью вечность коротка и весь исписан лист,
И открывается камин в язычество огня.
Он пышет жаром от любви, нахален и речист.

Он верит: формула любви – случайные слова,
В которых звуки сплетены без смысла, наугад.
Без смысла падают дожди и ветер в деревьях
Без смысла шелестит листвой, одушевляя сад.

Огонь совсем не формалист. А то, что пылко врёт,
То это к делу не подшить и не вменить в вину.
Он позабытые слова в объятиях сожмёт,
И форму даст им, как бокал игристому вину.

Я не солдат и не швейцар. Мне форма не нужна.
Возьму – по древу растекусь, мифический Боян.
Но вот строка в строфу легла. Ночь. В доме тишина.
Огонь к камине догорел и опустел стакан.

ДЕРЕВЬЯ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Деревья пятидесятых собой подпирали небо.
На них нелепые гнёзда сооружали грачи.
А время стучало в окна безжалостно и свирепо,
И прятались в камеры залов Шагаловские скрипачи.

И пульс часов учащался, и воспалялись гланды,
За окнами шли парады, дожди и сеансы в кино.
Суббота дышала баней, свежим бельём и лавандой,
И щёлкали по столешницам косточки домино.

Деревья были покрыты морщинистой корою,
Как руки старух-колхозниц. Уже отрыдало вдовство.
И чтобы побольше было мечтателей и героев,
Перепожнялось криками женское естество.

А тополя размножались. Их пух покрывал панели.
Пушок на губе был странным, как волосы на лобке.
Гитары дворов и подъездов о лагерном братстве пели,
И билось запретное слово в Есенинской горькой строке.

Грачи вечерами взмывали зловещей Хичкоковской стаей,
Авгуры испуганно клали свои партбилеты на стол.
И в букварях блистало жестокое имя из стали,
Чтоб покорял Антарктику атомный ледокол.

Но времени тахикардия и века опухшие веки,
Румяные яйца на Пасху, рождественская мишура,
Блестящая ложь театра и книги в библиотеке
Растрачивали впустую накопленные вечера.

Поблекли кремлёвские звёзды а с ними “великие цели”,
И лопнула на гитаре натруженная струна.

Пугает своим безлюдьем картина “Грачи прилетели”.
А если Саврасов в запое, то как же случится весна?

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ВАЛЬС

Сгорала музыка дотла,
Дышала страстью и пороком.
И подменяли зеркала
Пространства потемневших окон.

И поиск эrogenных зон
Шёл интенсивней под сурдинку,
И хрип от страсти патефон,
Иглою щекоча пластинку.

И всё потом, потом, потом...
И пахло потом, шипром, ваксой,
Чтоб не грустить о прожитом
В плену пластиночного вальса.

ТРОЙКА

Блажь колокольчика. Ах, как ему одиноко!
Ветер, зима и позёмки белёсые змеи.
Лишь пристяжная сверкнёт лакированным оком
И на скаку изогнёт лебединую шею.

А небосвод, словно омут, пугает и манит.
В нём – кастаньеты копыт и заходится сердце.
Взвизгнут полозья, качнут надоевшие сани.
И не согреться уже поцелуями в сенцах.

Вспомнятся ливни и запахи сена, и губы,
Но не обнять, не увидеть ни то и ни это.
Жаль, что приметы, как песни, по-прежнему глупы.
И потому возвращаться – плохая примета.

В сладость объятий пастушек на пасторалях
Кони несут, закусив удила и хмелея.
Чтобы чернел впереди рассусаленный Палех,
Чтобы фонарь покачнулся на шее аллеи.

Вечер, дорога, подмёрзших созвездий осколки.
Ржёт коренной, предвкушая приход конокрада,
Воет ямщик так, что плачут от зависти волки.

– Слушай, таксист! Тормозни-ка. Мне дальше не надо.

Ночью высыпал иней и стала седою сосна.
Значит – поздняя осень, морозец, и кофе спросонья.
Я щекой прикоснулся к простуженной раме окна.
Так ребёнок доверчиво льнёт к материнской ладони.

У соседского дома заходится пёс-пустобрех,
На полях жаждет снега щетинообразная озимь,
Начинается день, истончается медленно век,
И подошвы солдатских сапог истираются оземь.

Где-то зыбкость портов, кислый запах чужих городов.
А у нас подмерзает, и звёзды ночами текучи.

На дороге – раздавленный ёж, словно “Роза ветров”,
Чтобы знали ветра куда гнать надоевшие тучи.

АССОЛЬ

Как обещал, заезжий враль,
Плескал цветастый бред!
Ассоль стоит и смотрит вдаль
Восьмой десяток лет.

Глядят ослепшие глаза
В закат из-под руки
Туда, где реют паруса,
Пленительно легки.

Их цвет, как кровь, горяч и ал.
Там склянки вечность бьют.
Шторма. Корабль опоздал
На несколько минут.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ЭТЮД

Лежат машины на асфальте
Цветною лентой. Тишина.
Кишок Нью-Йоркских перистальтика
В который раз затруднена.

И, подчиняясь воле Божьей,
Спит с ниточкой слюны у рта
На тротуаре чёрный бомжик :
Лицо распятого Христа.

СЛЕДЫ

Следы – это не слепок со ступни,
Не параллельность ниточек лыжни,
Не патина на туше монумента,
Не дактилоскопия прошлых дней,
И не кресты кладбищ и росстаней,
И не тугие пряди перманента.

А удивленье позднего звонка.
И хорошо, что след от каблучка,
Как отпечаток утра, не обрамить.
И ночь лежит в предложном падеже,
И в зеркале фигурка в неглиже
Бледнеет фотографией на память.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Вот и лето под горку катится,
И деревья многоузорны.
Если лиственные, то в платьицах,
Если хвойные – в униформе.

На припёке уже не согреться.
Слякоть. Ветра ночные аккорды.
Неизбежность лежит под сердцем,
Как у школьницы перед абортom.

Сад. Столик. Пatina кувшина.
Шмели в соцветьях конопли.
Тяжёлый орден георгина
И яблоч яростный налив.

И бабочки над медуницей,
Под рясой сизой ряски – пруд,
И плачем незнакомой птицы –
Девичья песня ввечеру.

Между страниц засохший лютик,
Дождей весёлая вода...

И всё это когда-то будет.
Не может быть, чтоб в никуда.

ГОРОД

Город, в котором ты бродишь, чрезмерно многоуголен.
Город, которым ты бредишь, с воза упал и пропал.
Тычутся в небо углами наверхия колоколен,
И угловатость коленок перетекает в овал.

И остроту измены любовный таит треугольник.
Ну, переставишь мебель – что толку от перемен?
Стукнешься локтем об угол – это чертовски больно.
Даже если невольно подальше держаться от стен.

Даже если напрячься и вывернуть дом, как перчатку,
Только углов прибавишь да потеряешь покой.
Угол - это всего лишь пространство между лучами:
Сходятся, или расходятся – разницы никакой.

Лучше альбом для фото прошлым чужим наполни.
Всё заживёт до свадьбы, если приложишь лёд.
Угол - это застывший гром между веток молний,
Это когда нет выхода и опечатан вход.

Угол падения станет равным углу отраженья,
И поражения радость будет легка и сладка.
Чтоб не исчез из памяти собственный День рождения,
Два узелка завяжутся на уголках платка.

Все города похожи. Подумаешь - ростом не вышел!
Здесь потолки пониже, но спальни зато теплы.
Нравится - по Парижу? С картинками выбери книжку,
К лампе садись поближе, и перелистай углы.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Ночами можно слышать тишину.
А липа, хоть стоит с зелёной прядью,
Но молча предвкушает желтизну,
Как девушка порочное зачатье.

Недвижна и черна вода пруда,
И мощи пня зловещи, словно фетиш.
Уехать, бы уехать. Но куда
От немощи и старости уедешь?

Случится так – снег скрипнет под ногой,
А если будет оттепель, то всхлипнет.
И город потеряет строгость линий
И встанет беззащитный и нагой.

И всё-таки настанет день и час:
Сквозняк от нетерпенья хлопнет дверью,
И сизари на снег обронят перья,
Чтоб улицы оделись в свежий наст,

И ты накинешь лёгкое пальто,
Спеша на волю, прямо на сорочку.
И будет ночь, мороз и заморочье.
А что потом не ведает никто.

Всё потому, что не пристало знать,
К кому ведут следы твоих сапожек

По коже города, по бездорожью.
И всё, что было, сбудется опять.

ОБИДА

Скрипачка водит пальцем по стеклу.
У ног в футляре – лак ненужной скрипки.
Скрип музыкальнее, чем липкость всхлипов
И глупость слов, произнесённых вслух.

Скрипачка, девочка, измученный сверчок!
Окно и скрип. И по спине мурашки.
И, словно хлыст, язвителен и страшен
Смычок, зажатый в правый кулачок.

Из двери класса хлынул вальс-каприз.
И вот уже накрыты телом вальса
И ногти, что обгрызены до мяса,
И пальчики, стираемые в визг.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

А суд, как водится, был скорый и, как обещано, был страшный.
Как Ангел смерти, над землею простёр крыла суровый грач.
Там лемехи плугов блестящих зубами разрывали пашню,
И трактор, вспомнив, что он лошадь, ржал и летел по полю вскачь.

Шуршали в почве семена о том, как сладко колоситься.
Шёл нерест. Грех почуяв рыбий, рыбак шёл с удочкой к реке.
И было видно как над лесом туда, где плещутся зарницы,
Летел суровый чёрный Ангел и червяка держал в руке.

ЛЬВОВСКИЙ ЭТЮД

Старинный город. Лето. Тень от клёнов.
А в нише дома, как шахтёр в клети,
Раскрашенная статуя Мадонны
Стоит, бессильно руки опустив.

Туристы. Гид. Старуха нянчит внука.
Душа бессмертной будет. А пока

Скулит тихонько в подворотне сука
О том, что дворник утопил щенка.

А что мы всё о вечном?
Давай – о преходящем.
Давай – о первом встречном:
И пьющем, и курящем.

Он – притча во языцех,
Экстракт дурных манер.
К тому же матерится,
Как унтер-офицер.

Похмелье, и изжога,
И хром, и кособок...

Что? Он – подобье Бога?
“Конечно” – скажет Бог.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПИВНАЯ

Засаленные лодочки пилоток,
Муар колодок, и блевоты дух.
Обсасывают остовы селёдок
Небритые философы пивнух.

Они давно ушли в иные дали,
И хрипловатый голос их угас.
Но главного они не рассказали.
Всё потому что пощадили нас.

ФЛИРТ

Лифт флирта. Фиалки приколоты к лифу.
То падаешь в бездну, то – в небо ракетой.
Ритм флирта. Петрарка купается в рифмах,
Лауру опутывая в сонеты.

Флёр флирта – и хвост у павлина распушен,
Соперника валит олень на колени,

В альбоме у Керн заливается Пушкин
О том, что чудесное будет мгновение.

Всхлип флирта. Намёки – дурманом по венам,
И запах магнитен, как вальс на баяне.
А взмахи ресничные так откровенны,
Как дам недостатки в общественной бане.

Флирт жарок, как спирт, как пасхальные свечи,
Как тень саламандры, танцующей в топке.
И хочется верить, что счастье – навечно.
И тянутся пальчики к лифтовой кнопке.

О ЗИМАХ

Я думал зимы непереносимы,
А оказалось, что произносимы,
Когда на русском языке изречь.
Другое дело, если скажешь winter,
Надеть под куртку позабудешь свитер,
И дров подбросить в вянущую печь.

И сразу снег в лицо швырнёт дорога.
Всё потому что Даббл ю двурого –
Вот так и дал бы палкой по рогам.
Всё потому, поэтому и также
Зима по-русски несравненно краше
Всех зим по иноземным берегам.

Зима по-русски южных зим вьюжнее
Забористей, задористей, нужнее.
Декабрьский вечер. За окном пурга.
И ожидать волнительно и сладко,
Что в Святки девки запоют колядки
И станут ворожить на жениха.

МИХАИЛ ЯРОВОЙ

Родился в Москве 24 августа 1969 года, образование – высшее медицинское. С 1998 года живет в Австралии, где сменил профессию и стал коннозаводчиком. Хорошо известен мельбурнской публике как бард и один из организаторов движения авторской песни в штате Виктория.

Автор публикаций в ряде русскоязычных изданий, включая журнал "Интеллект", литературные сборники "Уроки русского", "Встречи", "Под небом Австралии", "Со мною вот что происходит", мельбурнский альманах "Витражи", российский альманах "Поэт года 2011" и др. Творчество Михаила Ярового также представлено на портале "Русская литература Австралии", о нём неоднократно писала старейшая русскоязычная газета Австралии "Единение" и другие газеты и журналы; статья барда Александра Карпенко о выступлении Михаила Ярового появилась в московском журнале "Футурум Арт".

Лауреат и дипломант различных литературных и бардовских конкурсов, среди которых – Грушинский международный интернет-конкурс (2014г.).

Нас нашей ролью к жизни привязали,
На взгляд в сценарий наложив запрет.
Акт первый мы начнём в родильном зале,
Последний где закончим – не секрет.

А всё, что между – вот оно, всё наше!
Твори, дерзай, венчай себя на трон,
Лечи собак, разглядывай букашек,
Изобретай свой синхрофазотрон,

Расти детей, ныряй в огонь и в воду,
Учи учёных, слабых защищай,
Спасай от человечества природу,
Выращивай лаванду или чай.

И не сказать,
чтоб было множество причин
Душевный жар
до срока обратить в угли,
Но в этой жизни
столько женщин и мужчин
Так и не стали, кем хотели и могли.

Я, как и все, родился и учился,
Служил в рядах, окончил институт.
Так что же я нигде не пригодился –
Ни там, где появился я, ни тут?

Я окружён друзьями и семьёю;
Ну что ж, хотя бы в этом повезло.
Но не наладить связи мне с землёю –
Всю жизнь меня по воздуху несло.

Цеплялся я за всё, что попадалось,
Как якорь лапой, зарывался в грунт,
Но удержаться мне не удавалось –
Ну, разве что на несколько секунд.

И не сказать,
чтоб было множество причин,
Забыв о главном,
разменяться на рубли,
Но отчего-то
столько женщин и мужчин
Так и не стали, кем хотели и могли.

Земля меня своим не признавала
И был земной порядок не по мне,
Но мельниц не крушил я и забрала
Не примерял, и не был на войне.

(В Афган, дурак, просился, да не взяли –
Сказали, что не годен к строевой.

Зато друзья мои повоевали
И до сих пор воюют, кто живой.)

И видно, так и не узнав в итоге,
Зачем же посетил я этот свет,
Уйду я по заснеженной дороге
С едва живой надеждой на ответ.

И не сказать,
чтоб было множество причин
Переживать,
что, дескать, жизнь – коту под хвост
А если честно,
сколько женщин и мужчин
Такой же нынче задают себе вопрос?

МЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНТ»

В этот номер, удивительного и интересного русскоязычного издания из Австралии "Витражи", медийная группа "Интеллигент" представляет творчество магаданских авторов.

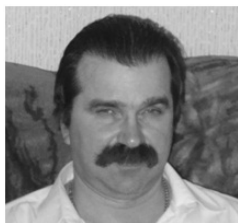
В первую очередь это связано с тем, что произошла смена одного из учредителей и теперь в медийной группе изданий "Интеллигент" стал житель Магадана, а именно Сергей Малашко.

Который прикладывает свои усилия, чтобы открыть для Русского Мира, удивительное и увлекательное современное творчество людей проживающих на Колыме. Колыма - это суровый край на Дальнем Востоке Р.Ф., но где, кроме тяжелых климатических условий для выживания, есть своя и вековая история, от коренных жителей и освоения этих земель еще пришлыми людьми из царской России, до современного облика этих краев и самого города Магадана. Потому и творчество современных авторов из Магадана порой отличается не только по авторскому подходу, но и этими историческим мотивам. Например, творчество Александра Сырченко переносит читателей в то время, когда эти места были Российской империей. Особенно эту атмосферу ощущаешь, когда слушает песни в его исполнении. Конечно же в материалах многих магаданских творческих людей особое место занимает природа и добыча природных ресурсов этого богатого края. Для этого мы предлагаем для просмотра картины интересного художника Николая Секушина.

Рассказывать можно много как о самих авторов, так и о их творчестве, но пусть сами авторы и читатели альманаха "Витражи" через творчество магаданских авторов сами познакомятся и оценят то, что представляет современное творчество Колымы.

Учредитель медийной группы "Интеллигент" Сергей Пашков

СЕРГЕЙ МАЛАШКО

Родился в 1962 году в городе Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало профессией. В 1984 году получил диплом

охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахе "Охотничьи просторы", журнале "Охота и рыбалка 21 век", в юбилейном сборнике "Неизвестный Магадан, в русско-язычном журнале "Острова", издающемся в США, в международном журнале "Интеллигент - Нью-Йорк".

В 2010 году вышла книга "Бальзам для охотничьей души", в 2011 году в соавторстве с Михаилом Смирновым выпустил книгу "Одна, но пламенная страсть".

Член Международного Союза Писателей "Новый Современник", удостоен почетного звания "Серебряное перо Руси" в 2013 году и специального диплома Александра Бухарова в номинации "Популяризация русского языка в рамках международных проектов", медали М. Ю. Лермонтова в 2014 году. Живет и работает в Магадане.

БОМЖ

Уже лет шесть праздник мужской души в компании близких друзей устраивается один раз в неделю. Одно время это происходило по пятницам, ныне по четвергам. Называется этот праздник просто — Баня. Именно так с большой буквы и никак иначе. Русская парилка дает отличный оздоровительный эффект, да и общение с друзьями дорогого стоит.

Ждешь его уже в пятницу после прошедшего четверга, когда была крайняя банька. Так вот, дождавшись праздника души изрядно укатанный недельными делами, я вышел из машины и направился в один из попутных магазинов. Нужно прикупить минералки, соку и чего-нибудь перекусить.

Его я заметил сразу же. Он был не стар, давно не брит, невысок и широкоплеч, сидел на крылечке магазина в черном старомодном пальто, черной шапочке. Возле ног стояла баночка для подаяний. Я не дошел до него шагов пять, но почувствовал, что это не совсем обычный бомж. В устремленном на меня взгляде я не увидел безысходности, озлобления, опьянения. Его серо-голубые глаза смотрели на меня устало, но с достоинством. Он улыбался смиренной улыбкой человека, терпеливо переживающего обстоятельства, в которые он попал. Можно сказать, он даже как-то располагал к себе, сам того не подозревая.

Среди людей, просящих милостыню, приходилось встречать всяких. Кто-то тут же пропивает подаяние, некоторые на предложение купить еды почему-то требуют именно денег и посылают очень далеко.

Приходилось встречать паренька, который просил милостыню возле магазина. Разговорившись, узнал, что мать пьет уже неделю и ему

просто нечего есть. Я купил ему в тот раз продуктов и до сих пор помню его благодарные глаза. Не думаю, что он меня обманул, по крайней мере, не хотелось, чтобы так оказалось. Ведь сдобную булочку и кефир он жадно начал есть сразу же. Я приближался к бомжу, поравнялся с ним. Какая-то неведомая сила заставила меня остановиться.

— Простите, пожалуйста, могу я к вам обратиться с просьбой? — первым заговорил он.

Само обращение в таком тоне слегка удивило, и я ждал продолжения диалога, сам вступив в разговор.

— Конечно, — коротко ответил я, внимательно всматриваясь в глаза собеседника.

— Будьте любезны, купите мне хлебушка, — попросил он, протягивая мне три пятирублевых монетки. — Мне очень тяжело ходить. Если встану, боюсь упасть.

На меня по-прежнему был устремлен взгляд человека, вопреки всем жизненным обстоятельствам, сохранившим чувство собственного достоинства. Я опешил от неожиданности, просьба вогнала в ступор. За полувековой жизненный путь ничего подобного встречать не приходилось — просили много, но никогда не предлагали купить хлебушка за свои деньги. Пристально, даже жестко глянул в его глаза, сомневаясь в искренности просьбы. Лжи и лукавства или озлобленности не увидел, что-то пока непонятное шевельнулось в душе, не до конца осознанное, но теплое. Появилось желание хоть как-то помочь человеку. С этим чувством вошел в магазин

Прикупил все необходимое для бани, купил булку хлеба, батон колбасы и вышел на улицу.

Он по-прежнему сидел на крыльце и смотрел в сторону улицы, а не в дверь магазина. Говорило это только об одном, он не ждал меня специально.

— Возьми, пожалуйста, в память о моем умершем отце, — сказал я, протягивая ему хлеб и колбасу. В пластиковую баночку положил немного денег.

В его глазах промелькнула гамма эмоций от неверия и ожидания какого-либо подвоха до благодарности. И даже в этом взгляде я увидел чувство собственного достоинства, которое ему удалось сохранить. Деньги из баночки он убирать не стал.

Он взял продукты, убрал их в сумку, предварительно завернув в чистый полиэтиленовый пакет.

— Храни вас Бог. Скажите, как звали вашего отца? — спросил благодарный бомж, — Я помолюсь за него.

— Лёвой его звали. Ну а вам пусть Бог даст сил преодолеть все свои трудности, — ответил я своему новому знакомому и направился к машине, спиной ощущая благодарный взгляд.

Это вроде бы мимолетное событие несколько дней давало повод для размышлений.

Я первый и возможно в последний раз видел этого человека, не знаю его прошлого, но то, что он совершил достойно всяческого уважения. Эти монетки в руке в его положении — это поступок, на который способен не каждый даже благополучный человек.

Пусть ему повезет...

СЕРГЕЙ ПАШКОВ

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием художественно-научных представлений о космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата, в частности Академии Естественных Наук России. Картины Сергея отличаются оригинальным художественным стилем, содержащим в себе объемную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или ассоциативными текстами. Организатор и Учредитель медийной международной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт - Петербург, США). За данный проект удостоен национальной премии «Золотого Пера Руси» в 2011 году в номинации – Коммуникации и лучшие литературные издания, в 2012 и в 2013 году.

ВСЕВИДЯЩИЙ

Господь - всевидящее око!

Везде дары он заложил,

Иным же скользкая дорога

Уловки он свои мостил.

То станет камнем преткновения,

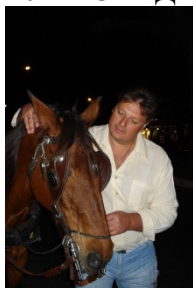
И разобьются об него.
Святым он даст свое знамение,
Им мир откроется его.
Одним узлом двоих он свяжет,
Язык развяжет он другим.
Одних спасет, других накажет,
Глупца покажет он нагим.
Кому-то даст он испытание,
И во вретище пошлет.
Иным же даст свое призвание,
Смятением на других найдет.
Он воду сделает вином,
Раздаст награбленное нищим.
С вершин опустит он на дно,
Из недр воздвигнет восстающих.
И крепкий сон он наведет,
В ином пробудит он другое,
К себе Святых он призовет,
И их наставит на благое.
Он оправдает все грехи,
В одном сердечном покаянии,
А лицемерам, даст мольбы,
Чтоб извелись в своем призвании.
Он скажет: "Мир вам, народ света!"
Светите звездами в ночи!
Для жадного ключом - монета.
Перекует он все мечи.
В его предании - нет лукавства,
Его стихи всегда мудры.
А фарисейское коварство,
Он обозначит - их "дары".

ВЛЕЧЕНИЕ

Влекут неведомые дали,
Влекут и манят торжества,
Влекут к успеху нас и к славе,
Влекут иные существа.
Влекут примерами задатка,
Влекут к решениям своим.

Влечёт кого-то просто взятка
И он не внемлет, став глухим.
Влекут долги и перспективы,
Что указывают дань воздать.
Влекут восходы и закаты,
Влечет покой и благодать.
Влекут прощенья и расправы,
Влекут нас волюшку стяжать.
Переживаем мы влечения,
Войдя в приюты и в удел.
Иные слышим наречения,
Не ведая порой предел.
Оставьте гиблое влечения
Вы можете же в нём пропасть,
А эта пропасть - мир забвения.
Там дикая царит напасть.
Там нет пощады никому,
Никто не светит ясным взором.
Там предаются одному,
Что в мире прозвано позором.

АЛЕКСАНДР СЫРЧЕНКО

Живет в Магадане. Этим все сказано. Поэт и исполнитель авторских песен.

Шаманка

Взвихренный мотив тунгусских песен
за шатром из шкур всю ночь не смолкнет!
Я с красавицей раскосой вместе
зелье пью, а бубен жжет и стонет!
А красавица моя, как здешний ветер,

вся порыв бунтующий, свободный,
ни одна так женщина на свете
не отдастся с дикостью природной!

Без одежд, подрагивает медно,
в столах плясок сумасшедших ноты!
Я люблю тебя, шаманка! Ведьма!
Маленькая ведьма, кто ж еще ты!?

Изогнулась вся, впиалась мне в губы,
бедра в бедра, скачка животами,
сплетены мы жаркими телами,
точно в ритме запредельном бубны!

Судороги штормового неба,
гром, еще... и коготки под кожей!
Медленно рассасываясь, небыль
возвращает быть на наше ложе.

Я и ты, в бессилье сладострастном,
за шатром умолкла песен мука,
пал туман, тяжелый и гривастый
и уснул. Над Севером ни звука.

Встреча

Наколдует зима, нашаманит мороз,
напророчат игральные кости
день,
когда только Вы,
из далекой Москвы
прилетите к нам в гости.

И закружится Мир
у одной из квартир,
той, что в страхе обходят невежи,
где, забыв про грехи,
прочитаю стихи

Вам,
сидящей на шкуре медвежьей.

В порт наш, впаянный в лед,
караван не зайдет –
обезволило море под льдами.
И во власти все мы
рассомахи зимы,
что зависла в прыжке над домами.

А когда ото сна
Мир пробудит весна,
Вы умчитесь голубкой с балкона,
словно древним мечом
начертаю лучом
солнца стылого:
«Счастья Вам, Нонна!»

Просветленный

Солнце медленно тает по капле
золотистой, сочась в Океан.
Ветра нет, только машет на камне
опахалами крыльев баклан.

Отдыхают уставшие ноги,
им заказаны тропы назад.
Мы в монашестве все одиноки,
только я одиночеству рад.

Я для нынешней жизни оставляю
все, что свято когда-то берег,
и в далеких скитаньях восславлю
целомудрие диких дорог,

непорочную прелесть зачатья
перламутрово-розовых зорь,
и из черного бархата платья
безутешно задумчивых гор,

неприступную спесь Океана
и величие Солнца над ним,
и роскошную проседь тумана,
и бескрайности северных зим.

Мой катарсис

Волнуя грозной красотой,
в объятьях блещущих морей,
лежит мой Север предо мною,
в холодной скупости своей.

Ветра вихрастые тугие -
раздули серый небосвод
и в переливы колдовские
преображаться начал он.

Над темной кромкой горизонта
из райских вишен брызнул сок,
и солнца два луча-осколка
воткнулись копиями у ног.

В злаченные венцы оделись
верхушки просветленных гор,
а в море, далеко виднеясь,
горит скалы столетний горб!

Все высшим полнится движеньем,
весь мир предчувствием томим.
И я, пронзенный вдохновеньем,
дрожу, соприкасаясь с ним!!!

Любимому городу в день Юбилея
Магадан, Вам семьдесят и только!
Ваша тайна, как снега — нага:
наши судьбы, битые в осколки,
падали на Ваши берега.

И Любовь, и Ненависть и Вера
в ключья сердце рвали нам, когда
век двадцатый, тенью Люцифера,
наползал на мира города!

Стук кирки и шабер зэка в спину,
лик иконы, облики вождей,
обратит Господь обратно в глину
обесчеловеченных людей!

Но зерно до срока не нальется,
не погаснет золото Кремля,
а сейчас Осанна пусть поется
в честь твою, Колымская земля!

ПОБЕГ

Бежал я, ни с кем не простившись
и не жалею о том!

Бежал я, чуть было не спившись
и Север теперь мой дом!

Я радуюсь новолунию,
родившемуся в снегах,
люблю я теперь колдунью,
гордую, всю в мехах!

Она стройна и отважна,
тайгу не боится ничуть,
а губы с горчинкой, так сладки
и так смугла ее грудь!

Она штопает мне рубашки
и, голову глядя мне,
рассказывает длинные сказки
о шаманской своей стороне.

Тогда мне спокойно и тихо,
как озеру подо льдом,

лишь старая олениха
вздыхает, не ладя со сном.

Что мне до надуманной чести,
до войн и до веры людей,
теперь мне нательный крестик
дороже всех в мире церквей.

Его я молю, в нем Бога,
как смертник о просьбе одной:
"Чтоб не было слез у порога
и в прошлое скрыта дорога
была бы навеки Тайгой!"

НИКОЛАЙ СЕКУШИН

Художник из Магадана.
См. «Вернисаж» стр. 339

ПЕРЕВОДЫ – PEREVODY

Редактор - Наталья Крофтс

Переводчик ГРИГОРИЙ КРУЖКОВ

Русский поэт, эссеист, переводчик. Окончил физический факультет Томского государственного университета и аспирантуру по физике высоких энергий. Защитил диссертацию по русской литературе (PhD) в Колумбийском университете. Живет в Москве.

Дебютировал в печати в 1971 году переводами из Теофиля Готье и Эдгара По. Один из крупнейших в конце XX века переводчиков англоязычной поэзии на русский язык, работал с произведениями широкого круга авторов, от шекспировских времен до классиков середины XX века; особо широко известен перевод стихотворения Редьярда Киплинга «За цыганской звездой», прозвучавший в кинофильме «Жестокий романс».

Автор ДЖОРДЖ ТЕРБЕРВИЛЬ

Англ.: George Turberville. Родился ок. 1540 года в Дорсете (Англия), учился в Оксфорде. В качестве секретаря посла Елизаветы I к Ивану Грозному посетил Россию в 1568 году. По возвращению, написал стихотворные письма к друзьям, опубликованные в 1587 году, где он передает свое видение России тех лет.

Джордж Тербервиль – автор многочисленных сонетов, двух книг об охоте, а также переводов из Овидия и современных ему итальянских поэтов. Один из первых английских поэтов, писавших также белые стихи.

ПИСЬМА ИЗ МОСКОВИИ

«Нехороший» Тербервиль

Русские темы и образы довольно часто встречаются в английской ренессансной литературе. В ранней шекспировской комедии «Напрасные усилия любви» (1590) есть целая маскарадная сцена с переодеванием в русские костюмы и соответствующей интермедией. Все это не столь удивительно.

В царствование Елизаветы I Тюдор англо-русские сношения были уже довольно оживленными. Иван Грозный предоставил основанной

английскими купцами в 1554 году Московской компании право беспошлинной торговли и ряд других привилегий. Он даже подумывал о сватовстве к английской принцессе.

Среди англичан, писавших о России, особый интерес представляет Джордж Тербервиль, побывавший в Москве в 1568 году с посольством Томаса Рэндольфа, автор любопытных стихотворных посланий из Московии. По свидетельству современника, их было больше, но до нас дошли только три, включенные Ричардом Хаклюйтом в знаменитый сборник документов «Главные плаванья, путешествия, странствия и открытия английской нации» (первое издание – 1589 г.).

Конечно, Тербервиль – поэт не первого и даже не второго ряда, так что ждать от его стихов особых поэтических красот не приходится. Однако это первый английский поэт, написавший о России как очевидец; тем он нам и интересен.

За строками тербервилевых посланий довольно явственно маячит тень Овидия с его «Скорбными элегиями» и «Письмами с Понта». Это чувствуется в дружеских изъяснениях, в описаниях суровости зим, а особенно – в жалобах на варварство местного населения: Тербервиль полагал между собой и жителем Московии примерно ту же дистанцию, что утонченный римский поэт – между собой и скифом.

Читатель обратит внимание на своеобразный размер – вместо элегического дистиха Овидия Тербервиль использует старинную английскую форму двустишия из 12 и 14 строк, так называемый «размер птичницы». Стоит объяснить это колоритное название. Дело в том, что яйца на базарах продавали дюжинами, а дюжину продавцы считали по-разному – от 12 до 14 штук. После XVI века «размер птичницы» вышел из употребления.

Впечатления Тербервиля от России в целом мрачны, тон его желчен. Вряд ли он мог оказаться иным. Посольству Томаса Рэндольфа пришлось испытать настоящие мытарства. Несколько месяцев они добирались из Архангельска до Москвы, преодолевая чинимые русскими властями задержки и препятствия, и потом еще несколько месяцев провели в Москве под суровой, почти тюремной, охраной, не получая у царя желаемой аудиенции. Истинная причина столь строгой изоляции, по предположению русского историка Ю.В. Толстого, в том, что Иван Грозный «не хотел, чтобы посол и посольские люди знали, что делается на Москве, где в это время происходили казни, свирепствовали oprичники, лишался сана митрополит Филипп». В своих письмах Тербервиль неоднократно намекает, что мог бы поведать нечто и похуже

того, о чем он решается рассказать. Понятно, что опасения его были оправданны, письма могли перехватить. И все же Тербервиль не удержался ни от критики деспотии (хотя бы в самой общей форме), ни от осуждения православной религии, которая, с протестантской точки зрения, вероятно, должна была казаться идолопоклонством и пустосвятством.

Насколько верны его этнографические сведения? В основном верны, поскольку они совпадают с тем, что известно нам из других источников, в частности, из книги папского посла в России Сигизмунда Герберштейна «Записки из Московии», на которые и сам поэт ссылается («В том Сигизмундов загляни, там правду ты найдешь»). Для нас послания Тербервиля ценны своим колоритом, подлинностью времени, места и самого рассказчика. Любопытно, как явно предубежденный, «нехороший» Тербервиль, ругая в Московии все и вся, не может удержаться от похвалы, описывая устройство русской избы, например. «...» За давностью лет обидное превратилось в занимательное, банальное – в редкостное; и только поучительное осталось в какой-то степени поучительным до сих пор. В какой степени – судить читателю.

Григорий Кружков

Статья опубликована в журнале «Арион», № 3, 1994

ЭПИСТОЛЫ СТИХОТВОРНЫЕ ИЗ МОСКОВИИ

I

Моему особливому другу мистеру Эдварду Данси

Мой друг! едва начну перечислять, скорбя,
Далеких лондонских друзей и, прежде всех, тебя,
Так станет невтерпеж, так сделается жаль,
Что брег я променял на бриг и радость на печаль.
Беспечный человек, я бросил край родной,
Чтоб землю руссов увидеть, узнать народ иной.
Народ сей груб весьма, живет как бы впотьмах,
Лишь Бахусу привержен он, усерден лишь в грехах.
Пиянство тут закон, а кружка – старшина,
И самой трезвой голове раз в день она нужна.
Когда зовет на пир гостелюбивый русс,
Он щедро уставляет стол питьем на всякий вкус,
Напитков главных два, один зовется Квас,

Мужик без Кваса не живет, так слышал я не раз.
Приятно терпок он, хотя и не хмелен.
Второй напиток – сладкий Мед, из меда сотворен.
Когда идет сосед соседа навестить,
Он на закуску не глядит, лишь было бы что пить.
Напившись допьяна, ведет себя, как скот,
Забыв, что дома у печи его супруга ждет,
Распущенный дикарь, он мерзости творит
И тащит отрока в постель, отринув срам и стыд.
Жена, чтоб отомстить, зовет к себе дружка,
И превращается в содом дом честный мужика.
Не диво, что живут в невежестве таком,
Божков из древа состругав теслом и топором.
На Идолов кадят, а Бог у них забыт,
Святой Никола на стене им больше говорит.
Считается у них за грех и за порок,
Коль нету в доме образов – покрашенных досок.
Помимо тех досок, на стогнах тут и там
Стоят дощатые кресты, и бьют челом крестам,
И крестятся на них, и бьют челом опять:
Такого пустосвятства, друг, нигде не отыскать.
Тут ездят все верхом – и господин, и раб,
И даже, что для нас чудно, немало дев и баб.
В одеже яркий цвет предпочитают тут,
Кто побогаче – в сапожки на каблуках обут.
Все женщины – в серьгах, и в том тщеславье их,
Чтобы украса их была украснее других.
Осанкою важны, на лицах – строгой чин,
Но склонны к плотскому греху, к распутству без причин.
Средь них, кажись, никто и не почтет за грех
Чужое ложе осквернить для собственных утех.
Зато презренный тот невежа и грубьян,
Кто денег не дает жене купить себе румян –
Румян, белил, помад и дорогих мастей
Для щек немых, для бровей, для губ и всех частей.
И честная жена (коль можно честных жен
Меж них сыскать) не отстаёт, хоть людям и смешон
Известки на щеках чуть не в два пальца слой:
Блудница грязь, не покупаясь, замазала сурьмой.

Но те, что половчей, весьма изощрены,
Хоть слой белил на коже их не меньшей толщины,
Так намалеван он хитро, не напоказ,
Что может обмануть легко и самый острый глаз.
Дивился я не раз, какая блажь, Бог весть,
Их нудит лица залеплять, живьем в духовку лезть,
Когда и без того, хоть в будничные дни,
Как в Пасху или под венец, разряжены они.
Сдается, русский муж имеет свой барыш
С их гордости: в таком плену с чужим не пошалишь!
Здесь, Данси дорогой, кончаю я писать,
Мужчин и женщин сей земли хотел я описать.
О прочих же вещах (какие видел сам)
Позднее расскажу тебе или другим друзьям,
Дам честный я отчет про весь Российский край;
Засим расстанемся, мой друг; будь счастлив – и прощай!

II

Спенсеру

Есть ложные друзья, у них простой закон:
Как с глаз долой любезный друг, так и из сердца вон.
Но я тебя любил неложно, всей душой,
Досадой горькой было мне прощание с тобой.
Не упрекай, мой друг, что я тебя забыл,
Письмо докажет лучше слов, что я таков, как был.
Я вспоминаю день, когда я уезжал,
В последний миг, шагнув ко мне, ты крепко руку сжал
И попросил одно: пиши, не забывай,
Пришли мне весть, каким нашел ты тот далекий край.
Сей край зело велик, лесов дремучих тьма,
Но сеять мало годных мест, земля скудна весьма.
Все глина да песок да неудобья тут,
Хотя и сеют тут зерно, да слишком рано жнут.
И сушат хлеб в снопах, спеша, чтобы скорей,
До наступленья первых стуж, убрать его с полей.
Зимой тут холод лют, морозы таковы,
Что всюду лед, и не сыскать в лугах клочка травы.
Тогда коров, овец и весь домашний скот

Мужик к себе заводит в дом и пуше глаз блюдет,
И кормит, и хранит под крышей до весны,
Когда ни клеть, ни теплый кров им больше не нужны.
Семь месяцев зима, и холод столь велик,
Что только в мае на поля идет пахать мужик.
Кто умер той порой, богат иль беден он,
В гробу из шкур до теплых дней лежит непогребен.
Причину же сего нетрудно объяснить:
Земля зимою как скала, ее не продолбить.
Хотя по всей стране так много леса тут,
Что будь ты нищим, а досок на гроб тебе найдут.
Быть может, что тебе, дружище, невдомек,
Как может тело, не гняя, лежать немалый срок.
Поверь, что так и есть, разгадка же проста:
Тела усопших мертвецов скрепляет мерзлота,
И вплоть до вешних дней, зачоченев как пни,
Без удрученья для живых, покоятся они.
Скажу уж заодно о том, каков их скот,
С английскою скотиной он в сравненье не идет.
Коровы и быки – сплошная мелкота,
Вкус у говяды водянист, бифштексу не чета.
Овечки так худы, что жалость – видеть их.
Зато вокруг обилие птиц, болотных и лесных.
Дичь есть, но вот беда, во всей их стороне
Не сыщется ни одного, кто знал бы толк в стряпне.
О вертеле никто здесь даже не слыхал,
Любую дичь суют в горшок – да в печь, и кончен бал.
Ни кружек нет у них, ни оловянных блюд.
Березовые чашки сплошь, из них едят и пьют.
Всегда у мужика на поясе висит
Березовая ложка, нож, – и это им не стыд,
Ведь даже знатный русс в одежде дорогой,
И тот – без ложки и ножа из дома ни ногой.
Дома их, доложу, не очень велики,
Но для того, что тут зимой сугробы высоки,
И от больших снегов кругом белым-бело,
Жилища ставят на холмах, чтоб их не занесло.
Тут камень не в ходу, взамен его мужик
Из бревен складывает дом, скрепляя их впритык.

А между бревен он упихивает мох,
Чтобы не дуло из щелей, – обычай сей неплох.
Вершат досками сруб, а сверх того – корой,
Чтоб защититься от дождя и слякоти сырой.
На случай сильных стуж в любой светелке печь,
Дрова дешевые у них, так можно много жечь.
Английского стекла тут не заведено,
Но камень есть такой Слюда, чтобы вставлять в окно.
Нетрудно получить его тончайший слой,
Он расщепляется легко, сшивается иглой
И, раму обрядя, дает изрядный свет:
Сей камень дешев и хорош, в нем недостатка нет.
Главнейший угол тот, где бог у них висит,
Хозяин дома никогда в том месте не сидит.
Когда же входит гость почетный в этот дом,
Он должен кланяться сперва и богу бить челом.
Его сажают там и могут на ночлег
Под самым богом поместить, коль важный человек.
Чтоб спать, медвежий мех ему хозяин даст,
А что под голову подкласть, уж кто во что горазд –
Хоть сумку, хоть седло. Таков обычай тут,
Не стелют руссы простыней, подушек не кладут.
Я много размышлял, мой друг, на сей предмет,
Ведь в мягком пухе и в пере у них нехватки нет.
Настолько, видно, жизнь сурова в их стране,
Что опасаются они изнежиться во сне.
Вот (часто думал я) тебе б тут побывать, –
Когда бы столько ты дерзнул, чтоб на медведе спать,
Как спали мы вдвоем со Стаффордом. И все ж
Мы выпались (хвала Творцу!), и был ночлег хорош.
На этом завершу короткий свой отчет,
Что говорить, сей край студен, и дик его народ.
О прочем не пишу, остерегусь, увы! –
Чтоб ненароком не сломать пера и головы.
О том, что умолчал, ты догадайся сам,
И так уж много я рискнул доверить сим стихам.
Когда б не важность дел, я б размахнул пером
И без оглядки написал про все, что зрю кругом.

А впрочем, по когтям узнают львиный нрав:
Суди же, милый, о большом, о малом прочитав.

Переводчик СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Родился в 1959 году в Харькове. Окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Живёт в Харькове (Украина) и Белгороде (Россия). Автор книг стихотворений и прозы, а также автор-составитель энциклопедии «Храмы России», альбомов «Храмы великой России», «Святыни великой России», «Всемирная энциклопедия музыки» и других, выходивших с 2008 года в Москве. Публиковался в журналах, сборниках, альманахах, антологиях многих стран.

Член Всемирной ассоциации писателей International PEN Club (Московский центр), Союза писателей России, Международного фонда памяти Б. Чичибабина. Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (Киев – Москва, 2008) за книгу стихов и переводов «Хождение», Всероссийской премии им. братьев Киреевских (Москва–Калуга, 2009) – за журнальную публицистику, и мн. других.

Автор СЭР РОБЕРТ ЭЙТОН
(1570-1638)

Англ.: Sir Robert Ayton (Aytoun or Aiton). Придворный поэт и философ. Родился в Шотландии в 1570 году, учился в Сент-Эндрюсском университете (старейшем университете Шотландии), потом изучал гражданское право в Париже. Был секретарём Анны Датской, жены Якова I (VI), короля Шотландии, Англии и Ирландии, а позже – секретарём Генриетты Марии Французской, супруги Карла I Стюарта, короля Англии. В 1612 году Роберт Эйтон был посвящен в рыцари. Писал стихи на нескольких языках, среди которых – латынь, греческий, шотландский и английский

ДА, Я ЛЮБИЛ...

Да, я любил... А впредь – уволь!
Твой – выбор. И твоя – вина.
Ты новую играешь роль.
Но волен я, коль ты вольна.
Кто брошен, и не разлюбил,
В том, видно, разум Бог избыл.
А кто ослушался Творца,
Испил страданье до конца!

Ничто не сможет превзойти
Моей любви. Когда бы длить
Одной стезею два пути,
Не прервалась бы эта нить.
Но что тебе – моя судьба?
Ведь ты – своих свобод раба.
Я знаю, пасынок измен,
Как пленник ненавидит плен.

Ты ринулась в иную страсть,
Когда я стал тебе постыл.
Спасти любовь? Но как? Украсть?
Я преступленья не простил.
Что ж, истина – стара как мир:
Однажды – падает кумир.
Конечно, расставань грех,
Но лицемерье – паче всех!

Прощай же! Оставайся с тем,
Чья нынче непомерна спесь.
От преданных тобою стен
Я удалюсь. Я – вышел весь.
Его такая ж участь ждёт.
Презренье мне корявит рот.
Да, я – банкрот... Но помни ты:
Твоей – я выше нищеты!

ОТВЕТ АВТОРУ ЭЛЕГИИ «ДА, Я ЛЮБИЛ»

(по соизволению Его Королевского Величества)

Ты, кто любил, но клялся – впредь

Любовь рассудком превозмочь,

В железо сердце запереть

И пережить измены ночь,

Ответь, что выше – ум иль страсть?

В какую пропасть нам упасть?

Измены закаляют нас,

Хоть и убийственны подчас.

Ты молвил: нелюбовь – порок,

На изменившей – вся вина!

Зачем твердишь ее урок?

Чтоб стать таким же, как она?

Как прежде, ты – в ее плену,

И с ней разделишь всю вину!

Легко ж готовы мы сойти

С высот высокого пути!

Мой благородный визави,

Что так отмщения хотел,

Неужто – подлинной любви

Положен может быть предел?

Жить умышляя – не любя,

Мы тщимся уберечь себя.

Что проку – выбирать корысть?

Ошейника – не перегрызть!

Останься верности своей

Ты предан! Позабудь про месть!

Непостоянен – лишь плебей.

Девиз аристократа – Честь!

И вскоре возвратится та,

Чья безусловна нищета.

Ты – верен. Так же, как завет,

Что к прошлому возврата нет!

СОНЕТ, ОСТАВЛЕННЫЙ У ЗЕРКАЛА ДАМЫ

Нет, в зеркале Вам не увидеть Вас.
В нем, серебре неверном, правды нет.
Позвольте – незатейливый совет:
Вглядитесь в глубину влюбленных глаз
Своих; в них отразясь который раз,
Вам явится Ваш подлинный портрет.
В глазах моих такой затеплен свет,
Что красоту возвысит без прикрас,
Коль скромность не велит глядеть в глаза,
Всмотритесь в душу, не роняя Честь.
Когда ж и этой вольности – нельзя,
Попробуйте стихи мои прочесть.
А если всё отвергнете в ответ,
Умрут со мной – глаза, душа, сонет.

АМИНТ И ФИЛЛИДА

Когда на чистый небосклон,
В сиянии лучей,
Взошел стозлатый Аполлон
И озарил ручей,

К которому Аминт молодой
Гнал жадные стада,
Над лесом, скалами, водой
День занялся тогда.

Румянец розов на щеках,
Сандалий бег резов...
Как вдруг пастух – увы и ах! –
Услышал слабый зов.

Сей голос тихий был знаком,
И в нем жила беда,
Его рассветным ветерком
Принес Эол сюда.

Был голос нежный – на слуху,
Но в нем жила беда.
О, было б лучше пастуху
Не слышать никогда

Печальных, жалобных речей
Под черною скалой. –
Как будто тысяча ночей
Предстала волей злой.

Филлида! То была она,
Подруга прежних дней!
Стенаний горестных стена
Стояла перед ней.

«Аминт! Неужто все прошло,
И жар твоих очей
Шальное время унесло,
Как сор унес ручей?

Неужто в муке – наперед
Виновна я сама?
Твердил ты: счастье не прейдет!
Но все сокрыла тьма.

Где клятвы страстные твои
И верности обет?
Ждала я света от любви,
Но света вовсе нет!

Я знала счастье – быть с тобой!
Но как остаться – без?
Мне, распростертой пред судьбой
По прихоти небес.

О, как ты был сладкоголос –
То ведомо богам!
И злато выующихся волос
Склонял к моим ногам.

Тебе была я – как жена,
 Не ведая о том,
Что если ныне – тишина,
 Назавтра грянет гром!
Остывшего – не удержать,
 Хоть морем слез омой.
Но разве я могла понять,
 Что ты – убийца мой?

О, знают боги, как болит
 Истерзанная грудь!
За эту муку отдарит
 Сполна когда-нибудь –

Укусом – на груди твоей
 Пригретая змея.
И ты закончишься, ей-ей! –
 Как нынче кончусь я.

Пока же взор мой не потух,
 Отверста высота,
Ответь, безжалостный пастух,
 Неужто столь пуста,

Никчемна стала для тебя
 Филлина – как никто?
Ты волен жить, любовь сгубя.
 Но не пойму: за что?

Такая боль! Не передать!
 Аминт, коварный друг,
Как мог ты дар богов предать,
 Во мне разжечь недуг?

...Тут вырвался протяжный вздох
 Из гаснущей груди.
Она воскликнула: «Мой бог!»
 А после: «Погоди!»

Но тишина была пуста.
И черная тоска
Сомкнула девичьи уста
На вечные века.
И девы бледная рука
На грудь упала ей.
Клянусь, никто наверняка
Не видывал бледней!

НОЧНОЕ ПРОЩАНИЕ

Легко ль разнять объятий круг?
Не делай этого, мой друг!
Не превращай любовь в игру!
А вдруг – уйдешь, а я – умру?

О нет, постой, не уходи!
Вслед – сердце рвется из груди!
Коль отпущу тебя саму,
Два сердца унесешь во тьму.

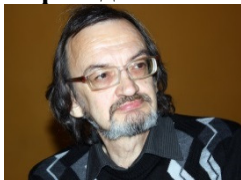
Любовь наскучила? Отнюдь!
Не уходи, еще побудь!
Щеки того, кто был не груб,
Коснись горячей влагой губ.

Но если впрямь – пора идти,
С моим лишь сердцем будь в пути.
А мне оставь свое – в залог,
Что возвратишься в сей чертог.

Часы продлятся как века,
Сюда вернешься ты пока.
Бог дал глаза мне – чтобы ждать,
Роняя слезы, а не спать.

И если веки я сомкну
В минуту краткую одну,
То лишь затем, дабы во сне
Твой образ мог явиться мне.

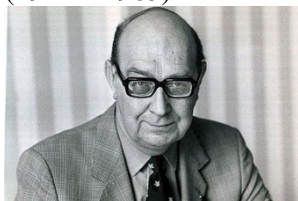
Переводчик ГЕОРГИЙ ЯРОПОЛЬСКИЙ

Поэт, переводчик. Родился в 1958 году. Окончил английское отделение Кабардино-Балкарского госуниверситета. Автор восьми сборников стихов и стихотворного переложения Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова). Перевел более двадцати романов современных англоязычных авторов, в том числе «Белый отель» и «Арарат» Д. М. Томаса, «Облачный атлас» Д. Митчелла, «Лондонские поля» М. Эмиса и другие. Переводил также с балкарского, кабардинского, грузинского, турецкого и других языков. Живет в Нальчике.

Автор ФИЛИП АРТУР ЛАРКИН

(1922 – 1985)

Англ.: Philip Larkin. Один из крупнейших английских поэтов второй половины XX века. По окончании Оксфордского университета работал библиотекарем при разных колледжах и университетах; был назначен директором библиотеки при университете Халла, где трудился до конца жизни, создав одно из лучших книгохранилищ Англии. За первым поэтическим сборником Ларкина, «Северный корабль» (1945), последовали два романа, «Джилл» (1946) и «Девушка зимой» (1947), но широкая известность пришла к нему после выхода в свет второго сборника стихотворений, «Без иллюзий» (1955). В дальнейшем при жизни Ларкина были опубликованы еще два сборника стихов, «Свадьбы на Троицу» (1964) и «Высокие окна» (1974). Ларкин выпустил также сборник рецензий на джазовую музыку «Все, что джаз» и сборник эссе «Писания по требованию». В 1984 ему было предложено звание поэта-лауреата, от которого он отказался. В подборке представлены три стихотворения Ф. Ларкина: «Next, Please» «The Trees» и «Aubade».

СЛЕДУЮЩИЙ!

Ждать жизни лучшей, будущей, иной
становится привычкою дурной.

Все время что-то близится; не лень
мнить: через день,

следа с утеса, как в заливе флот –
отчетливый, искрящийся – плывет...

Как медлят обещаний корабли!

Быстрее бы могли!

Но жалкие огрызки всякий раз
порушенных надежд в руках у нас:
хоть видим флаг, блеск меди, шкот любой
и носовой

фигуры позолоченную грудь, –
корабль, не бросив якорь, длит свой путь,
едва сегодня ставши, во вчера.

Вновь до утра

мы ждем: пристанет, выгрузит нам тьмы
благ жизненных, что заслужили мы
долготерпеньем преданных собак.
Но все не так:

один к нам прет – чьи паруса черны,
за чьей кормою чайки не слышны,
в кильватере которого всегда
лишь гладкая вода.

ДЕРЕВЬЯ

Вчерашних почек разворот
в зелёный лиственный наряд –
деревья вновь его творят,
а ты горюешь, что ни год.

Ты мнишь: их время на нуле,
лишь мы стремимся к смерти? Нет,
их майской свежести секрет
записан кольцами в стволе.

Но всё же замкам крон не спать,
и слышно в шелесте густом:
год умер, но – что дела в том?
Начни опять, опять, опять.

УТРЕННЯЯ СЕРЕНАДА

Тружусь весь день, чтоб лишь забыться сном.
Во мрак вперяюсь вновь уже в четыре.
Свет, знаю, созревает за окном,
пока же вижу то, что вечно в мире:
смерть, что подобралась на сутки ныне
и мыслей не оставила в помине,
кроме одной: когда и где – я сам?
Вопрос напрасен, но, как вспышка, слово
небытие пронзает снова,
хлеща в потёмках плетью по глазам.

Сознание слепнет. Дело не в вине –
любви не дал, добра не сделал, шало
растратил дни впустую, – но и не
в обиде, что отпущено так мало:
бывает, жизнь томит и в середине;
нет, дело в окончательной пустыне
исчезновенья: устремляясь к ней,
ни здесь, ни где-то не очнемся боле,
подобное не в нашей воле –
нет факта достоверней и страшней.

Куштюков, чтоб тот страх оставил кровь,
не существует. Не поможет веры
парчовый, молью траченный покров,
ни формула, что любят лицемеры:
нет страха перед чем-то, что вне чувства.
То и страшит, что всё пребудет пусто,

не трогая ни базовых пяти,
ни прочих чувств, без коих все мы нищи,
ни мыслям не давая пищи, —
наркоз такой, что впредь не отойти.

Не отпускает холод даже в зной:
скользит по кромке зренья бокового,
порывы кроя плёнкой ледяной.
Пусть не случится многого иного,
но смерть, она отменно держит слово;
тому, кто понял это без спиртного
и без людей вокруг, несдобровать:
жуть будет жечь углями из жаровни.
Отвага хороша для ровни.
Восстал ли, взвыл ты — смерти наплевать.

Свет спальню проявляет не спеша.
Всё просто, словно шкаф. Всегда мы знали:
того, чему противится душа,
не избежать. Одно грядёт в финале.
Меж тем к звонкам все офисы готовы
и примеряет нехотя обновы
мир, что запутан, дважды сдан внаём.
Нет солнца, небо белое, как глина.
Опять зовёт работ рутин.
А почтальоны, как врачи, — из дома в дом.

Переводчик ЖАКЛИН ДЕ ГЁ

Родилась и росла в Ленинграде, совмещала учёбу на редакторском отделении Полиграфического с работой переводчиком (английский, французский) и игрой на сцене. Впоследствии специализировалась на истории французской литературы, проходила стажировку во Франции, потом уехала из России.

Жила в разных странах, получила высшее экономическое образование в Нью-Джерси. В настоящее время живёт в США, работает экономистом.

Пишет стихи и прозу. Рассказы Жаклин неоднократно становились призёрами литературных конкурсов писателей-фантастов и публиковалась как в российских журналах ("Полдень, XXI век", "Химия и Жизнь", "Уральский следопыт", "Фантастика и детективы", "Фан-Сити"), так и в зарубежных русскоязычных изданиях ("Меридиан" (Ганновер) и "Чайка" (Балтимор)).

Автор ПАОЛО ЛАФРАНКИ ДА ПИСТОЙЯ (акме 1282–1295)

Окситанский: Paulo Ianfranchi de Pistoia. Поэт и трубадур, живший во второй половине 13 века (точные даты рождения и смерти неизвестны). Уроженец провинции Пистойя на севере Италии, жил в Болонье и, предположительно, провёл некоторое время при королевском дворе в Арагоне. Из стихотворных форм предпочитал сонет, заслужил признание современников как за мастерство, которого достиг в этом жанре, так и за оригинальность мыслей и образов. Писал не только на итальянском, но и на окситанском языке. Предлагаемый вашему вниманию текст был написан в 1284 году и посвящён королю Арагона Педро Третьему.

Сеньор отважный, Арагона царь,
Чью доблесть славят и дела и речи,
Услышьте весть – французский государь,
Покинув край свой, с вами ищет встречи.

С ним трое принцев, что доселе стали
Своих клинков не обагрили в сече,
Со всех сторон бароны их, как встари,
Стремятся к битве, не страшась увечий.

Соратников, не знавших поражения
И страхов, созывайте, наш Сеньор,
Способных победить в любом сраженьи.

Царите вы на море и средь гор
И сам король Испанский, без сомнения,
Вам уступил бы, если б вышел спор.

Автор ТЬЕРРИ КАБО
(р. 1958)

Французский: Thierry Cabot. Современный французский поэт. Родился в Тулузе, получил образование в университете города Бордо. По его собственным словам "страсть к словам толкнула меня писать стихи очень рано". В 1982 году он отослал несколько своих работ знаменитому французскому романисту и эссеисту Полю Гю, бывшему в то время президентом Академии французских провинций и получил от него восторженный отзыв: "Ваши стихи прекрасны. Они идут из глубины души. У вас есть чувство ритма, масштаб, эмоции, величие. И иногда великолепные образы возникают словно из ниоткуда". С тех пор Тьерри Кабо написал множество произведений – стихи, поэмы, пьесы для детей, литературные хроники. Наиболее известен его сборник стихотворных текстов "Словесная рана" ("La Blessure des Mots"), в который входит более ста стихотворений и поэм, написанных на протяжении многих лет.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ "A LEANE"

Что придавало пыл шагам усталых наших ног?
Звезды далёкой яркий свет иль золотой песок?
В какой бездонной пустоте несли нас струи тьмы?
Незримой ржавчиною дней где покрывались мы?

И кто мы? Пенные клочки среди бурлящих вод
На реках, где порывы душ терзал водоворот?
Кто мы? Зачем нас солнце жгло, туман давал покров?
Благих намерений полны, потраченных даров..

Прощайте, милый чистый смех и запахи лесов!
Прощай, слиянье под луной влюблённых голосов!
Нектар веселья, мёд любви мы запасали впрок,
Но яд смертельный в глубине таил любой цветок...
Не знали мы, что красоту ждут гибель и распад,
Что каждый золотой рассвет спешит уйти в закат,
Что той же розы аромат нам дважды не вдохнуть,
Что всё проходит и всему во мрак начертан путь...

Переводчик НАТАЛЬЯ КРОФТС

Автор ФАБРИЦИО ДЕ АНДРЕ

(1940 – 1999)

Итальянский: Fabrizio Cristiano De André. Автор-исполнитель, поэт. Правда, сам де Андре к слову «поэт» относился иронично:

"Бенедетто Кроче утверждал, что до восемнадцати лет каждый может писать стихи, но те, кто продолжает писать их после восемнадцати, делятся на две категории: поэты и кретины. Из осторожности я предпочитаю считаться автором-исполнителем".

Родился в Генуе, в богатой семье. На больших генуэзских вечеринках до сих пор можно найти людей, которые его знали – или говорят, что знали. Правда, большинство добавляет, что характер у него был тяжёлый – и что гораздо приятнее был его брат, известный в городе юрист. Фабрицио тоже учился на юридическом факультете, в университете Генуи – но не окончил его.

В 1961 году вышла первая пластинка де Андре; всего за 40 лет творчества он выпустил 13 альбомов. Де Андре считается одним из самых известных итальянских авторов-исполнителей; после его внезапной смерти во многих городах Италии появились улицы, площади, школы и библиотеки, носящие его имя. В этом году Фабрицио де Андре исполнилось бы 75 лет.

ЛЮБОВЬ МОЯ

Любовь моя...

В апреле, на закате,
в тот миг, когда, за волнами укрывшись
и вены взрезав,
умирает солнце,
ты слышишь, как рыдают, убиваясь,
ветра и море.

Так,
любовь моя,
оплакивает смертный безутешно
ветра, лучи – и юные года,
которые уходят, напевая,
за майским утром. Помнишь,
мы тогда
на пляже босиком,
смеясь от счастья,
на девственном песке с тобой писали
искрящиеся, искренние фразы.

Любовь моя,
цветы прошедших лет
завяли
и раскрыться вновь не в силах,
и в парках – помнишь? – каждою зимою
грустнее всех –
пожухлая листва.

Вот так мы и живём,
любовь моя.
Вот так и мы.
А солнце, ветер, годы
несутся друг за другом, напевая.

...И нас с тобой выносят к ноябрю,
когда, однажды, с горькою улыбкой
скажу тебе
уставшими губами:

«Я так тебя любил, любовь моя».

ТРЕТЬЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Пылица и кровь. Да гудит мошकारа
Над трупами в поле. Зловонье... Жара...

«Война», говоришь? Что такое война?

«Война»... Отчего существует она?

В глазах моих – осень. В душе моей – лето.

Хочу овладеть. И дарить, без ответа...

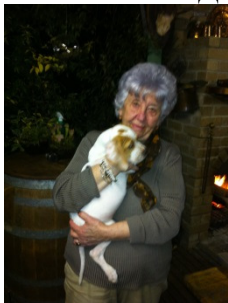
Ты скажешь: «Любовь». Без границы, без дна.

«Любовь»... Почему существует она?

ПРОЗА АЗОПР

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА

Журналист с полувековым стажем работы в России. Четверть века работала главным редактором на телевидении. Живет в Австралии с 1996 года. Публикуется в различных печатных изданиях. Регулярно выступает в русской программе радио SBS. Проводит самые содержательные экскурсии по Мельбурну. За годы жизни в Австралии выпустила 10 книг о городе Мельбурне и стране Австралии.

СТРАНИЦЫ «БЕЛОЙ КНИГИ»

Известно, что сегодня Вооруженные силы Австралии – Силы ее обороны (Australian Defence Force –ADF) состоят из Армии, Королевского военно-морского флота и Королевских военно-воздушных сил.

Но хотя такое объединение произошло лишь 9 февраля 1976 года, и ADF остается сравнительно молодой государственной структурой, ее история, тем не менее, и интересна, и поучительна.

Военная рать, воинство, пешая или конная сила знакомы человечеству, пожалуй, с периода распада первобытнообщинного строя - частную собственность стало нужно защищать, рабов приобретать, неугодных и несогласных карать, а главное – укреплять господство на своей территории. И в латинском языке появилось слово «атмо» - вооружаю.

Если же пристальнее взглянуть в те далекие уже времена, то можно вспомнить и мифическую фигуру Бога войны Марса! Правда, нам мало знакомо то обстоятельство, что этим его деятельность не ограничивалась, и Марс слыл еще покровителем дикой природы и плодородия, принося людям кроме военных побед, благополучие и изобилие. Возможно и потому его Храм возводился на Марсовом поле вне городских стен: вооруженное войско не должно было находиться на территории мирного города.

Зато его древнегреческий коллега Арес отличался необузданным и жестоким характером. На Олимпе даже сплетничали, будто Гера в отместку супругу-гуляке Зевсу родила этого сына не от него. И тот

ненавидел коварного, вечно запятнанного кровью Ареса, атрибутами которого были копье, горящие факелы и злые собаки, конями Ужас и Пламя, а вечной спутницей богиня Раздора Эрида!

Не отсюда ли такие разные понятия о войнах, как освободительные и захватнические, справедливые, за независимость и откровенно грабительские?

В Австралии, в так называемой «Белой книге», (The White Paper) изложены три главнейшие направления Сил Обороны (ADF): защита собственной территории, обеспечение безопасности соседних стран в миротворческих мероприятиях и участие в Международной коалиции Сил за пределами ближайшего окружения – там, где затрагиваются ее интересы.

По сравнению с вооруженными силами многих других государств, Австралийские очень маленькие по численности и зависимы от внешних производителей вооружения.

48 укомплектованных боевых кораблей (фрегаты, субмарины, патрульные суда) базируются вблизи Сиднея и Перта.

Боевая авиация включает группу многоцелевых самолетов (145 машин, 163 летных экипажей – 2000 человек) и группу противовоздушной обороны, а также крылья транспортной, дальней и ближней авиации.

И, конечно. пехотные стрелковые подразделения и службы обслуживания. Однако вся, пусть недолгая история австралийских вооруженных сил свидетельствует, что их количество никогда не было мерилом их действенности. Поначалу даже, в Британской империи вчерашние фермеры-добровольцы считались «вторым сортом»! Генерал Гамильтон обмолвился как-то в частной переписке, что один британский «томми» равен трем колониальным «ozzy».

Жизнь, тем не менее, внесла свои коррективы – именно австралийцев стали называть «Королями битв», а после Галлиполи – лучшей армией среди союзников в первой мировой войне.

Во вторую мировую Австралия в союзе с США принимала участие в большинстве сражений Тихоокеанского театра военных действий - австралийский военно-морской флот считался четвертым по численности флотом союзников: 40 тысяч моряков на 337 боевых кораблях, 34 из которых были потеряны. Австралийские конвои охраняли суда с союзнической военной помощью Советскому союзу.

Позже австралийские силы участвовали в операциях на Фиджи (1987 год), в Намибии (1989-й), в Камбодже (1992-й), в Папуа Новой Гвинее (1997), в течение нескольких лет в Афганистане и Ираке.

Энгельс, которого за вполне профессиональное увлечение военными делами друзья звали «Генералом», справедливо считал, что «ничто так не зависит от экономических условий, как армия и флот».

И появление новых систем артиллерии, самолетов, танков, ядерного оружия, бесспорно, напрямую зависит от степени развития производства. Модернизация вооружения, подготовка военных кадров – от уровня технологий в государстве. И оттого Австралия может себе позволить трансформацию Армии настоящей в Армию будущего, реализовав уже к 2017 году План «Бершева».

Кстати, как очень многое в Австралии, и это название выбрано не случайно, так как тоже связано с военным событием, перевернувшим весь ход первой мировой войны. И о котором поэтому не грех напомнить.

Это нынче Бер-Шева самый большой город в Негеве и шестой по величине в государстве Израиль. А в первую мировую от него до Газы протянулись турецкие оборонительные рубежи, препятствующие пути к Иерусалиму. И так как колодцы с водой были только в Бер=Шеве, кавалерийской атаки можно было не опасаться.

Как оказалось – зря! Ибо для нее была выбрана 4-я австралийская бригада на австралийских же чудо лошадях с приказом: «Атаковать или умереть»!

Тот галоп на турецкие пушки военные историки и сегодня называют «Сумасшедшей, убийственной атакой», хотя, строго говоря, тот австралийский Пустынный корпус был конной пехотой: ворвавшись в передние траншеи, они спешили и бросились в штыковую. К концу дня в плен были взяты остатки турецкого гарнизона и 15 из 17 неповрежденных колодцев.

Бер-шева теперь город-побратим Парраматты в NSW, и в тамошнем «Парке австралийского солдата» на постаменте, образующем своими гранями шестиконечную звезду, стоит бронзовая лошадь с всадником – монумент, выполненный известным мельбурнским скульптором Питером Корлетт.

Здесь же, в Австралии, план «Бершева» продолжит со временем новый – «Beyond Beersheva», как очередные кардинальные изменения в системе совершенствования ее вооруженных сил.

Как считал Сенека: «Похвальна доблесть, когда она уместна»!

ИГОРЬ ГРОССМАН

Родился я в Одессе в 1953 году.

Закончил теплофизический факультет, и 10 лет работал в этой области.

В течении 10 лет очень активно занимался спортивным туризмом, в основном сплавом по горным рекам. За это время, как дно корабля, оброс всевозможными историями и рассказами, но никогда дальше устных “бесед у костра” дело не шло. Когда меня спрашивают, как вы очутились в Австралии, обычно я отвечаю, просто из за упрямства, и это действительно так.

Австралия удивительная страна. Может потому, что, как принято считать она, вверх тормашками, а может просто потому, что она очень далеко от всего остального мира, но здесь очень многое по-другому. И хотя мы здесь живем уже 20 лет, я все равно постоянно сравниваю ее с нашей прошлой жизнью .

Новогодняя исповедь.

Вся моя жизнь - это цепочка бесконечных ошибок, взлетов , падений , погоней за неизвестно откуда появившимися идеями.

Идеи приходят в голову регулярно - примерно раз в году. Очередная , высвечивается в мозгу сразу ,с точностью sharp resolution video.

Видна каждая деталь- все ,что остается - взять и воплотить .

Проблема с этими видениями в том , что появившись они меня уже не отпускают. Этот внутренний червь очень точно следит , чтоб не было никаких отклонений от спущенной идеи. Это очень мучительный процесс и со стороны скорее смотрится просто как огромное ослиное упрямство.

Может этому я и обязан своей кличке- которую знают только самые близкие, и которой заменяют старую благородную - Директор.

В молодости - я был очень послушным исполнителем собственных идей. Даже слабый ветерок сомнений не мог подуть в сторону святого видения.

Вопрос - " А надо ли ?" в своей кощунственности мог быть только сравнен с убеждениями потомственного равина.

Однако постарев , потерпев множество неудач , поработав с человеческими мозгами и набравшись соответствующей возрасту мудрости , я стал задавать себе вопрос- "А откуда я знаю, что я прав? "

Да , я не переносу фальши - но как я могу быть уверен ,что то что отражается в моем мозгу , имеет такое же отражение в чьей то другой голове.

Раньше людей разъединяли расстояния, языковые барьеры,отсутствие интернета, медленные письма - сейчас никаких таких преград нет. Однако , наверное никогда раньше люди не были так разъединены. Врядли мы когда то узнаем, что делается в наших головах, почему одни и те же события люди видят по разному.

Мы одиноки внутри нашего собственного Я. Мы можем сколько угодно долго объяснять собаке как прекрасно полярное сияние - её черно белое восприятие мира никогда не даст ей этого почувствовать.

Мы можем научить компьютер воспринимать электромагнитные волны, но чувствовать как мы он не сможет.

Мы никогда не узнаем ,что делается в наших головах, но вот наши чувства, которые отражаются в наших глазах- наверняка и есть тот критерий истины.

Собаку , никто не учил радоваться своему хозяину, однако , ее взгляд полный обожания и счастья не может врать. Глаза ребенка изумляющиеся каждому новому мгновению этого мира - кристально чистое отражение абсолютной истины.

Глаза женщины - превращающие её мужчину в единственного кто способен заполнить глубину ее чувств- не могут врать.

Наши мысли похожи на музыку - они появляются у нас в голове как незаметная мелодия-, усиливаются и ослабевают и постепенно главная мысль начинает лидировать в увертюре всего оркестра.

Рассуждая так я сидел в синагоге, в канун Рош а-Шана- Еврейского нового Года. Служба подошла к своему кульминационному моменту - равин достал шофар.

Исступление молящихся достигло своего апогея. Святые чувства - заполняли души всей молящейся общины.

Раздались первые звуки шофара.

В этот момент в моей голове появилась новая идея, как всегда она появился сразу и без стука.

Я увидел то над чем бился уже не один день, а именно - РУЧКУ ДЛЯ ДВЕРИ.

Забыл сказать, что работа с деревом моё новое хобби.

Шофар сделанный из козлиного рога подходил к ней как родной .

Я не отрываясь смотрел на козлиный рог - и в глазах моих было столько радости и счастья от своего открытия, что наш равин - давно уже оставивший всякую надежду сделать из меня фрум- вдруг подошел и обнял меня.

Всему свое время , сын мой- всему свое время. Глаза наши светились в религиозном экстазе.

С нетерпением я дождался окончания службы и примчавшись домой загуглился в поисках. Рога удалось найти только в Израиле.

Однако как быть с таможней. Пришлось несколько раз звонить и в Израиль и в Австралийскую таможню - договорившись с обоими сторонами , что айтем имеет глубоко религиозный смысл - я с нетерпением стал ждать приезда рогов.

И наконец свершилось.

Схватив долгожданные рога - я с вожделением стал приспособливать их к давно ждущему их месту на двери.

Как всегда мне помогал мой пес, который в этот день был особенно усердным.

Закончив с рогами я с гордостью выпрямился.

Обернувшись я узнал взгляд моего Мордехая- его глаза светились радостью , любовью и обожанием к своему хозяину.

Однако пес смотрел не на меня. Мордехай не отводил глаз от вкусных козлиных рогов. Такой взгляд не мог лгать.

Судьба рогов была предreshена.

Я уже почти закончил писать этот рассказ, до нового Козлиного года осталось совсем немного.

Чувства и эмоции заполняли меня, хотелось сказать ещё очнеь много.

Тут я услышал голос женщины которую у обожаю , и которая сделала меня таким мужчиной которого все знают.

" Ну , Старый Козел-долго ты там еще будешь возиться с твоей писаниной, Новый Год на носу"

До нового Года оставалось всего несколько мгновений- все наполнили бокалы и стали чокаться.

Гремел салют.

Настала моя очередь говорить новогодний тост.

И в этот момент в мою голову пришла новая идея.

Она пришла сразу и целиком.

Она захватила и увлекла меня всего.

Она была прекрасна.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Как выйти замуж за иностранца

Конечно, принято считать, что инициатором зарождающихся отношений между мужчиной и женщиной обязан быть непременно мужчина. То есть, женщина, по вышеизложенной теории, должна поджидать избранника, сидя у окна, с вышиванием в руках.

А как быть, если вышивать она так и не научилась, несмотря на все старания бабушки, окно ее расположено на десятом этаже, а пролетающий мимо Бэтман заглядывает совершенно в другие окна? И тогда сегодняшняя раскрепощенная женщина садится за компьютер, и ищет неземную любовь в тридевятиом царстве тридесятом государстве, далеко за морями и океанами.

Интернет подключен, компьютер томится в ожидании, и фотографии для рассылки тщательно подобраны.

Понятно, что все шансы на стороне молоденьких, длинноногих девушек, со знанием английского языка и красивым загорелым телом, не обременённых детьми и родителями.

Тем не менее, бороться за свое счастье нужно и должно, как говорится, «на всякий товар есть покупатель», так почему бы не попробовать?

С чего нужно начинать поиск заморского принца?

Прежде всего, следует подготовить себя к тому, что Ваш предполагаемый кандидат в мужа, на другом конце Интернета, будет общаться одновременно с несколькими претендентками и ни в коем случае, не огорчаться, если вдруг, по ошибке, придет сообщение с признаниями, адресованное кому-то другому. Лучше всего, просто сделать вид, будто ничего не произошло.

Выбор стоит начинать с определения места будущего проживания – страны, в которой хочется жить и умереть! Страны, которая приснилась Вам однажды.

Вы помните этот сон? Нет? Я Вам напомню. Это была страна с ласковым морем и загорелыми мужчинами. С шикарными авто и витринами дорогих магазинов, пестрящими этикетками знаменитых модельеров, с предупредительными швейцарами, гостеприимно распахивающими перед Вами двери изысканных ресторанов.

Красиво! Заманчиво!

Но неверно.

Помечтали и будет.

На самом деле, внимание нужно обратить на такие земные вещи, как, например, поиск работы по специальности после замужества.

В зарубежных странах мужчины экономные и содержать жену не входит в их планы. Все счета оплачиваются супругами поровну.

Исключения, пожалуй, составляют небольшие валентинки, в подарок ко Дню Влюбленных.

Сроки получения вида на жительство в той или иной стране тоже немаловажная деталь. В конце концов, претендента еще не существует и не все ли равно, будет он американцем или, скажем, французом.

Наконец, страна с подходящим климатом выбрана, предложения работы опережают спрос, теперь можно приступить к выбору самого «пропуска» в светлое будущее.

Наиболее серьезным вопросом на данном этапе поиска является возраст предполагаемого жениха.

Старого, ну, ох, как не хочется! Ворчун, пачкун и ревнивец с полным набором западных технологий по всему, неспортивному телу, как снаружи, так и внутри.

Молодого бы, спортивного! С торсом барса и грацией пантеры!

Но, как известно, все красавцы там либо голубые, либо просто не женятся до 50 лет.

Так как же быть? А вот тут нужно убрать руку с услужливой мышки и, заглянув в глубину своей любвеобильной души, задаться вопросом: «Так чего же тебе, родная, надобно? Любви, гражданства или сытости?»

Понятное дело – ответ один: всего вместе и поболее!

Но Золушка и Красотка благополучно выйдя замуж не оставили на нашу долю ни принцев, ни Ричардов Гиров, а потому, из трех необходимых для жизни векторов, выбирать нужно один-единственный.

Правильно! Гражданство!

Любовь появиться со временем. Сытость? Да там все, как сыр в масле катаются! И лишь получив гражданство можно достигнуть всего.

Поэтому, в графе возраст лучше отметить от шестидесяти и выше.

Больше шансов на успех.

Теперь о себе. Здесь писать нужно правду, правду и ничего, кроме правды! Как на Лубянке! Не врать ни в коем случае! При подаче документов на гражданство все равно засветят и неудавшиеся браки, и приводы по пьянке в милицию.

Что значит, приводов не было?

А когда после выпускного вечера нажрались в парке и, купались в фонтане, и не только купались?

Забыла?

Как подъехавший милицейский бобик доставил вас в отделение?

Что это вы милая заелозили в креслице? Вспомнили воспитательные меры родителей, после которых неделю стоя смотрели телевизор?

Ладно, об этом, пожалуй, и правда, лучше не надо - авось не докопаются?

Далее, в графе знание иностранных языков лучше написать «Говорю со словарем». То бишь, с людьми говорить пока стесняюсь. Даже если в Аттестате за десятый класс по-английски пятерка.

Далеко не все иностранцы регистрируются на сайтах знакомств в поиске брачных уз. Для большинства из них – это игра, время препровождение. Зачастую, небритый и жалкий, сидит он, за покрытым тол-стым слоем пыли и затянутым паутиной компьютером, рисуя перед русскими искательницами женского счастья образ уверенного в себе, неотразимого и респектабельного джентльмена.

И слетаются они к нему, аки бабочки на свет.

Но вот, первый вполне нормальный отклик!

Мужчина за 60, подтянутый и моложавый, в хорошем дорогом костюме приветливо улыбается с фотографии всем желающим.

Не нужно много рассказывать о себе. Лучше больше задавать вопросов, а через денек-другой, снова повторить их, вдруг проколется!

Очень важно выходить на связь в разное время суток, желательно ночью, дабы утвердиться в наличии, либо отсутствии законной жены.

Но, вот, наконец, долгожданное приглашение получено.

Остались позади бюрократы, завистливые лица подруг, разочарованная пьяная ряха соседа по коммуналке.

Роскошный лайнер взывает в небо. Непривычная предупредительность стюардов, ненавязчивый сервис иностранного аэропорта и завораживающее предчувствие чего-то нового, необычного и прекрасного.

Морально следует подготовиться к тому, что первое впечатление от встречи с женихом может не оправдать ожиданий.

Ну, например, может оказаться, что присланная фотография не имеет ничего общего с оригиналом.

И вот, в Аэропорту, незнакомый помятый мужчина, отдаленно напоминающий молодцеватого средних лет, одетого в дорогой костюм джентльмена на присланной фотографии, без цветов и с вентиляцией на джинсах, всем своим видом выказывает нетерпение.

Не ищите глазами кого-то другого.

Это к Вам.

Не страшно! Главное сделано.

И пусть дом его окажется неубранным и холодильник пустым.
Стиснуть зубы, убирать, готовить, стирать!
Изображать примерную супругу.
Не позволять себе ничего лишнего.
Устроиться на работу и отдавать все деньги мужу.
Встречать его у дверей с улыбкой и свежим макияжем.
Во время просмотра телепередач игриво присаживаться к нему на колени
и на вопрос «Ты что, заблудилась?» реагировать не иначе, как милым
смущением.

Примечание:

Последний совет должен учитывать габариты и вес Ваш и Вашего
партнера.

Всем своим видом выказывать нетерпение и страсть в постели.
Не задавать лишних вопросов, тем более, что, как выяснилось,
английский язык, изученный в школе не имеет ничего общего с тем
иностранным языком, на котором говорят в англоговорящих странах.
Попытаться принять местную культуру и осознать, что импортный
жених не столь уж и плох. Что если бы не он, еще неизвестно, чем бы
завершилась эта Интернетная авантюра.

Он не плохой, он просто из другого мира!

Не обращая внимания на мелочи, он радуется жизни и живет сегодня, без
оглядки на завтрашний день. Он улыбается на улице незнакомым людям,
и они улыбаются ему в ответ.

И желающим жить в этой стране, необходимо тоже научиться, ничего не
значащим улыбкам, научиться интересоваться делами случайных
знакомых, не дожидаясь ответа.

Научиться ходить на работу в костюмах, а в театр в потертых джинсах и
шлепанцах.

Отвыкнуть от боевой раскраски на лице и привыкнуть благодарить
водителя автобуса

и продавца в магазине!

И терпеть, терпеть, терпеть!

Спрятать свою гордость в карман и снова терпеть, ведь о терпении
русских женщин ходят легенды.

Не стоит разочаровывать мужа до получения гражданства.

Это уж после, получив заветный документ, подперев кулачками бока
и прищурившись, Вы сможете на родном языке высказать своему
драгоценному все, что накопилось в Вас за все это время.

Итак, пускаясь в авантюру под названием «Продаюсь в рабство, а там, как повезет»,

следует внимательно взвесить все «за» и «против».

Давайте-ка вместе попробуем составить таблицу, в которой будет всего две графы. Одна графа, под заголовком «за» и вторая соответственно «против».

Он – приобретает: Повариху, Уборщицу, Секретаря и Наложницу в одном лице, теряя при этом частично свою Свободу на ближайшую пятилетку.

Она – приобретает: Иностранное гражданство (в перспективе), теряя при этом: Свободу, Родину, Друзей и Знакомых, Независимость, Работу и Право голоса.

Конечно, вероятность того, что брак окажется удачным существует.

Но это будет потом, когда-нибудь, если будет.

А тем временем в Интернете, в качестве очередной рекламы брачного Агентства будут приводить пример удачного брака с иностранцем, ссылаясь на героев этого рассказа!

Моя Москва

Часть вторая (иммиграция)

Итак, снова Москва!

Тяжелый перелет, посадка в Домодедово, электричка, такси, папа с мамой.

Но на этом сходство закончилось.

В этот раз, как бы в подтверждение поговорки «не все коту масленица», Москва встречала меня не блинами.

«Пышное природы увядание» резко контрастировало с серыми, угрюмыми лицами москвичей, с потоком беженцев, стекающихся в столицу в поисках работы.

Это была уже другая незнакомая мне Москва, странная, нерусская и грязная в прямом и переносном смысле этого слова.

Грязные магазины пестрили непонятными вывесками.

Двусмысленность, граничила с пошлостью.

Грязные автофургоны с рекламными плакатами: «Ехал, шина через шину, видит шина в шине шин», сменяли другие, не менее грязные с трехметровым изображением полуобнажённой девушки. Изогнувшись в экстазе, томно полу прикрыв глаза, она указывала рукой на яркую, крупными буквами надпись «Роспанель – ложиться на все!».

Рекламные щиты вновь открывшегося магазина израильских продуктов под названием «Хрюко-Му» заслоняли собой запыленную витрину под вывеской «Комиссионные продукты».

Однажды, прогуливаясь вдоль Звездного бульвара, мы с мужем замерли перед подвальным помещением, вокруг которого толпились какие-то темные личности.

Вывеска над подвалом гласила: «Русалкоторг».

- Зайдем? – спросил меня муж.

- А ты знаешь, что это? – с сомнением откликнулась я.

- Скорее всего, магазин морепродуктов.

Зашли. Оказалось сокращенное название ликероводочного Рус Алко Торг.

Нужно было снимать жилье и, отыскав на многочисленных сайтах недвижимости несколько подходящих квартир, с карандашом в руках, избалованная австралийской вежливостью, начала я обзванивать агентов.

- Здравствуйте, я звоню по поводу...

- Женщина, вы можете говорить короче, вы что-то, хотели? – раздраженно доносится из трубки.

Растерявшись от неожиданности, я выдавливаю из себя:

- Уже ничего, - и звоню следующему по списку агенту, стараясь быть уже более лаконичной.

- Здравствуйте, меня интересует квартира по адресу...

- Короче, с кем Вы живёте? – обрывает меня на полуслове прокуренный женский голос.

- С мужем – удивленно отвечаю я.

- Не умничайте, дети, животные, есть?

Вешаю трубку и набираю третий номер.

- Здравствуйте, - проговариваю я скороговоркой, - когда можно посмотреть квартиру по адресу такому-то?

- Здравствуйте, у нас есть для вас замечательная квартира, - захлебывающийся на другом конце телефона голос смутно напоминает мне навязчивых австралийских агентов и, приободрившись, я пытаюсь объяснить уже более подробно:

- Понимаете, меня интересует именно эта квартира....

Но, увы, мои восторги оказываются преждевременными, так как в следующую минуту уже совершенно иным тоном агент перебивает меня:

- Что Вы, как неродная! Такую квартиру за 1000 дол? Это же просто реклама.

И кому-то в сторону, без стеснения добавляет – нет, ну ты видел такое!

В конце концов, нам все же удалось снять квартиру. Она была великолепна, и агента просто распирало от гордости. Он сватал нам двушку, как любимую дочь.

- Обратите внимание, поток зеркальный, два туалета, сауна и даже биде есть. Биде - это очень удобно, - добавил он любовно глядя на белоснежную фаянсовую поверхность.

Мне стало интересно, чем же, собственно говоря, этот чисто женский предмет обихода может привлекать мужчину:

- Ну, и чем же удобно биде? – бесхитростно спросила я его.

На что тот, не задумываясь, ответил:

- В нем удобно мыть арбузы, которые не помещаются в кухонную раковину, - и, взглянув на нас с мужем, как бы нехотя, добавил:

- Ну и, ноги можно вымыть тоже.

Москва поражала меня все больше и больше. Я прислушивалась к разговорам в магазинах, записывала объявления в трамваях. У меня было ощущение, будто я попала в какой-то другой мир.

Поначалу все умиляло. Умиляли таблички «Опасная зона. Падение сосулек», умиляли объявления на стенах «Милые котятка отдаются бесплатно». Умиляли старушки, торгующие возле продовольственных магазинов. На ящиках, покрытых каким-то тряпьем, лежали тыква и грибы, зелень и соленья. Не умолкая ни на минуту, они постоянно что-то горячо обсуждали и однажды, я отважилась прервать эту оживленную беседу:

- Почем огурчики? – приветливо спросила я старушку.

- Я вот на тебя смотрю и не пойму, у тебя зубы свои или импланты? - вместо ответа поинтересовалась та.

Мое умиление проходило по мере того, как я сталкивалась с действительностью.

В первую очередь мне предстояло получить нотариально заверенный перевод паспорта. С трудом отыскав бюро переводов в одном из подвалов Москвы, я в ожидании присела на стул. Милая девушка, улыбнувшись, попросила зайти завтра, так как нотариус приболел. Так она улыбалась мне еще несколько дней, пока я не обратилась в другое бюро. Наконец-то, можно было открыть счет в банке.

Пристально глядя на меня, банковский работник спросил:

- Это Вы Куликовский?

Когда я ответила утвердительно, он, попросив минутку подождать, что-то горячо зашептал на ухо сидящему за соседним столом. Теперь на меня с интересом смотрели уже двое.

Конечно, приятно, когда при виде тебя молодые ребята, которые годятся тебе в сыновья, застывают от изумления.

Но что-то мне подсказывало, что все не так просто.

- В чем дело? – спросила я довольно резко.

- Здесь мужская фамилия, да и пол указан тоже мужской, - сурово пробормотал один из них.

- Но вы же видите, что там моя фотокарточка! В английском языке фамилии не склоняются, вот нотариус и ошибся.

Но все мои попытки доказать, что это мой паспорт не увенчались успехом.

- Смените пол и приходите! – коротко заявил мне менеджер.

Но это были еще цветочки!

Для того, чтобы прописаться в Москве мне предстояло пройти полный медосмотр. После получения красивого сертификата на бумаге с водяными знаками об отсутствии у меня СПИДа, меня направили в наркологический диспансер. Добропорядочных москвичей, желающих подсказать дорогу не нашлось, зато несколько дружелюбных наркоманов, с удовольствием проводили меня до дверей диспансера, обсудив со мной по дороге новый, только что поступивший на рынок, наркотик.

- Ну, и как он тебе?

- Гадость! – не задумываясь, ответила я.

- Точно, гадость - согласились они со мной.

Наконец, собрав все документы, о том, что опасности для граждан России я не представляю, направились я в районное отделение миграционной службы, которое размещалось почему-то в однокомнатной квартире на первом этаже жилого дома.

Около дверей 5-6 человек подпирали стенку.

- Кто крайний? – спросила я пожилого мужчину с карандашом в руке.

- Вы записаны? – и, заметив мое удивление, добавил, – Вам вон туда, в беседку, спросите Таню.

Ничего не понимая, я направились в беседку на поиски загадочной Тани. Таня с важным видом восседала на перилах, возвышаясь над толпой и выкрикивая со своего наместа фамилии.

- А кто крайний? – несмело спросила я увесистую даму с огромным бутербродом в руке.

- Таня занята, давайте, я вас запишу, фамилия?

Она полистала школьную тетрадь и открыла ее на последней странице.

- Ваш номер 436,- строго произнесла она и добавила,- отмечаться ежедневно, ровно в 3 часа дня. В день принимают от 2 до 3 человек. Ничего не понимая, я полувопросительно произнесла:

- Значит, я сегодня не успею подать документы?

Невинный, как мне казалось, вопрос привел в движение несколько человек стоящих поблизости и поднял шквал возмущения в задних рядах.

- Нет, вы на нее посмотрите, только пришла и права качает!

- Да не записывай ее и все тут!

- Мы 2 месяца отмечаемся, вон, под деревом беременная спит, не стыдно?

В конце концов, я позорно бежала с поля боя, еще долго слыша за спиной оскорбления разъяренной толпы.

Вернувшись домой, я пожаловалась мужу.

- Ты не понимаешь! Это все приезжие, москвичи в большинстве своем, интеллигентные и воспитанные люди.

На следующий день я отправилась в Дом Литераторов. Своих заслуг на литературном поприще у меня не было, но я с удовольствием вызвалась забрать диплом победителя в конкурсе Серебряное перо.

- Вот увидишь, ты сразу почувствуешь разницу, - напутствовал меня муж.

Итак, выйдя из метро, я попыталась узнать дорогу к Святая святых.

Прежде всего, чтобы не нарваться на очередную грубость, мне предстояло вычислить жителя столицы, который, по словам моего мужа, должен являть собой пример интеллигентности и воспитанности.

- Простите, Вы не подскажете, как мне пройти к Дому Литераторов, - остановила я приветливого вида старушку в беретике и перчатках, по виду, коренную москвичку.

Очень вежливо и подробно, она объяснила мне дорогу, заставив повторить, дабы увериться, что я все запомнила и, когда я, поблагодарив ее, уже, было, мысленно согласилась с мужем, что бывает крайне редко, старушка неожиданно добавила:

- Ну, что, я вам помогла? Если да, то заплатите мне за информацию.

Опешив от изумления, я молча протянула ей деньги.

И вот, наконец, массивные двери распахнулись, и перед моим взором предстал швейцар, хотя и не в ливрее.

- Вы куда, к этим? - кивнул он неодобрительно головой в сторону малого зала, - можете не раздеваться.

За большим столом покрытым скатертью восседала женщина в красном костюме с огромным колье из искусственного жемчуга. Несколько человек прохаживались между креслами с нагрудными значками, которые должны были выдавать их принадлежность к той или иной стране обитания.

- Пропустите, не мешайте, - громким голосом отодвинула меня от стола полная дама, - здесь выдают дипломы? - с апломбом спросила она красный костюм.

В ее фарватере, робко следовал лет 35 щуплый молодой человек в очках,

- моему сыну должны вручить диплом, мы приехали из Германии.

- Вы что-то хотели? – обратилась ко мне Женщина в красном.

- Меня попросили получить диплом, я из Австралии.

- А что, в Австралии есть евреи? – обратился ко мне пожилой мужчина с табличкой «Филадельфия».

- А где их нет, - парировала я в ответ.

- А нельзя помолчать, когда я работаю?! – грубо одёрнула меня дама в красном и я сразу почувствовала себя в среде поэтов и прозаиков.

Получив диплом, я поблагодарила женщину в колье и она, расчувствовавшись, подарила мне крошечного слоненка, как видно, в форме извинения за непреднамеренную грубость.

Через 3 месяца я улетала домой. Выстояв длинную очередь в окно пограничного контроля с надписью «для иностранных граждан», я подала свой новозеландский паспорт.

- Что Вы мне суете? Российский паспорт давайте - злобно прошипело окно.

Я подняла глаза и увидела молодую девушку. Брезгливо двумя пальцами, она отшвырнула мой паспорт в сторону.

- У меня нет российского, только израильский.

- Тем более, давайте! – раздался ее возмущенный голос.

В соседнем окне немолодая женщина, с участием взглянув на меня, пожала плечами, как бы извиняясь за свою товарку, и пригласила следующего.

- Что Вы делали в Москве 3 месяца? - прошипело мое окно.

Ох, как же мне хотелось вложить все свои мытарства в одно единственное слово «мучилась»! Но я ограничилась коротким:

- Жила я здесь!

- А вы знаете, что вы имеете право находиться на территории Москвы только с туристической целью?

От этого замечания обалдела похоже не только я, потому что в следующую минуту, женщина из соседнего окна, в полголоса попыталась урезонить эту зануду:

- Чего ты придираешься? Прекрати!

На что моя мучительница громко, без стеснения ответила:

- Хочу придираться и придираюсь! Настроение у меня такое!

Признаюсь, у меня промелькнула, было, мысль позвать старшего по званию офицера, но, после последней реплики мне стало по-настоящему, жаль, эту несчастную, вынужденную штамповать целый день чужие загранпаспорта.

- Полегчало? – спросила я ее, забирая паспорт.

- Нет, не полегчало. Вернитесь, продолжим, - ответила она зло.

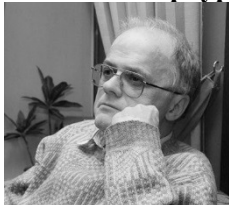
Я рассмеялась и прошла сквозь турникет.

Мне не хотелось ни наказывать кого-либо, ни скандалить, сегодня я была неуязвима.

Я улетала домой в Австралию, к солнцу, к улыбчивым вежливым людям, я улетала домой!

АЛЕКСАНДР КИЛИПЕНКО

Санкт -Петербург

Прозаик, поэт, журналист.

Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Член Международного союза журналистов (Штаб квартира – г. Брюссель.)

Издатель международного литературно-художественного альманаха "Санкт-Петербург".

Лауреат нескольких литературных и журналистских премий

Автор сборника рассказов «Персик» и трех во многом автобиографических, романов: «Козерог», «Дева», «Телец».

Произведения Килипенко переведены на английский, испанский, китайский языки. За журналистскую деятельность был удостоен трех премий и одного покушения .

...Но ехать надо!

*Большинство наших неприятностей происходит
из-за того, что мы не умеем сидеть дома.*

Вы любите ужинать в кафе литераторов или, сидя на верхней палубе катера, попивать молодое, чуть с горчинкой красное вино?

Вы мечтаете покататься на слоне или, осваивая Кама-сутру, проехаться по таким горкам, в сравнении с которыми скоростной спуск на санках с Эвереста покажется легкой забавой для инфарктников?

Вы не боитесь поиметь желтуху, потерять здоровье или мужа и не испугаетесь, если в китайской глубинке, среди бела дня, вас попытаются раздеть догола, причем с таким азартом, словно никогда не видели голых европейцев?

Вы не дрогнете, принимая из рук кубинки бокал коктейля не то с лангустами, не то с устрицами, выпив который, пойдете валить кокосовые пальмы, принимая их за женщин?

Вы хотите отведать фаршированную щуку и тайских женщин с солью Индийского океана на потрескавшихся губах?

Вы желаете полюбоваться обнаженными негритянскими танцовщицами, белыми камнями Палестины и юбками цвета сухих листьев в свете уличных парижских фонарей?

И еще, если вам нравятся страны, которые, как настоящие женщины, не раскрываются при первом знакомстве, тогда для вас путешествие – это стиль жизни. И этой страсти вы не измените даже в раю, отправившись из него на уикэнд в ад.

Поговорим не о нуворишах с чемоданами вместо кошельков, а о том большинстве населения нашей страны, для которого получение загранпаспорта – событие, приравненное к подорожанию хлеба в энное число раз.

Итак, сбылась мечта идиота: вы получили документ, дающий право посмотреть сопредельные и заморские земли. Иными словами, государство разрешает вам валить отсюда к чертовой бабушке, раз уж шло у вас в ... этом самом месте и вам нестерпимо сидеть спокойно. Паспорт, отлежав первую неделю на серванте, на виду, теперь хранится в ящике письменного стола или в драной сумке в старом платяном шкафу. Я не знаю, о чем вы все это время думали, но ехать надо. А для этого необходимо иметь?.. Думаете, деньги. Не-а. Родственников за бугром? Конечно, не помешает, но не это главное. Главное иметь отличное здоровье! Перед тем как выдать заграничный паспорт, проверяют: не знаете ли вы государственных тайн. Ну, во-первых, у нас народ такой, что не только ничего не знает, но и знать не хочет; во-вторых, граждане бывших союзных республик, а ныне суверенных государств могут разболтать все тайны; а в-третьих, у нашего самого что ни на есть секретного инженера при одном виде птицы-заграницы едет крыша, выпадают глаза и все секреты улечиваются из его головы подобно аромату французского одеколона после съеденного зубочка чеснока. Здоровье надо проверять, а не выяснять, знает ли человек, сколько самолетов наших доблестных военно-воздушных сил не летает – нет керосина. Одна старушка погостила у знакомых в США, а когда вернулась обратно, то угодила в сумасшедший дом, так как беспрерывно повторяла: “Украли жизнь, украли жизнь, украли жизнь...” И вас предупреждаю: “Здоровье, здоровье и еще раз здоровье!”, потому что психические заболевания или приобретение других недугов от знакомства с нравами и обычаями буржуев не исключены, уж больно у них там все сикось-накось...

Не Россия. Город. Полицейский участок, и в нем отсутствует устойчивый запах дешевых сигарет и не маячит перспектива на несколько годков поиметь небо в клеточку. Рабочий вечер бушует яростно. После обеда в ближайшем ресторане сержанты Нэд и Эрлинг занимаются делами: Нэд играет на компьютере, а Эрлинг спит, сидя на барьере. Как видим, судьба не ошиблась, сделав этих джентльменов полицейскими.

“Теперь понятно, почему мы не захотели, чтобы на всей планете победил коммунизм. Кого бы мы тогда дурачили? Самого себя – надоело, друг друга – опасно, а так – иностранцы имеются. Их не обманывает только ленивый. Они как дети, наивные, милые дети, а эта страна вовсе заповедный край, населенный непугаными дуралями. Здесь еще ох как можно делать деньги. Да, иностранцем родился – простофилей умрешь!” – примерно такие мысли роились в голове Феде, когда он, подгоняемый желанием, увеличил темп движения. Вам известно, откуда появился танец чечетка? У карапета было десять детей и всего один ночной горшок... Федя вынужден был перейти на мелкие частые шажки: его обуревало одно единственное щемящее желание – пописать и делать это долго-долго. Причем Федя не просто хотел пописать, а пописать на халяву, то есть бесплатно. А как известно, идеальными для этого местами являются парадные и парки. Однако с парадными в этой стране была напряженка: капиталисты додумались запираить их на замки, это вместо того, чтобы, заботясь о человеке, сделать в каждой парадной по писсуару, тогда бы любой порядочный мужчина, в случае необходимости, мог зайти и культурно сменить воду в аквариуме. Словом, парадные из списков сливочных исключались, однако оставались такие обширные территории, как парки, в один из которых Федя и семенил. Он, конечно, мог посетить и платный туалет, чистый, теплый, удобный, но это было не в его стиле и традиции, а кроме того, не то чтобы туалет был Феде не по карману, просто он считал, что сэкономленные деньги сумеет использовать с большей пользой. Итак, народный обычай привел Федю в парк, куда он добрался настолько полноводным, что не смог продвинуться дальше второго кустика, где и пожурчал, после чего настроение улучшилось на порядок, и теперь можно было гулять смело несколько часов. Но тут капризная фортуна, обойдя многих трепетных искателей, вспорхнула на его макушку: на скамейке лежал кошелек. Федя не стал разевать от удивления рот, а проворно цапнул сиротинушку, и, так как достаточно давно не бегал кроссов, ему пришлось изрядно попотеть. Очнулся он в другом квартале, на освещенном месте в компании с одышкой и кошельком. Устойчивое

соображение начало медленно возвращаться. Глаза алчно заблестели, став фокстерьерными. Для поездки за границу вы должны вместо нервов иметь стальные тросы, а сердце ваше должно стучать, как паровой молот, иначе вот так в одно мгновение можете получить полное нервное расстройство, причем на всю оставшуюся жизнь. Федя решил не утомлять глаза подсчетом монет, а сразу проявил интерес к богатым залежам главного отделения, которое, открывшись, предложило пухлую пачку зелененьких. Показалось, что уличный фонарь стал светить сильнее. Первая попытка сосчитать деньги не принесла успеха: мешали трясущиеся руки и неполное восстановление умственных способностей, однако Федя с радостью заметил, что чаще всех встречается портрет господина Франклина, бесспорно, самого любимого президента всех народов. Федя пересчитывал деньги до тех пор, пока дважды не получил одну и ту же цифру. Колоссальность суммы породила сначала настороженность: счастливцев опасно огляделся, — которая затем сменилась скептицизмом: вдруг доллары фальшивые? Но Федя быстро отогнал эту кошунственную мысль. Несомненно, доллары настоящие, с радостью принимаемые банками Швейцарии, проститутками Москвы и папуасами Новой Гвинеи, то есть полновесные деньги, годные для оплаты налогов, дорожных штрафов, ресторанных счетов, не рубли и тугрики, а те, на которые можно купить дом в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, или виллу на Крите и, став полноправным жителем этого острова, гордо именоваться критиним. Как известно, надо сначала хорошо освоиться среди чужого добра и только затем его присваивать: Федя еще раз пересчитал деньги, разложил их по номинальной стоимости и степени износа и только после этого опустил кошелек в карман брюк. На ватных ногах он медленно побрел, и мысли его завертелись, как шестеренки конической зубчатой передачи — вокруг своей оси, под углом, в противоположных направлениях и с различными скоростями. Федор Иванович хотя и любил женские попки, знал их типоразмеры и виды, понимая недостатки и ценя прелести каждого из них, однако предпочитал, чтобы фортуна поворачивалась к нему несколько другим местом, а когда это случалось, то брал все, что ему предлагалось. Шальные мысли вгрызались в пласты неожиданно открывшихся жизненных перспектив. Он радовался, как торговец, сумевший продать вагон гнилых помидоров дому сирот. Конечно, несколько тысяч долларов кажутся сущей безделицей, когда ты знаешь, сколько в твоей стране распродали и разворовали, но если приятно греющий ляжку кошелек присовокуплен как неотъемлемая часть

состояния к квартире для коротышек, даче-развалюхе и гастриту, и ты можешь эти самые тышчонки пересчитать, то чувствуешь себя по положению в обществе на одном уровне с третьим сыном любимой наложницы эмира Абу-Даби. Да продлит аллах его жизнь! Не верьте, будто богатство не приносит счастья. Слетайте в Лас-Вегас, поиграйте в американскую рулетку или блэк джек, расслабьтесь и вы согласитесь, что я не так уж не прав. Могучие думы мощными волнами перекачивались в сознании оправившегося от потрясения Федора Ивановича. Теперь он мог законно, с комфортом пописать много-много раз. От этой ненормальной идеи Федор Иванович улыбнулся и тотчас выбросил ее из головы. С такими деньгами можно вытворять черт-те что: купить шотландскую юбочку, снять трусы и отправиться в Эдинбург изучать Шекспира или со жрицами любви кататься на яхте по Средиземному морю, раскуривая сигары стодолларовыми купюрами. Можно открыть свое дельце в столице Малайзии Куала-Лумпуре или купить бочку пива и пить, пить, пить до одурения. Конечно, денег могло быть и побольше. Он даже немного посердился на растяпу: мог бы потерять и более солидную сумму, но затем, проявляя благородство состоятельного человека, решил не судить его строго, может, он бедный, не зажиточный. Ну, а судьбе и на том спасибо, потому что худой жир лучше доброй дистрофии. А если разиня – мэр города? От этой внезапной мысли Федор Иванович даже сбавил ход, настолько она показалась ему перспективной. Он возвращает кошелек. Рукопожатие, слова благодарности, телевидение, предложение вида на жительство, банкет в мэрии, дочка или племянница городского головы, Федор Иванович распушает хвост, свадьба... Дальше воображение не продвинулось, потому что от переполнения соблазнительными раздумьями в голове что-то зашкалило. Зато появилась новая задумка – та, которая бывает у бесящихся с жира толстосумов: почему бы не проявить чудеса бытового героизма, а именно не заняться благотворительностью? Эта бредовая идея рано или поздно посещает голову, на которую свалилось целое состояние. И в этот момент у Федора Ивановича в башке что-то окончательно затрехнуло, ему вспомнилось: “В жизни всегда есть место подвигу!..”

– Вот! – раздалось в участке и от этого восклицания в доме напротив участники групповки а-трау побросали свои позиции, подумав, что перекрытия между этажами все-таки не выдержали, коты на соседней улице прекратили драку и пустились врассыпную, решив, что власти приступили к их отстрелу, а Нэд, который в этот момент как раз

задумался об изощренности составителя игры, с перепугу нажал не ту клавишу, загубив полтора часовой труд. Он раздраженно повернулся к посетителю и позволил своему, обычно не отягощенному заботами лицу, выразить удивленное недовольство. Эрлинг прореагировал более сдержанно: приподняв забрало сна, открыл один глаз – тот, который ближе к двери. Зрелище того стоило: прервавший их идиллию человек сиял так, что на него можно было смотреть только через оптику, предназначенную для изучения солнца. Удостоверившись, что внимание обоих офицеров полиции приковано к нему, вошедший продолжил:

– Нашел! – задиристо выпалил он, покачивая на руке портмоне, то есть вещь, которой по всем законам природы не должно было у него быть: посетитель не походил на почтенного обывателя, а, видимо, стоял на социальной лестнице где-то между богемой и клошаром.

Расклад сил понятен: по одну сторону кошелек вместе с российским туристом, измятым жизнью, как его костюм, по другую сторону барьера – франтоватые, мускулистые ихние полицейские, с трудом выходящие из оцепенения. К этому моменту уже сидевший на своем рабочем месте Эрлинг взъерошил волосы, но парикмахерский прием не помог ему прийти в норму. Первым очухался Нэд:

– Покажите, пожалуйста, ваше удостоверение личности, – проговорил он мягким голосом.

Посетитель протянул паспорт, однако было заметно, что он не пришел в восторг от этой просьбы.

Нэд быстро сравнил данные протянутого ему документа с хранящимися в памяти компьютера генетическими кодами криминальных граждан мира и выяснил, что Интерпол мужчину не разыскивает.

– Итак, вы нашли кошелек, – подытожил Нэд, судорожно соображая, как поступить дальше.

– Да, нашел, а в нем пачка сотенных баксов, не считая мелочи, – отчеканил посетитель с достоинством, но без вульгарной помпы.

– Вы что, открывали его? – стараясь не выдать волнения, поинтересовался Нэд.

– Конечно, открывал. Я же его нашел. Так что давайте оприходуйте и оформите, как положено. Я сдаю кошелек с деньгами и, надеюсь, вы сумеете найти его владельца. – Мужчина сверкнул глазами, похожими на черносливленки, затерявшиеся в ночи.

– Интересно, он специально брал уроки дурости или таким уродился, – подумал Нэд и посмотрел на Эрлинга, который, дождавшись, пока новость, отзвенев в его ушах и скользнув по нагрудной бляхе, не ударила

в ноги, заставив подняться, вышел из-за загородки, поправил скрипнувшую кобуру, выглянул на улицу, вернулся, повертел пальцем у виска, как это делают желая показать, что у кого-то не все дома, и остался стоять у двери, за спиной нашего соотечественника. По-видимому, этот русский принимал их за идиотов или решил, что развлечений у них мало. Наступило молчание. Впрочем, в этом полицейском участке разговоры редко бывали оживленными: между двумя фразами один из них мог выпасться, а другой перегреть компьютер, и все это без ущерба для развиваемой темы. Напарники научились понимать друг друга молча. Эрлинг вопросительно поднял брови и по ответному меланхолично-безучастному выражению лица Нэда понял, что протокол составлять не придется: зачем портить человеку жизнь, она у него и так достаточно трудная.

– Пойдем–ка прогуляемся, – заключил Эрлинг, и это прозвучало примерно как “Вы арестованы”.

Лицо повернувшегося к нему посетителя вытянулось в маску полного непонимания: вот-вот мог послышаться щелчок наручников.

На улице четкие контуры окончательно смазались темнотой. Эрлинг шел, проклиная всех туристов и из Гренландии, и из Китайландии. Он ничего не имел против жителей других стран, однако с тех пор, как у них в городе стали появляться русские, он перестал питать к России прежнюю любовь.

Они зашли в парк вместе с легким туманом, напомнившим, что наступает время, когда жены вспоминают, что у них есть мужья, коты, жмурясь у каминов, чихают от угольной пыли, а зима просит потесниться сестрицу осень. Вечер был нежен и прохладен, как грудь застенчиво-флегматичной женщины в начале любовной игры.

– Кошелек был на этой скамейке, – промямлил переставший что-либо понимать Федор Иванович. Он походил на школьника, который знает ответ, но не знает, как решить задачу.

– Положите и пойдете, – суровым, не терпящим возражения голосом приказал Эрлинг и поправил револьвер. Это же надо додуматься принести в полицию увиденный на скамейке кошелек. Если бы они с напарником не были такими либералами, то у этого чудака могли быть крупные неприятности.

– Но зачем же мы его здесь оставим?.. – Федору Ивановичу показалось, что он тихо и непринужденно сходит с ума.

– Как зачем? Человек вспомнит, вернется и найдет потерю, – искренне удивился полицейский, постепенно убеждаясь, что перед ним

несчастный, в силу каких-то трагических обстоятельств растерявший природные мыслительные способности.

– А вдруг его кто-нибудь возьмет?! – чуть не плача, поинтересовался Федор Иванович. Мало того, что дочка мэра укатила на черной блестящей библике, а с ней и беззаботная жизнь на банановом островке в Карибском море, разрушились и привычные устои, которые до сих пор внушали ему доверие.

Услышав такое, Эрлинг посмотрел на русского уже без удивленного раздражения, а с чуть заметной долей сочувствия – так доктор смотрит на безнадежно больного пациента перед тем как сообщить, что в данном случае медицина бессильна. Сержанту даже не захотелось повертеть пальцем у виска.

– Кому нужен чужой кошелек?.. – ласково проговорил Эрлинг, сдерживая желание погладить мужчину по голове, так как окончательно убедился, что перед ним убогий.

Я предупреждал, что для поездки за границу требуется иметь хорошее здоровье, а вы не верили!

ИРИНА ОБУХОВА-ЗЕЛИНСКАЯ

ВАРШАВА

Историк русской эмиграции, искусствовед. Более 70 опубликованных статей. Руководитель издательского проекта «Жизнь и творчество Юрия Анненкова» (подготовка и издание 4-х книг, редактор эл. ресурса «Вопросы анненковедения» – 82 выпуска). С 1995 г. автор и редактор альманаха «Русское еврейство в Зарубежье». Одна из кураторов гос. проекта «Варшава – Москва, Москва – Варшава» (2005).

Станислав Ноаковский:

биография, творчество, наследие

Наследие выдающегося художника и архитектора Станислава Ноаковского весьма своеобразно, а в основной его части, по оценке многих специалистов – просто уникально. При жизни творческая судьба Ноаковского была счастливой – он имел возможность работать в той области, которую полюбил еще в детстве и которую избрал для себя в качестве профессии. При этом он остался в истории искусства не столько как автор реально осуществленных проектов (хотя были и такие), а как архитектор-художник – творец вымышленных, хотя и не фантастических, как обычно принято думать, архитектурных пейзажей и интерьеров. Поневоле напрашивается аналогия с «бумажной архитектурой», хотя «случай Ноаковского» в принципе был иным – в первую очередь, по основной цели его многочисленных рисунков. Пожалуй, он так и остался единственным в своем роде. Еще одной особенностью наследия Ноаковского является то, что, будучи европейским по форме и космополитическим по историко-географическому диапазону, по, так сказать, происхождению художника,

оно в равной степени принадлежит двум народам, которые с полным основанием имеют право считать (и считают) автора рисунков своим соотечественником. Ноаковский родился в той части Польши, которая под конец XVIII в. вошла в состав Российской империи. В детстве и ранней юности он навсегда проникся любовью к польской готике и барокко, к провинциальным часоукам и костелам – рисуя их, он вырабатывал первые профессиональные навыки. С Польшей его связывало многолетнее ностальгическое чувство и неожиданно представившаяся под конец жизни возможность послужить ей на тех поприщах, которые уже принесли ему громкий успех и положение в России. Молодость, проведенная в блистательном Петербурге, поразившем его своей монументальной и изысканной красотой, навсегда сроднила его с русской культурой. Незадолго до смерти, уже прожив активный и плодотворный десятилетний период в Варшаве, художник признавался в автобиографическом наброске: «Художественный мир России – это высокий стиль, считаю счастьем, что мне было дано узнать его размах и не свойственный нам масштаб. Без жизни в России я бы не был собой сегодняшним». На международных выставках (в 1911 г. Мюнхене, в 1914 г. – в Венеции) Ноаковский представлял искусство России.

Каким образом сформировался виртуозный мастер архитектурного рисунка, который постепенно пришел к созданию графических циклов, вызывавших восторг современников, можно понять, вспомнив основные вехи его творческой биографии. Его метод стал естественной производной его личности, характера, предпочтений и – профессиональной преподавательской практики пользовавшегося большой популярностью автора (хочется сказать – исполнителя) публичных лекций в обеих российских столицах и в провинции, по такому, казалось бы, специфическому предмету, как история архитектуры.

Детство и юность будущего художника прошли на Куявах (местность в центральной Польше). Он родился 26 марта 1867 г. в небольшом городке с большим историческим прошлым – Нешаве. Его отец, нотариус, был хорошо образованным человеком, прекрасно рисовал (рисование входило как обязательный элемент в дворянское воспитание) и, помимо государственной службы, занимался литературными переводами. В 1877–84 годах Станислав учился вначале в шестилетнем реальном училище во Влоцлавке, тоже старинном городе, живописно раскинувшимся на берегу Вислы (в 180 км от Варшавы), где огромное

впечатление на него произвели тогда еще сохранявший свой первоначальный вид готический кафедральный собор, внутри которого до сих пор можно видеть надгробие Петра Бниньского (произведение Вита Ствоша), ренессансные саркофаги куявских епископов, барочный алтарь времен Сигизмунда III. Спустя много лет Ноаковский заметил, что благодаря Влоцлавку он стал художником. В училище у него был незаурядный учитель рисования – потомок французских эмигрантов Луи Бушар, неплохой рисовальщик и выдающийся автор статей об искусстве. Именно во Влоцлавке Станислав начал с увлечением рисовать исторические памятники, а также изучать генеалогию и геральдику, что очень пригодилось ему впоследствии. Реальное училище он заканчивал в Ловиче – еще один старинный городок, который в течение нескольких столетий был резиденцией гнезненских архиепископов. Юный Ноаковский с увлечением рисовал старые надгробные плиты, барочные и готические костелы.

В 1886 г. молодой человек закончил среднее образование. В Польше в то время не было высшего учебного заведения, готовившего к профессии архитектора. Станислава выручила сестра Зофья, которая незадолго до того вышла замуж за инженера, поляка, работавшего в России – она снабдила брата деньгами, и он отправился в Петербург, чтобы поступить на архитектурное отделение Академии художеств.

Незадолго до смерти 60-летний художник писал в биографическом наброске: «Петербург! Потрясающее впечатление мощной, великолепной столицы, так богатой шедеврами искусства. Эрмитаж! Эрмитаж! Дворцы, дворцы, монументальные строения. Я плакал от зависти, сравнивая его с Варшавой, где так мало музеев и монументальных зданий» .

За время обучения в Академии (1886–94) Станислав Ноаковский ежегодно получал академические отличия за успехи, а по окончании полного курса был награжден большой золотой медалью за проект императорских конюшен и стипендией на трехлетнюю поездку за

границу. Он побывал в Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Англии. В Швейцарии он встретил Стефана Жеромского, который в то время работал библиотекарем в польском музее замка Рапперсвилль. По его просьбе Ноаковский выполнил проект перестройки одной из башен замка в часовню-мавзолей для сердца Костюшко .

Дольше всего Ноаковский жил в Париже, куда он попал в разгар «франко-русских симпатий» . Для пенсионера из Петербурга служители музеев открывали недоступные публике части дворцов в Версале, Компьени и Фонтенбло, где он смог досконально изучить особенности архитектурных стилей XVIII – XIX веков и выполнил много рисунков с натуры. В области современной архитектуры и прикладного искусства в столице Франции входил в моду модерн, а в живописи это был период окончательного признания импрессионистов. Нельзя сказать, что впечатления современности прошли бесследно для начинающего художника, но главный вектор его увлечений был направлен на старую французскую архитектуру, от готики до ампира.

Перед возвращением в Россию Ноаковский поездил по Польше – осмотрел Краков, Познань, Вильно и Варшаву. Вернувшись в 1898 г. из долгих заграничных странствий в Петербург он примкнул к кружку «Мир искусства», который по его собственному признанию чрезвычайно повлиял на его художественное развитие. Он пришелся ко двору, поскольку сходилась с «мирискусниками» на любви к исторической ретроспекции и на уже выработанном к тому времени элегантном графическом стиле: весьма сдержанный колорит, уверенная изысканная линия, особая лиричность в изображении каменных и деревянных построек, как будто одушевленных художником. В 1899 г. в журнале «Мир искусства» были опубликованы две статьи Ноаковского . Сам он в этом же году переезжает в Москву, где ему была предложена должность хранителя музея и библиотеки Строгановского художественно-промышленного училища. В автобиографическом наброске он писал об этом времени: «...Золотая эра этого училища: великий расцвет, великие педагогические таланты (Коровин, Врубель)»

С 1906 г. до своего отъезда в Польшу в 1918 г. он преподавал историю искусства и композиции и в Строгановке, и в Училище живописи, ваяния и зодчества. Его лекции, отличались живым и ярким изложением, а также тем, что иллюстрировались рисунками мелом на доске – эти великолепные импровизации принесли Ноаковскому известность. Его начали приглашать на выступления с публичными лекциями в различные учреждения и общественные объединения в Москве, Петербурге и

других русских городах, а летом, во время отпуска он неумоимо путешествовал по центральным и северным областям России, по Финляндии и Польше, везде делая зарисовки городов и сел. В 1907 г. он ездил в Грецию, в 1909 г. совершил длительное путешествие по Италии. Благодаря своей уникальной зрительной памяти Ноаковский использовал полученные впечатления не только для набросков во время лекций, но и для исполнения станковых графических композиций, регулярно экспонировавшихся на выставках.

По многочисленным свидетельствам современников и учеников Ноаковского он обладал всеми необходимыми качествами архитектора-практика, а его архитектурному вкусу и изобретательности можно было только позавидовать. Почему же его практические свершения ограничились лишь малыми и средними архитектурными формами и были так малочисленны? В течение жизни Ноаковский неоднократно принимал участие в публичных конкурсах и чаще всего занимал на них почетные первые места. В 1903 г. он занял первое место в конкурсе на виллу для князя П.П. Волконского; в 1907 г. получил премию на конкурсе на урну с останками гетмана Станислава Жолкевского и т. д. Он нередко создавал проекты в связи с определенными общественными нуждами (реконструкции дворцов и церквей, проекты загородных усадеб, юбилейных памятников и надгробий). Из всех этих проектов реализованы были считанные единицы. При этом Ноаковский чрезвычайно редко брался за выполнение проекта на заказ. Возможно, такое положение дел объясняется самим характером дарования мастера – он не чувствовал призвания к инженерно-конструктивной части архитектуры, ненавидел какие-либо точные расчеты, и был скорее визионером, романтиком исторического архитектурного пейзажа. Кроме того, процесс осуществления любого архитектурного проекта предполагает участие большого количества специалистов и исполнителей, а архитектор не только должен по необходимости вступать в контакт с этим коллективом, но и выполнять порой руководящую роль, взаимодействуя со строителями, подрядчиками, наконец, с учреждением или лицом, финансирующим постройку. Деликатный и мягкий в обращении с людьми Ноаковский не выносил такого рода психологической нагрузки, кроме того он болезненно переживал малейшее искажение своего замысла даже при реализации относительно небольших объектов – часовен или саркофагов, видимо, он предвидел еще более существенные искажения при реализации крупных объектов.

Таким образом, оставаясь архитектором и не отказываясь от выбранной когда-то профессии, Ноаковский стал по преимуществу архитектором-художником. Вероятно, поначалу он смотрел на свои занятия рисунком как на подготовительную часть к профессии. Однако со временем акценты сместились. Рисунок или даже проектный набросок постепенно становился самодовлеющим произведением искусства, а не эскизом, ожидающим воплощения в трехмерном пространстве. К «вариациям» на тему архитектурных стилей, пейзажей и интерьеров Ноаковский также подходил постепенно. В юности он рисовал с натуры, с документальной точностью воспроизводя те строения, которые видел вокруг: помещицы дома, усадебные постройки, деревенские хаты, костелы и часовни, внешний вид и интерьеры соборов. Во время обучения в Петербургской академии он выполнял многочисленные рисунки с изображением памятников русской архитектуры. Путешествуя по Европе после окончания Академии, он также выполнил немало натуральных зарисовок, особенно во Франции. В дальнейшем он также не избегал изображений, с документальной точностью воспроизводивших избранный объект. Однако его преподавательская деятельность требовала обобщенного рисунка, выявлявшего к тому же главные особенности определенного архитектурного стиля. Объясняя студентам (или слушателям публичной лекции) особенности того или иного архитектурного стиля профессор тут же, по ходу рассказа, рисовал мелом на доске не просто архитектурный объект, а некую квинтэссенцию стиля, подчеркивая в нем самое характерное и существенное. Можно было бы только сожалеть, что эти виртуозные импровизации выполнялись для сиюминутной цели и большинство их было обречено на исчезновение. Именно преподавательская практика оказалась одним из факторов, натолкнувших Ноаковского на создание не точного «портрета» архитектурных памятников или их фрагментов, а неких «вариаций на тему», отвечавших его главной задаче – наглядно показать студентам специфику конкретного стиля (современного или исторического) и его воплощение в различных формах.

Вторым фактором, который подвел Ноаковского к изображению архитектурных вариаций, был его интерес к архитектурной реконструкции – нередко он пытался воссоздать вид уже не существовавших или перестроенных исторических зданий – кафедральных соборов Вавеля или Варшавы, замков, ратушей, дворцов полуразрушенных церквей. При этом Ноаковский стремился к научно обоснованной реконструкции, пользуясь старыми гравюрами с

изображениями памятника, но на его рисунках они как будто оживали, благодаря свойственной его рисункам экспрессии и эмоциональности. Сформировавшийся и нашедший воплощение в многочисленных архитектурных циклах метод Ноаковского можно назвать фантазией, но не фикцией. Это нечто противоположное определившемуся как стиль через какое-то время сюрреализму, когда изображенные с гиперреалистической точностью предметы и фантастические существа художники компоновали в немыслимых сочетаниях. Ноаковский, напротив, отказывался от многих деталей и сознательно стилизовал рисунок под небрежный набросок, выполненный, как казалось неискушенному зрителю, в свободной и произвольной манере, но при этом тщательно следил за сохранением исторического правдоподобия в своих композициях.

Про изображенные им строения, интерьеры или их детали можно сказать, что они могли существовать именно в таком виде.

Рисунки тушью и сепией на бумаге Ноаковский делал довольно быстро, отбрасывая не удавшиеся по его мнению работы. В биографическом наброске он вспоминал: «...я рисовал всегда целыми циклами: как только меня захватывала какая-то тема, то мне ее хватало для десятков рисунков. Темой первого цикла была старая русская архитектура: я выставил его в 1901 г. в Москве с большим успехом...» Действительно, тема и «style russe», начиная с 1880-х годов, оставались в моде и пользовались поддержкой правительства.

Ноаковский дал свой вариант этого стиля, не тяжеловесный и монументальный, а легкий и выразительный: летящая прихотливая линия очерчивает силуэты построек и декоративных украшений, какое-нибудь деревцо или размытая осенним дождем колея делают пейзаж приземленным, но не прозаически скучным – в нем всегда есть настроение. Рисунки Ноаковского уже тогда далеко ушли от архитектурных штудий, они подчинены экспозиционной идее, цель и задача художника – показать, увлечь, захватить, очаровать зрителя. К русской тематике Ноаковский неоднократно обращался и позже, о чем свидетельствует цикл «Россия сказочно цветная», 1905—1915. На русские темы он продолжал рисовать и в последние годы, когда уже переселился в Польшу – эти рисунки отличает особенно активное включение в композицию ярких локальных цветов. Если поначалу художник увлекался допетровской архитектурой, изображая чаще всего деревянные крепости и дома, засыпанные снегом, вытянувшиеся вдоль дорог деревни или живописных церкви, украшенные кокошниками и

разноцветными луковками куполов, то впоследствии он заинтересовался барочной архитектурой времен Елизаветы и ампиром эпохи Александра I. К 1912 г. появляются соответствующие циклы – дворцы, колонны, триумфальные арки, провинциальные усадьбы.

Диапазон архитектурных тем Ноаковского постоянно расширялся, охватывая различные страны Западной Европы, а изученные им исторические пласты затрагивали не только современность и ближайшее прошлое (XVII – XIX вв.), но и уходили в глубь веков (Ближний Восток, Египет, Месопотамия). Профессор нескольких академий, с 1915 г. действительный член Российской Академии, он был знатоком современной и античной архитектуры, побывал во многих странах, с особым чувством относился к итальянскому и французскому искусству. С детства ближе всего Ноаковскому была французская культура, на которой он был воспитан и дух которой чувствуется в легкости и элегантности его графики в целом. После первого пребывания в Париже Ноаковский постоянно возвращался то к французской готике, то к классицизму, охотно рисовал интерьеры загородных дворцов и правобережных «*hôtels particuliers*», изображая островерхие башенки и модные стены из серого тесаного камня. Художник виртуозно умел очень скуными средствами передавать фактуру строительных материалов.

В XIX в. считалось, что любой художник непременно должен побывать в Италии – колыбели современного искусства. Все европейские академии, в том числе и петербургская, своих лучших выпускников в Рим и финансировали более или менее длительное путешествие по городам Тосканы. После первой поездки в Италию Ноаковский неоднократно путешествовал по этой стране и в своих лекциях подробно представлял ее архитектуру, особенно ренессансную. Начиная с 1909 г., после появления цикла «*Italia fantastica*», художник создал в 1909–23 гг. на основе итальянской тематики еще три художественных цикла.

Путешествие по Греции Ноаковский совершил, уже будучи зрелым и известным художником. Античная Греция в его представлении была «миром поэзии, красоты, радости, вечной весной человечества». В цикле, посвященном греческим историческим памятникам, они чаще всего изображены на фоне природного ландшафта, но в очень сдержанной, порой монотонной цветовой гамме (сепия с легкой подцветкой охрой и сиеной). Цикл получил несколько странное название «Под впечатлением Клода Лоррена» – быть может, Ноаковский действительно вспоминал знаменитые руины Лоррена, но его рисунки имеют мало общего с

манерой французского мастера. Из древних культур Ноаковского постоянно интересовали Вавилон и Ассирия, с их крылатыми быками и прямолинейными силуэтами зиккуратов и дворцов. В конструктивистской архитектуре 1920-х годов с ее упрощенно-прямолинейными формами Ноаковский усматривал сходство с вавилонско-ассирийским градостроительством .

Польский исследователь творчества Ноаковского Мечислав Валлис отметил его характерную особенность: «Тематика архитектурных фантазий Ноаковского так разнообразна, как, по-видимому, ни у одного другого художника. Она охватывает панорамы или фрагменты городов и деревень, крупные и мелкие пространственные ансамбли, отдельные здания и интерьеры, наконец, отдельные части строений и интерьеров: порталы, каминь, надгробные плиты, алтари и т. п.; архитектуру сакральную светскую, городскую и сельскую, каменную и деревянную. Кроме того, почти все иные живописцы, рисовальщики и графики представляют в своих архитектурных фантазиях стилистически однородные строения, выросшие как бы одним махом. А Ноаковский чаще всего показывает их как результат долгого исторического пути, с нарастающими постепенно стилистическими наслоениями» .

К изображению польской архитектуры Ноаковский возвращался постоянно. Кроме естественной ностальгии и желания вновь и вновь обратиться к знакомым с детства местам, Ноаковский сознавал ценность польского архитектурного наследия, активно противостоял его исчезновению и сознательно стремился представить во всей полноте достижения нескольких веков славного расцвета культуры. В 1906 – 07 гг. художник выполнил композиции интерьеров Вавеля времен Пястов и Ягеллонов. Его работы того времени в 1912 г. были собраны в папку «Польские архитектурные эскизы в стилях XIII – XVIII в. Идеи, основанные на существующих образцах» . Цикл «Лики Польши», созданный во время Первой мировой войны, когда Ноаковский особенно остро почувствовал угрозу разрушения архитектурных памятников, насчитывал ок. 600 рисунков. 176 рисунков были опубликованы в папке «Польская архитектура» в 1920 г. Всего же рисунков Ноаковского, посвященных польской архитектуре существует несколько тысяч.

Последний период жизни и творчества Ноаковского связан с Варшавой. Первое время после социального катаклизма, разразившегося в 1917 г., он оставался в Москве. В августе 1918 г. его ввели в состав только что образованной московской Художественной Коллегии Отдела Изобразительных Искусств (ИЗО) при Наркомпросе . Однако как только

стало известно, что 10–11 ноября германские войска оставили Варшаву, а Польша стала независимой страной, Ноаковский выехал на родину. По приезде в Варшаву он работал несколько месяцев в Министерстве искусств, затем начал преподавать историю искусств в Политехникуме и возглавил там же кафедру архитектуры, в дальнейшем был также профессором Академии художеств. Студенты обожали профессора и очень ценили его лекции. Петр Беганьски, один из его учеников, вспоминал: «Мы, молодые, пришедшие в архитектуру с намерением творить в самых современных и передовых формах архитектурного искусства, черпали в «школе Ноаковского» вдохновение для творческой деятельности, основанной на логике построения пространственной формы [...] Словом, на исторических примерах мы учились современному архитектурному образу мышления».

В первое время в Варшаве Ноаковский рисовал не слишком много. Но в 1924 г. у него развилась катаракта. В 1928 г. он вспоминал: «...под угрозой слепоты мне хотелось нарисовать все, что было в душе. Глазные операции прошли успешно, и до сих пор я рисую все еще много, с прежним запалом».

На 1920-е годы пришелся период крупного международного успеха творчества Ноаковского: в 1921 г. состоялась большая выставка его работ, в 1922–25 годах он выставлялся в Париже, в 1927–28 в Праге, Вене, Будапеште, опять в Лондоне и в Амстердаме. Тогда же он был приглашен для чтения лекций в Брюссель. Но 1 октября 1928 г. Ноаковский скончался и после торжественного отпевания был похоронен на кладбище Повонзки в Варшаве. Скульптор Альфонс Карны, бывший студент профессора, выполнил его посмертную маску (ныне хранится в музее скульптора в Белостоке). Позже он выполнил несколько скульптурных портретов Ноаковского, в разных техниках.

В Польше наследие талантливого архитектора-художника, который оставил также и литературные тексты (статьи, автобиографические очерки, стихотворения в прозе) постоянно изучалось, издавалась его проза, выходили альбомы, регулярно проходили выставки. В России интерес к творчеству этого необычного мастера и к его биографии стал усиливаться, в основном, в последнее время.

ИРМА УЛИЦКАЯ

В Австралии с 1995 года.

Журналист. Одесситка до мозга костей. В прошлом многолетняя сотрудница газеты «Правда». Всегда желательный автор во всех местных русскоязычных изданиях.

СЛЕПОГО ВЕКА СТРОГИЙ ПОВОДЫРЬ

Борис Чичибабин. Один из лучших поэтов послевоенной поры. Всеобщее признание, подлинная всенародная любовь пришли к нему лишь в конце восьмидесятых, хоть литературе он отдал более полувека своей нелегкой, можно сказать, трагической жизни. В войну «на брюхе ползал попластунски солдатом роты минометной». Выжил. Но День Победы встретил в ГУЛАГе, где провел многие трудные годы.

В моей дневной одышке,

В моей ночи бессонной

Мне вечно снятся вышки

Над лагерною зоной. (69-й г.)

Рано начал писать стихи.

В 1963 г. В Москве и Харькове выходят первые его книги. В них, как и в вышедших затем в Харькове в 1968г. двух сборниках, отсутствуют главные его стихи, кроме того, многие изуродованы цензурой. И все же он был принят в члены СП СССР. С 1968 г., пережив сильный духовный кризис, решает писать так, как ему диктует совесть, не считаясь с усиливающимся идеологическим прессом, даже оставляя всякую надежду быть опубликованным при жизни. С 1973 г. перед Чичибабиным снова закрылись двери всех издательств, газет и журналов. И все лишь за то, что на вечере по случаю своего 50-летия он посмел прочесть взволнованные и волнующие стихи на смерть Твардовского и Пастернака, а также строки, посвященные Солженицыну. 15 лет его имя замалчивалось. Но поэт продолжал писать. И, несмотря на все препоны и запреты, стихи его доходили до читателя. Друзья и почитатели честной музыки Чичибабина переписывали, перепечатывали их на машинке, порой

переплетали в «самиздатовские» тома. Горькая, но, увы, не исключительная судьба по-настоящему большого таланта. Перестройка вернула Чичибабина читателю. Дух его был настолько высок, что и после смерти в памяти людей Борис Алексеевич остался таким, каким был при жизни: чистым и честным, преданным и неподкупным, нежным и непокорным. Он искренне и глубоко переживал несправедливость, жестокость, насилие – и над одним-единственным человеком, и над целым народом. Смерть Чичибабина стала горем многих, помогла им очиститься душой и хоть на время подняться до его высот нравственности.

*Харьков прощался с Поэтом,
Бережно нес на руках...
Тронутый вечности светом,
Дух его плыл в облаках...*

(Е.Ольшанская, поэтесса)

...Ни российское, ни украинское телевидение не нашли даже минуты для скорбного сообщения. И едва ли не первыми откликнулись на безвременную кончину поэта Союз писателей Израиля и журнал «Алеф». Израиль искренне оплакивал его кончину, потому что этот возвращенный украинской землей русский поэт был подлинным певцом еврейства.

Еврейскому народу

*Завтракал ты славой, ужинал бедою,
Слезной и кровавой запивал водою.
«Славу запретите, отнимите кровлю», -
Сказано при Тите пламенем и кровью.
Отлучилось семя от родного лона.
Помутилось племя ветхого Сиона.
Оборвались корни, облетели кроны, -
Муки гетто, козь не казни да погромы.
Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
Не водись я с грустью, золотой и горькой,
Не ночуй в канавах, счастьем обуянный,
Не войди я навек частью безымянной
В русские трясины, в пажити и в реки,
Я б хотел быть сыном матери-еврейки. (46-й год)*

Тот же мотив органично звучит в строках, посвященных Шолом-Алейхему.

*Зима шуришит снежком по золотым аллеям,
Надежно хороня земную черноту.
И по тому снежку идет Шолом-Алейхем
С усмешкою в очках, с оскоминкой во рту.*

*В провидческой тоске, сорочьих сборищ мимо,
В последний раз идет по родине своей,
А мне на той земле до мук необъяснимо,
Откуда я пришел, зачем живу на ней.*

*Смущаясь и таясь, как будто я обманимк,
У холода и тьмы о солнышке молю.
И все мне снится сон, что я еврейский мальчик,
И в этом русском сне я прожил жизнь свою.*

Еврейские имена, тема еврейства и острого неприятия антисемитизма пронизывает все творчество Бориса Алексеевича. Здесь и мудрый Илья Эрэнбург:

*Не знаю, верил ли он в Бога,
Но я люблю такие лица –
Они святы, как синагога.
Мы с ним могли б договориться.*

Здесь и добрейший, интеллигентнейший Зиновий Гердт:

*По голосу узнанный в «Лире»,
Из всех человеческих черт
Собрал в себе лучшее в мире
Зиновий Ефимович Гердт...*

*Я в муке сочувствия внемлю,
Как плачет его правота,
Кем смолоду в русскую землю
Еврейская кровь пролита.*

Даже в сонетах любимой, исполненных нежности, страсти, исповедальности, поэт не забывает о горькой судьбе еврейского народа, переживает ее более, чем личную беду. Он как бы без вины чувствует себя виноватым.

*Ты древней расы, я из рода россов,
И хоть не мы историю творим,*

*Стыжусь себя перед лицом твоим.
Не спорь. Молчи. Не задавай вопросов.
Мне стыд и боль раскраивают рот,
Когда я вспомню все, чем мой народ
Обидел твой. Не менее, чем девять
Веков легло меж нами. И мало –
Загладить их – все лучшее мое.*

И как мне быть? И что ты можешь сделать?

То, что Борис Чичибабин презирал, ненавидел антисемитизм, стало не только одной из тем его творчества, но и твердой жизненной позицией, которая выливалась в боль и стыд за свой великий народ.

*Пока во лжи неукротимы
Сидят холеные, как ханы,
Антисемитские кретины
И государственные хамы,
Покуда взяточник заносчив
И волокитчик беспечален,
Пока добычи ждет доносчик, -
Не умер Сталин.(59-й год)*

И отнюдь не удивительно, что, получив возможность повидать мир, одну из первых поездок Чичибабин совершил именно в Израиль. Это единственная страна, где Поэт побывал дважды, где встретил особенно сердечный прием. Полные залы не просто слушателей, а – что и впрямь удивляло, - подлинных знатоков его поэзии. Сам Борис Алексеевич вспоминал, как во время выступления, если вдруг забывал строчку, ее тут же подсказывали из зала. В книге «Цветение картошки» - последней из тех, что успел подержать в руках, - Чичибабин что называется воспел сказочную страну Израиль.

*Не разлюблю той земли ни молвы я, ни солнцепека:
Здесь, на холмах этих, люди впервые слышали Бога...
Солнцу ли тучей затмиться, добрея, ветру ли дунуть, -
Кем бы мы были, когда б не евреи, - страшно подумать...
В дружбах вечерних душой веселя, в спорах не робок,
И с Тель –Авивского аэродрома в небо взлетая,
Только одно я почувствовал дома – то, что Святая...*

И еще:

*Я сердцем всем прирос к земле той,
Сердцами мертвых разогретой,
Отвечу, с ближними не споря:*

*На свете нет чужого горя,
Душа любая - Яд Вашем...
Я, русский кровью и корнями,
Живущий без гроша в кармане,
Страной еврейской покорен,
Родными путами снедаем,
Я и ее коснулся таин
И верен ей до похорон.*

Как тепло на душе от того, что хоть в конце жизни Поэт прикоснулся к Святой земле, ощутил ее тепло, еще раз почувствовал доброту любимого им народа. Именно поэтому евреи вправе считать Бориса Чичибабина своим поэтом и всегда вспоминать его в сокровенных молитвах.

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

косвенно касающиеся австралийских аборигенов

Гостивший у нас не так давно канадский родственник как-то рассказал о том, что с ним в колледже в Ванкувере учился индеец из местной резервации. На вопрос, почему он покинул ее пределы, парень ответил коротко и ясно: “Потому что каждую субботу к нам приезжает маленький грузовичок, сгружает ящики с дешевой выпивкой и исчезает до следующего конца недели. Я понял, что там погибну”.

Помню, читала когда-то (и не раз) о циничных и бесчеловечных американских купцах, которые еще с 19-го века переправлялись через Берингов пролив, спаивали чукчей, буквально задаром загружали суденышки бесценной пушниной и уплывали до следующего визита.

Примеры подобного приобщения аборигенов к демократическим ценностям можно приводить во множестве.

Но вот иные примеры приобщения, вызванные чисто благими намерениями.

В Одессе, в районной поликлинике, работала очень приятная и терпеливая сестричка Елизавета Марковна, Лизонька. Как-то мы обратили внимание на то, что она исчезла, притом надолго. Оказалось, ее муж, инженер на консервном заводе, отправился в только что появившийся, не без нашего участия, на мировой карте Йемен помогать строить социализм, на первых порах – в виде сокового предприятия, и взял с собой жену. Прошло несколько месяцев, и однажды, проходя

мимо гастронома, я столкнулась с Лизой. Она охотно разговорилась со мной и поведала много интересного. Оказалось, что командировали ее на родину за продуктами. В Адене, в советской колонии, заведен был такой порядок, иначе все наши специалисты и их жены с голоду бы перемерли. Отправляли по очереди, выправив нужные бумаги, добавив из спецфондов и снабдив заказами, что и в каких количествах закупать. Лиза покупала все подряд: муку, крупы, масло, консервы, овощи, грузила в такси и везла в порт. И так уже несколько дней. “Как же Вам живется?” – поинтересовалась я. Она довольно подробно поделилась своими невеселыми впечатлениями, не в силах, по-моему, придти в себя после полугода пребывания в немыслимых для человеческого существования условиях.

...Выжженное немилосердным солнцем венерианское плато, горы, море, не приносящее ни отрады, ни прохлады; ни деревца, ни кустика, одни мусульманские глухие заборы, за которыми скрывается неведомая жестокая жизнь; сожженные черные люди-скелеты, слоняющиеся без дела по пустынным улочкам, сидящие на корточках с отрешенным видом; закутанные до пят скользящие тени женщин, обвешанных младенцами с выпученными голодными животиками и рахитичными ножками-ниточками; настороженные, недоверчивые лица, полное непонимание, впечатление фантастического приключения, в которое земного нормального человека закинула межзвездная экспедиция и бросила, не оставив ни инструкций по поведению, ни разговорника, чтобы хоть парой слов перекинуться. Нет воды. Море не в счет, самая ценная валюта – бурдюк с водой. На территории советского посольства и городка специалистов находится колодец, круглосуточно охраняемый стражем с автоматом. Несмотря на реальную угрозу, йеменцы, иссушенные жаждой и презирующие поэтому всякий страх, то и дело лезут через заборы и ограждения, исчезают не надолго, откинута предупредительными выстрелами, и опять пытаются перекинуть через границу тощие голые ноги и спасительную канистру. Сидят сутками под воротами, выпрашивая воду молча, гордо, только протягивая посуду, но не произнося ни слова. Конечно, им давали воду, конечно, сердца наших женщин кровью обливались при виде их страданий, но разве можно напоить целую планету? Как и вычерпать море людского горя... Дети, нищие, голые, дистрофичные, сводили с ума. Первое время они пытались подкармливать их, но дети – как и их отцы, гордо отвергали всякое участие, умирали на глазах, но не брали ни печенье, ни хлеб. Горящие глаза старших братьев останавливали их дрогнувшие было ручки, и они

отворачивались. Это было невыносимо. Рядом плескалось вечное море, неисчерпаемый источник питания, но они не признавали его. Почему? Неведомо. Они не плавали, не гребли на лодках, не ловили рыбу, которой было не счесть. Наши ускоренными темпами строили им консервные, соковые заводы, пригнали массу суденышек, сотни специалистов вкалывали дни и ночи, стремясь спасти от неминуемой, как им казалось, смерти, научить, показать, убедить, что так жить нельзя, а надо так и так. Почти ничего не получалось: ловили рыбу наши специалисты, они же работали на заводах, они же перерабатывали дары моря. Йеменцы и это так же гордо и неприступно отвергали, умирали, но не сдавались. Их пытались заманить на работу продуктами пайками, талонами, подешевке продавали им рыбу, даже даром отдавали, только работайте, кормите детей, семьи – и опять ничего не удавалось. Их не интересовали пайки, не интересовала дармовая рыба. Как они жили раньше, до нашего пришествия? Как-то, очевидно, жили... Самый главный и бесценный дар моря – лангуст, безоговорочно отринутый его хозяевами, поступал на экспорт за границу, в основном, в Японию, так как даже не все западные страны могли себе позволить такую роскошь. Правда, какая-то часть шла прямо в Кремль. Семьям советских спецов продавали отходы: плавники, всякую требуху, но и этот утиль очень дорого и почти недоступно. Йеменцы не ловили и не ели лангустов. В горах что-то все время происходило, стреляли, перебежали, перевозили. Говорили, не обходилось без контрабанды, оружия, наркотиков. Для наших все эти страшные слова тогда были новыми, угрожающими, от которых мороз по коже пробирал. Собирались по вечерам, когда хоть чуть-чуть спадала жара, в клубе, смотрели старые фильмы, скучали, что-то пекли, но и есть не хотелось. С утра, когда муж уезжал на завод, она вяло прибирала квартиру, вяло потому, что и в шесть часов уже было не продохнуть от зноя, выходить не хотелось – боялась, да и страшно было подумать покинуть занавешенный, затемненный, как во время войны, дом. Иногда заезжал пообедать муж, иногда брал ее с собой куда-то, тогда она впрыгивала из двери прямо в машину, где было прохладно от кондиционера, и ехала в это куда-то; куда – ей было все равно, лишь бы увидеть человеческое лицо. Но в то же время старалась не смотреть в машинное окошко: там сидели окаменевшие люди; на коленях женщин спали или умирали младенцы; люди подпирали глиняные заборы, ни на что не надеясь и ничего не ожидая. Она хотела работать, ведь была же отличной медсестрой, но ей было не положено. Она хотела пойти просто так, без денег, в какую-нибудь местную больницу, чтобы помочь, потому

что сил не было терпеть все это, но опять же положено не было. Из соседнего китайского посольства никто не приходил и не общался: шла эпоха великой культурной революции, и они нас не жаловали и не признавали, только зло косили при встрече узкими глазами и чванливо кивали. У них тоже был на территории колодец, и возле него тоже стоял или сидел страж. Зачем мы там? Что мы там забыли? В стране, где нас не понимают и не хотят. И где мы не понимаем их и насильно спасаем, вызывая не благодарность, а неприятие и гордую ненависть.

Эта невеселая встреча с Лизой вызвала давние воспоминания о совсем ином мире, но таком похожем. Наши приятели, хирурги, отшагавшие войну от звонка до звонка, были посланы в конце сороковых на Чукотку наводить там наш порядок, благо, работы было невпроворот. Они вернулись через несколько лет, и во время интереснейшей встречи, устроенной по поводу из возвращения, я услышала много чего. Они жили в чукотской столице – Анадыре. Дали им квартиру, довольно цивилизованную по тем временам, даже очень, и муж отправился на работу принимать больницу. Шура, жена, осталась хозяйничать. Открылась дверь, и в комнату вошел старик, весь в меху, с трубкой в черных зубах, поздоровался достойно, очевидно, не сомневаясь в том, что ему безоговорочно рады, и сел на теплый деревянный пол. Вынул из торбы вышитые бисером мокасины, какие-то местные поделки и стал торговать. Деньги ему были не нужны, ему были нужны чай, керосин, нитки, иголки. Шура, вспомнив то, чему ее успели научить в дороге, стала поить старика чаем; он сидел и пил, пил чашку за чашкой, чайник за чайником, уходить, видимо, не собирался и все торговал. Когда Шуру покинуло сознание, через час или два, она не могла потом восстановить в памяти. Очнувшись она на улице перед домом, жадно хватающей морозный воздух и счастливой от того, что не умерла теперь, пройдя такую войну без единой царапины. А вполне могла отправиться к праотцам от того духа, что исходил от старика и постепенно заполнил комнату и вытеснил весь кислород. Наверное, гость вытащил ее подышать, но на его сморщенном коричневом лице не отразилось никаких эмоций: спасителем, как и невольным погубителем, он себя, естественно, не считал и продолжал торг. Шура купила все, что он предлагал, и отдала ему все, что он хотел. Когда он вышел, она заплакала от пронзившего ее сознания ужаса от того, куда они заехали и что им придется перелопатить, пока они приведут этих детей природы в человеческое состояние. Им строили дома, добротные, деревянные, с электричеством и дровяными печами; возили лес и все остальное, до

последнего гвоздя, пароходами, продираясь сквозь тысячелетние льды, застревая, зимую где-то на краю света, пока ледоколы не вытянут; привозили с материка рабочих, платили им немислимые по тем временам деньги со всякими северными добавками и наценками; выгружали бездонные трюмы угля, переселяли аборигенов из чумов, из непролазной грязи, копоти и темени, уговаривали, демонстрировали преимущества нормальной жизни, а они проделывали в потолке дыру, разводили на полу костер и сидели вокруг него под лампочкой Ильича, курили трубки, пили чай, скребли вонючие шкуры, протыкали их костяными иглами с продетыми сквозь них жилами, пели дикие, на одной ноте, песни и жили по законам своих предков, не отвергая пришельцев, хороших, но странных белых людей, но и не принимая их настойчивых попыток изменить жизнь явно к худшему и неприемлемому. Построили роддом, оснастили и стали ждать первых рожениц. Их не было. Ходили по домам, по стойбищам, уговаривали, стыдили, водили на экскурсии, с ужасом взирая на полный крах стерильности, но они не шли. Рожали в чумах, под зловещий грохот барабанов, под завывания шаманов, злых духов, погубивших не одного ребенка; детей обтирали снегом, заворачивали в шкуры, где они кисли, не купанные, покрытые коростой несмываемой грязи, умирали, опять появлялись на свет божий, а в роддом не шли. Стали заманивать молодых девушек на работу санитарками, заставляли догола раздеваться в коридоре, купаться, переодеваться в халаты. Перед уходом вечером домой девочки снимали накрахмаленные балахоны, косынки, напяливали на голое тело меховые платья и уходили до завтра. Они-то и стали первыми, кто переступил через запреты стариков и рискнул произвести первенцев в залитой солнцем палате. Родственники, целым стойбищем, от стара до мала, явились посмотреть, не погубили ли советские, правда, очень умные врачи их малышей. Их сначала не пустили, они приклеились к окнам, смотрели на счастливых мам и их белоснежных детей, раздувавших щеки от сытости и самодовольства. Потом, не удовлетворившись увиденным, прорвались внутрь. Персонал и это вытерпел, скрепя сердце. Они уселись на пол, некоторые, самые молодые и передовые, на край стульев, молча отсидели положенное время и ушли. Одобрili. Но приток желающих не состоялся. По-прежнему врачи обходили стойбища, объезжали их на собаках, на оленях, потом появились вездеходы, стало легче, делали прививки, лечили от трахомы и туберкулеза, ужасались количеству алкоголиков, оставляли рахитичным детям витамины, и все уговаривали, уговаривали, стыдили,

доказывали... Следующими после санитарок сдались дети, увезенные в интернаты, хотя курьезных историй с ними, запечатленных многими писателями, случалось немало, вроде того, как они отказывались есть соленую пищу или спать на кроватях. Но все же сдались. Первыми освоили дома, повесили полочки с книгами, читали, прислушивались к журчащему радиоприемнику.

Прошли годы. Подвижничество, недюжинный героизм советских миссионеров сделал свое дело: Север кое-как принял получеловеческий облик. Что же теперь? Оказалось, разрушили старое, оторвали от родителей детей и молодежь, приманили сладким запахом цивилизации, и – нет теперь у чукчей детей, как нет и будущего, ибо кто захочет вернуться в первобытный кочевой уклад, в монотонный тяжкий труд, никому, как им теперь кажется, не нужный, к отвратительной пище без соли и хлеба, в грязь и болезни? Как же быть? Может, не надо было и затевать это благородное дело? А, может, все же надо? Не знаю. Знаю только, что все не просто под луной. Нужны ли еще комментарии?

МИХАИЛ ЯРОВОЙ

Отрывок из повести «Операция «Иллюминация»

Поднимаясь в квартиру, Игорёк набрал по теленету номер своей лаборатории и услышал на другом конце голос Руслана Батырова. Парнишка работал у него лаборантом всего несколько месяцев, но зарекомендовал себя вполне толковым сотрудником. Откуда-то из глубинки, совсем юный студент-медик. Порой бывают – правда, крайне редко – такие студенты, которым доверяешь больше, чем некоторым квалифицированным специалистам. То ли крайняя сообразительность их выручает, то ли интуиция, то ли ещё что-то, но только ребята типа Руслана никогда не подводят и не совершают глупостей.

«Вот у кого могло быть блестящее будущее», – мелькнуло в голове. – Руслан, это Игорь Александрович. Слушай, ты как-то был у меня дома, адрес помнишь? Отлично. Да, я дома. Мне нужен биосканер, срочно. Проверь, чтобы работал, и дуй сюда. Что? Если спросят? Постарайся, чтоб не спросили. Нет, врать ничего не надо, говори всё, как есть. Но лучше, если без вопросов. Давай, жду.

Ну вот, теперь за дело.

Прежде всего, надо было решить, откуда начинать поиски. Ведь торговать нелегальными ампулами не будешь, где попало. Особенно, если время ограничено. Где наибольшая вероятность сбыть ампулы? Если найдутся желающие купить засекреченный препарат, куда они придут в первую очередь?

В каждом городе есть некие точки, в которых традиционно сбывают тот или иной нелегальный товар. Но в данном случае они не годились, поскольку никто из обычных людей – не наркоманов, не бандитов, не торговцев оружием или ещё какой контрабандой – просто не знал об этих точках. Место должно быть известное и логически легко предположимое. И, желательно, единственное в своём роде.

Первая ассоциация, возникающая с секретностью и участием военных в операции, была связана с «Военторгом» – единственным местом в Москве, где продавались товары для военнослужащих. Но Игорёк сразу отверг эту мысль. Слишком опасно торговать нелегальным армейским товаром рядом с легальной точкой.

Рынок? Нет, вряд ли. Хотя... если рынок небольшой и находится в центре города – скажем, Центральный. Нет, всё равно нет. На рынках все торговцы – и нелегалы в том числе – обязаны купить себе место, договориться о комиссионных и ещё бог знает о чём, иначе им не избежать серьёзных проблем. Так что наш спекулянт с гелблиоцином не

сунется на рынок, если только у него уже нет там своего места. И очень сомнительно, чтобы у лица, имеющего доступ к гелбиоцину, было бы свое место на рынке. Впрочем, кто сказал, что торговать гелбиоцином должен непременно тот, кто имеет к нему доступ? Вполне возможны посредники. Хотя бы один. Тогда рынок не стоит сбрасывать со счетов. Ну, хорошо, рынок так рынок. Что ещё?

Другая ассоциация была связана исключительно с внешним видом продукта. Ампулы. Где продаются ампулы? Ну конечно, в аптеках. Опять же, никого, кроме пенсионеров с рецептами, там не встретишь. Удобно и безопасно. Одна проблема – аптек в Москве десятки, если не сотни. С другой стороны, и эта проблема решаема. Ведь у каждой аптеки свой номер, и уж если необходимо выбрать одну единственную, то какую ж ещё, как не с номером один? Где у нас аптека номер один? На Новой Басманной.

Итак, что мы имеем? Две потенциальные точки, обе недалеко от центра. Поскольку ничего больше в голову не приходит, не стоит больше терять время. Думать можно и на ходу. Главное – есть, с чего начать. А с чего именно мы начнём? С аптеки или рынка? Рынок ближе. Перехвачу Руслана у метро – он там будет минут через десять – и на рынок.

Всё сразу пошло не так. Машину пришлось бросить ещё по дороге к метро – остановили военные. Чёрт, неужели вся Москва уже парализована? Метро-то хоть работает?

Метро не то, что работало – из-за перебоев с городским движением оно вкалывало, как ему давно уже не доводилось. Перед входом собралась толпа из желающих войти на станцию. Руслан приехал с небольшой задержкой. Войти в метро им удалось тоже не сразу. Время уходило. Игорёк, пытаясь унять растущее беспокойство, разглядывал пассажиров в вагоне. Многие, как и он, давно не спускались в подземное царство тоннелей и гранитовых станций и с непривычки озирались по сторонам. Почти у всех на лицах было недоумение, у некоторых тревога. И только пассажир в изрядно вытертом рыжем плаще, сидящий в двух шагах от них, безразлично клевал носом.

Вид незнакомых, чужих друг другу людей с похожим выражением на лицах, в одном вагоне едущих каждый по своим делам, настраивал на философский лад. Словно речные водоросли, пассажиры колыхались и раскачивались в несущихся по городскому дну вагонах, единой массой – до момента открытия дверей. Рассыпаясь мелкой рыбой, они снова

сбивались в косяки, влекомые друг другом на пересадку или к выходу из метро.

«Разные и в то же время одинаковые. Встревоженные. Задумчивые. Счастливых лиц не видно совсем. Для кого из них этот день не станет последним? А может, нам это всё за то, что разучились быть счастливыми? Какой в нас смысл, если мы утратили способность наслаждаться жизнью, любить её просто за то, что она у нас есть? Откуда столько неудачников, утративших способность ценить то небольшое, что у них в руках? Ну да, время сейчас не самое лёгкое, но ведь не только толстому кошельку радоваться можно, но и своим друзьям, родным, их успехам, хорошей погоде, наконец?»

Вагон на повороте сильно качнуло и всех прижало друг к дружке. У пассажира в рыжем плаще свалилась под ноги шляпа. Он не обратил внимания. Приглядевшись, Игорёк заметил, что тот пьян. Судя по виду, состояние это для него было вполне привычным.

«Вот он, живой портрет типичного неудачника нашего времени. И что самое забавное – спит себе и в ус не дует. Даром что жить осталось считанные часы. Впрочем, он-то об этом не знает. А что, если ему сказать? Если им всем сказать? Вот бы дурацкая сцена вышла. В лучшем случае меня бы здесь приняли за психа».

Руслан поднял шляпу и теперь стоял в нерешительности перед её владельцем, который и не думал просыпаться.

– Простите, – Руслан деликатно тронул его за плечо. Реакция нулевая.

– Дай-ка, – Игорёк взял у Руслана злополучную шляпу, перевернул, зачем-то дунул в неё и нахлобучил обратно на законное место. Пассажир шумно вздохнул, но глаз не открыл.

– Наша станция, пошли.

Посещение рынка не дало результатов. Никого, хотя бы отдалённо напоминавшего собою потенциального толкача краденного гелбиоцина, на полупустом рынке не оказалось. Подождав с четверть часа, Игорёк уже был готов потащить ничего не понимающего Руслана дальше, как вдруг у выхода с рынка он заметил двух людей, явно следящих за ним.

«Неужели повезло?» Игорёк сбавил темп и, нарочито внимательно оглядывая прилавки, встал неподалёку. Через две минуты один из незнакомцев как бы случайно оказался рядом. И, проходя мимо, задел Игорька плечом. Тут же разразившись залпом извинений, он обронил:

– У вас, случайно, не гелбиоцин?

И вопросительно затих.

Игорёк, оценив анекдотичность ситуации, ответил вопросом на вопрос:
– А у вас?

Ожидание на лице незнакомца вытеснилось удивлением, переходящим в крайнюю степень разочарования.

– Ну-ну, не отчаивайтесь, – ободряюще пожал ему предплечье Игорёк. – Время ещё есть. Руслан, пошли.

«Ничего более идиотского я не мог ему сказать. Ладно, проехали. Теперь успеть бы найти этот гелбиоцин. Похоже, спрос на него растёт и нам нельзя терять ни минуты. Хорошо, что на рынке сегодня безлюдно – не так много времени угрохали. Плохо, однако, что ничего путного не приходит в голову. Если и с аптекой не выйдет, то хоть министерство обороны приступом бери».

Снова метро. Молчаливая толпа серых пассажиров. Ехать недолго, минут через двадцать они должны быть у аптеки.

Игорьку вспомнился давешний пьяный в шляпе – беспробудно спящий неудачник в рыжем плаще. Впрочем, кто сказал, что он неудачник? Мы, можно подумать, большие «удачники». Да и вообще, что такое неудачник? Кто-то, кому хронически невезёт? Кто никогда не достигает цели? Недостаточно зарабатывает? Болен? Одинок? Побит жизнью? Как ни странно, неудачниками нынче принято считать тех, кому недоступны «блага» современного общества. То есть те приятные излишества, которые нам выдают за необходимость. Господи, как скверно мы живём. Мы чувствуем себя людьми только в момент покупки очередной дорогой чепухи. Мы уже забыли, что значит помогать другим – для этого существует социальное обеспечение. Нам запрещено наказывать подлецов и подонков – для этого есть полиция и суды. Попробуй дать какой-нибудь сволочи в морду – и сам пойдёшь под суд, и восторжествует не справедливость, а закон. Живём по правилам. Чисто, красиво, спокойно. А счастливых нет. И мудрых нет – одни умные. Нет голодных – кругом пресыщение, и притом почти без обжорства. Кормёжка не на убой, а чтоб все были здоровы. Не жизнь, а ферма! Раньше было такое понятие – духовность. Мама рассказывала. Говорила, это ключ к человечности. К личностной полноте и пониманию счастья. Сейчас это слово и в словаре не найдёшь.

– Игорь Александрович, нам сейчас?

– Что? А-а, да. Это наша. Биосканер не потерял ещё?

– Пока нет. Игорь Александрович, вы уверены, что я вам нужен? Может, я обратно в лабораторию? Там работа стоит.

– Ничего, ей иногда полезно постоять. Через полчаса отпущу, обещаю. И на работу можешь не возвращаться.

– Это как?

– А так. Считай, что я дал тебе отгул. У тебя девушка есть?

– Ну, есть...

– Вот и отлично. Пригласи её куда-нибудь, не теряй времени. Время вообще терять нельзя – оно может закончиться совершенно внезапно.

– Да я не знаю, свободна ли она сейчас, – Руслан был явно озадачен. Шеф сегодня открывался для него с какой-то неожиданной стороны. Таким Руслан его еще никогда не видел.

– Ну, так узнай.

Народу в метро прибывало, словно воды в горной реке от весеннего дождя. Игорёк энергично пробивался к выходу, Руслан еле поспевал за ним, натываясь на чужие плечи.

Пока они шли от метро к аптеке, Руслан и вправду решил узнать, где сейчас Катя. Теленет оранжево мигнул и отозвался Катиным голосом:

– Привет!

– Привет-привет! Ты где сейчас?

– Работаю. А ты?

– Я? Да я тут на Новой Басманной, у Первой аптеки.

– И что же ты там делаешь?

– Пока не знаю, но шеф обещал меня отпустить через полчаса. Катюх, а тебе ещё долго?

– Если честно, не знаю. Но могу попробовать отпроситься. Если получится, то я перезвоню, если нет, то значит, увидимся вечером.

– Хорошо, буду ждать звонка. Или вечера.

– Ага, целую.

До вечера целая вечность! Руслан вздохнул:

– Девушка работает.

– Что? А-а, жаль, – автоматически констатировал шеф. – Зато мы уже на месте. Ну-с, что день преградивший нам сготовил?

У входа в аптеку собралась толпа человек в пятнадцать – двадцать. Одни мужчины. Стопились они, как выяснилось, вокруг парня в серо-зелёной псевдо-кожаной куртке. Игорёк присоединился к толпе, пытаясь оценить ситуацию. Парень держался нагло, но неуверенно. Лицо какое-то бесформенное, глаза беспокойные. На лбу залысины, нечасто встречающиеся в столь юном возрасте.

«Если я что-нибудь понимаю в физиогномике, то этот кадр вполне тянет на спекулянта» – заключил Игорёк.

И не ошибся. Парнишка держал в руках металлическую коробочку с ампулами. Точь в точь такую же Игорёк видел сегодня рано утром на экстренном заседании. В ней ампул десять. Максимум, двенадцать. Если коробочка одна, может получиться нехорошо. Игорёк более внимательно оглядел сгрудившихся вокруг потенциальных «конкурентов», по профессиональной привычке отмечая у себя учащение пульса и повышение мышечного тонуса. «Ладно, ещё посмотрим, всем ли по карману его цена». Игорёк поймал на себе взгляды стоящих рядом. Взгляды не предвещали ничего хорошего. Лица напряжены, челюсти плотно сжаты. Здесь не было никого, кто согласился бы уйти, не солоно хлебавши. Похоже, цена сегодня не имела значения. Сколько бы ни заломил продавец, со своим товаром он в любом случае расстанется. Жалко парнишку.

Тем временем от толпы начали отделяться первые удачливые покупатели. Пора действовать.

– Руслан, биосканер.

– Вот.

Игорёк набрал как можно больше воздуха в лёгкие и выпалил:

– Минуточку, граждане! Небольшая проверка прежде, чем мы все разойдёмся!

Мужчины обернулись. Воздух на секунду окаменел. Лицо спекулянта наконец определилось с формой, застыв в испуге. Главное, не тормозить, а то сразу уложат. У кого-то здесь наверняка с собой оружие.

– Вы ведь не хотите, чтобы вас обманули, не так ли? – Игорёк выставил перед собой биосканер, переводя точку концентрации всеобщего напряжения со своего лица на руки. Вернее, на электронный прибор в них. Сердце, упав было, вдруг подпрыгнуло и вернулось на место. Воздух снова приобрёл текучесть. Вдох-выдох, и Игорёк продолжал уже более спокойным тоном:

– Предлагаю проверить, что мы здесь покупаем. Вот это – биосканер.

Парнишка-спекулянт попытался было рвануть с места, но тут же упёрся в живую стену, сомкнувшуюся перед ним. Его развернули лицом к толпе. Взглянув на него, Игорёк понял, что бури сегодня не избежать. Биосканер был уже не нужен, всё и так было ясно. Пока Игорёк судорожно пытался выдумать, как спасти несчастного барыгу, у него выхватили биосканер. Дальше всё куда-то сорвалось и полетело. Его оттолкнули. Он что-то кричал. Кто-то оттаскивал его от взбесившейся толпы, уже вершившей самосуд над мошенником. Игорёк пытался вырваться, надеясь остановить толпу, но его упорно тащили в сторону.

Да что же... Кто это ещё там?.. Он в бешенстве крутанул головой и обнаружил себя в цепких объятиях Руслана, спиной вперёд прорывавшегося через скопление зевак.

– Тихо, тихо, Игорь Александрович, успокойтесь, уже всё. Всё. Наконец они остановились. Игорёк сделал шаг обратно. Руслан схватил его за руку:

– Игорь!

Тот замер в нерешительности. Руслан отпустил его.

– Игорь Александрович, не стоит, вы же сами знаете.

– Да, ты прав, – внезапно нахлынула дикая усталость. Всё плохо. Всё очень плохо. Гелбиоцина нет. Мир исчезает. Вместе с ним исчезнет Ленка. Исчезнет Глеб. Исчезнет Руслан. Исчезнут люди, что стоят вокруг и эта озверевшая толпа. Исчезнет этот город, эти улицы, эти чёрные машины, что сейчас едут мимо. Хорошо, что мама не дожидается... Воздух треснул и раскололся. Игорька обдало чем-то тугим и тёплым. Ничего не успев понять, он почувствовал себя снова, когда поднимался на ноги. Аптека качалась. Нет, качалась не аптека – качалась вся улица. Расставив ноги шире, Игорёк выпрямился и огляделся. Недалеко от аптеки горела машина. Толпы уже не было. Прямо на мостовой лежали какие-то люди. Запах гари ударил в переносицу – вернулось обоняние. Затем постепенно включился слух, словно повернули регулятор громкости – до половины, не больше. Будто голову обмотали ватой. «Руслан! Где Руслан?»

Люди вокруг начинали двигаться, поднимались, что-то говорили, куда-то шли. Руслана среди них не было.

Пошарив взглядом по мостовой, Игорёк увидел его в трёх шагах от себя.

Ах, вот ты где! Ну, давай, пацан, вставай уже. Ну! Да ты дышишь ли?

Руслан дышал. Игорёк быстро осмотрел его. Зрачки, пульс. Крови не видно. Нет, вот какие-то капли. Что здесь, откуда кровь? Не понял. «Да это ж с меня капает! Где-то тут. Ухо, должно быть. Это ерунда».

Мальчишка, кажется, цел. Оглушило только. Сейчас мы его сюда...

Воздух раскололся вторично. После первого взрыва второй уже не был таким оглушающим. Звуки пробивались, словно через ватную прослойку. В этот раз Игорёк с Русланом оказались дальше от взрыва и их ничем не зацепило. Оглянувшись, Игорёк увидел ещё одну горящую машину. Двое в тёмных костюмах – недалеко от машины – поднимались с земли, озираясь по сторонам, машинально отряхивались. Один из них что-то крикнул другому и, шатаясь, побрёл к машине, которая взорвалась первой. Второй хромал в направлении аптеки. Тут Игорёк вспомнил, что

видел эти машины за секунду до взрыва. Они ехали кавалькадой – три совершенно одинаковых чёрных монстра. А вон, кстати, и третий – остановился впереди, метрах в тридцати. Похоже, в нём уже никто не сидит. Тоже приготовился взлететь на воздух. Это что, салют в честь конца света? Только до этого конца, похоже, ещё надо умудриться дожить.

– Игорёк!

Ну вот, уже галлюцинации. Хромающий «костюм» вдруг приобрёл знакомые черты, которые никак не вязались в одно целое со всем этим кошмаром.

– Глеб?

– Смотри-ка, – Глеб сел рядом прямо на мостовую, – память не отшибло. Ну что, жив, курилка? Как ты?

– Курилка! Я для чего тебе всё рассказал? Чтобы ты прощальный фейерверк затеял? А мне теперь пацана вон в чувство приводить. Времени и так нет.

– Да брось, кто-нибудь другой приведёт. Ты мне сейчас ужас, как нужен. Поехали.

– Глеб, – Игорёк пытался собраться с мыслями, – извини, но у меня другие планы. И так полдня впустую. Теперь вот этот, – он кивнул на Руслана. – Не могу я его бросить, понимаешь? Это мой пацан. Я его сюда притащил.

– Руслан? – в их разговор вклинился незнакомый голос.

Друзья обернулись. Голос принадлежал девушке. Девушка смотрела на Руслана.

– Что с ним? Что здесь произошло? Кто вы такие?

Глеб отреагировал первым:

– Похоже, этот пацан не только твой, – и к девушке, – Что с ним, не знаю. Скорее всего, лёгкая контузия. Что здесь произошло, я бы и сам непrouch выяснить. А кто мы такие, вам знать не обязательно.

Для пущего эффекта он заготовил на финал ослепительную улыбку, но на девушку речь Глеба не произвела ожидаемого впечатления. Едва дав ему договорить, она склонилась над Русланом:

– Ладно, о вас после. Сейчас главное – он.

И к Игорьку:

– Вы можете привести его в чувство?

– Я бы уже это сделал, если бы меня не отвлекали так усердно. А можно всё-таки узнать, кто вы и кем ему приходитесь?

– Вот вам-то как раз это знать необязательно. Давайте перенесём его ближе к зданию.

Друзья не спешили подчиниться свалившейся на их голову незнакомке с командирскими замашками.

– Мне что, одной его тащить? Что ж, ладно.

Она наклонилась к Руслану и, видимо и впрямь рассчитывая только на свои силы, крепко взяла его подмышки.

– Подождите, – не выдержал Игорёк, – в этом нет необходимости, он уже приходит в себя.

И точно. Руслан вдохнул, слабо закашлялся и открыл глаза. Похлопав ими несколько секунд, он вдруг расплылся в улыбке:

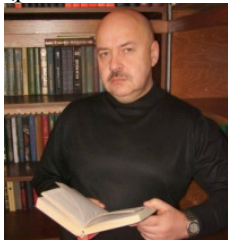
– Катя!

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА АКИТИРК ,АКИТСИЦИЛБУП

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ

(род. 1962, Нижний Тагил)

Русский писатель; прозаик и литературный критик.

Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте Ииституте. Был учителем, монтёром пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных качествах на местном телевидении. «Однако, — как писал Олег Августовский, — в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться, поскольку желание говорить то, что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату.

Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была — «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

***Дмитрий Быков** назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:*

«Кто знает об одном из лучших прозаиков современной России — Александре Кузьменкове (Братск)? Все мои попытки издать его сборник в Москве закончились ничем, а между тем это серьезнейший прозаик и мыслитель, равно не имеющий отношения к “новому реализму” (который в действительности перепевает штампы времен Глеба и Николая Успенских) и к социальной фантастике, напоминающей сценарии квестов. Его единственный большой однотомник вышел по-русски в Штатах, и это наш позор».

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ!..

Поэт в России больше, чем поэт. Вопреки расхожему заблуждению, это далеко не метафора, а самая что ни на есть сермяжная правда. Иногда стихотворец оказывается великим князем, как К.Р. Иногда — сенатором,

как Державин. И это, между прочим, далеко не худшие варианты. Вот ежели поэт по совместительству работает министром экономического развития, – тут хошь святых выноси...

эвтерпа в вицмундире

*«Если игра эта стоит свеч,
То только лишь геморройных».*

А. Улюкаев

Верховный экономист Российской Федерации Алексей Улюкаев в своем пристрастии к просодии, ямбам и разным прочим амфибрахиям не одинок. Едва не всяк российский чиновник и жнец, и швец, и в лиру тот еще игрец, – от начальника организационного управления Роскомнадзора Геннадия Попрыги до Владислава Суркова, которого читателю представлять не нужно. Оттого практически в каждом нашем ведомстве можно открывать первичную ячейку поэтической секции СПР. Пуще прочих в последние годы прославился «Оборонсервис», благ одаря бесспорному дарованию Евгении Васильевой, – что ни строка, то именины сердца и наше все-все-все:

*«Благодарю тебя за всё –
За интуицию, богатую сознанием,
За голубые янтари
На берегу моих мечтаний».*

Впрочем, правительство РФ тоже не ударило в грязь лицом. Количество талантов на квадратный метр кабинетной площади здесь ничуть не меньше. Глава МИДа Сергей Лавров показал себя достойным преемником именитых коллег Кантемира, Батюшкова, Грибоедова и Тютчева:

*«Но какой бы китайской животную
Ни назвать этот год или век,
Лишь один будет избран народами
Года Лошади Сверхчеловек».*

Рифмовать животную с народами даже Хармс не решился бы. А рифма «век-Сверхчеловек» какова? Глагол времен, металла звон!..

Способности Аркадия Дворковича несколько скромнее, однако заслуживают отдельного упоминания. Ибо вице-премьер признался, что «не приемлил скуки и обмана», а также желает «жизни ощутить многоуголье». Согласитесь, настолько смелым словесным экспериментам позавидовали бы и футуристы.

Воля ваша, но вицмундир отечественной Эвтерпе явно к лицу. Потому трудно не затеряться в многоуголье и многогранье чиновно-пиитических

тантов. Однако министр экономического развития Алексей Улюкаев и на этом фоне отнюдь не блекнет. Каюсь, откладывал разговор о его виршах, сколько было возможно. Не самая приятная миссия: легендарный Б. Сивко, созданный при помощи рифмогенератора, – и тот, пожалуй, красочнее и содержательнее. Одна надежда: я смогу, я не заплачу...

раз словечко, два словечко...

«Такая дурь мозги корезит ночью...»

А. Улюкаев

Крестная мать у поэта Улюкаева, похоже, отсутствовала. Зато возле его кастальской купели определенно стояли два крестных отца – Игнат Лебядкин и Никифор Ляпис-Трубецкой. Потому к проблемам версификации А.У. подходит без затей, по-пионерски: раз словечко, два словечко – будет песенка. Квалифицированный анализ его стихов пропросту немислим, поскольку филологическая терминология неприменима к хромым размерам и декадентски изощренным рифмам, вроде *«Вот этот дедов могорыч / Припрятанный на случай “Ч”»*. Желаете убедиться сами? Несколько цитат навскидку:

*«Препинаньями, заиканьями,
Немотой
Отмоли белковость создания
За чертой».*

*«...от восторга и до морга –
Понятный и конечный остров».*

*«Монета ли это иль марка,
На коей приспичило сковороду
Вклеить почему-то создателю?»*

Каюсь, Алексей Валентинович, от комментариев вынужден воздержаться. Чтобы уразуметь настолько сложные образы, нужно самоотверженно вклеить себе белковость сознания. Или особо тяжелый бред длиною от восторга до морга. И сковородой, сковородой – прочие средства слабы. Дальше – хуже, ибо время от времени А.У. затевает обернуточные игры с грамматикой и делает это с грацией пожилого бегемота:

«Бароккой стало и, может быть, рококой...»

*«Отгламурит, откутюрит
От забора до свистка,
Завернёт в макулатуру
Велик могучим языка».*

У А. Иванова, коли помните, это было пародией: *«Велик могучим русский языка»*, – да к чему здесь цитата? Видимо, исключительно ради рифмы... Становится понятно, отчего отечественная экономика ножку волочит и животом вечно скорбная. Если циркуляры в Минэкономразвития мало-мало писать столь могучий пародийных языка, то я есть категорично некоторому экономическому рококу не удивляемый. Большую или меньшую ясность авторские высказывания обретают лишь в случае аллюзий: *«В Европе холодно, в Швейцарии труба»*; *«Дай, крокодил, на счастье нам свой хвост»*; *«Поживи в глухой провинции у моря»*. Это изрядная часть улюкаевской поэзии. Тут читателю и открывается истина: перед нами интеллектуальная лирика. Правда, любомудрие в изводе А.У. больше всего напоминает то ли паралогизмы софистов, то ли резонерство душевнобольных:

*«Нет еврея, и элина нет,
Яблоко насквозь червиво.
Но если червяк оставляет след,
Значит, мы ещё живы».*

Знаменитая фраза про бузину и киевского дядьку на подобном фоне – образец логики и риторических красот. Впрочем, не будем строги, ибо автор честно предупредил: *«Порадую вас плоскими речами...»* Стало быть, с него и взятки гладки.

в товарищах согласие есть!

«А тут бедлам».

А. Улюкаев

Алексей Валентинович вниманием критики не избалован. Строго говоря, вялую реакцию прессы вызвал лишь один его опус:

*«Езжай, мой сын, езжай отсель
На шарике найдёшь теперь
Немало мест, где шаг вперёд
Необязательно пятьсот
Шагов назад, где, говорят,
Не всё всегда наоборот...»*

Где не всегда затычку в рот...»

Интерес наблюдателей вполне понятен. Еще бы: министр экономического развития выступает с антироссийскими декларациями! Однако реплики такого свойства из уст Улюкаева звучат регулярно:

«Смотри: родное пепелище.

Отсюда попросту убёг

Любой, кто не хотел быть нищим

Рванул отсюда со всех ног».

Я вам больше скажу: все наши высокопоставленные стихотворцы примерно того же мнения. Сравните: *«Наш хозяин – Денница, мы узнаем его стиль... / Мы плетемся в обозе его бесконечной орды»*, – признает В. Сурков. *«Ну а серая страна / Серой плесенью полна. / Сверху плесень посочнее, / Снизу голая она»*, – страждет Е. Васильева. *«Пересохли святые колодцы»*, – скорбит С. Лавров. И тут же констатирует: *«Эмигранты – не русское слово, / Но каким оно стало родным...»* Но как прикажете поступать, если российская власть плетется в обозе у Сатаны и считает себя серой плесенью, а святые колодцы иссякли? Плохи наши дела, дорогие сограждане... Впрочем, эта тема прямого отношения к Улюкаеву не имеет. Вернемся лучше к нему.

это кто под «знаменем»?

«Я из вселенной Гуттенберга».

А. Улюкаев

Заявление насчет Гутенберга, на мой взгляд, несколько самонадеянное. Ведь тропинка в макрокосм печатного слова у Алексея Валентиновича по сю пору единственная – журнал «Знамя». Сколько могу судить, редакционная политика там достаточно своеобразна: качество текста вторично, первичны политические взгляды автора (предпочтительны либеральные). Достаточно вспомнить двух лауреатов знаменской премии: В. Бенигсена и – тьфу-тьфу, чур меня! – С. Самсонова. Само собой, министр, он же наперсник Гайдара, проходит здесь под грифом VIP.

Знаменский главред С. Чупринин, определяя графоманию, констатировал: «Стихи графа Хвостова и даже капитана Лебядкина не только не так уж плохи, но и могут рассматриваться как отправная точка для художественных инноваций» («Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям»).

Такая точка зрения по нынешним временам вполне закономерна.

Философ А. Носиков в «Апокалипсисе ноосферы» писал: в нашу эпоху тезисы и антитезисы бытия синтезируются. Не берусь судить о ноосфере,

но в словосфере подобное единство противоположностей тождественно апокалипсису. А потому в любой подшивке «Знамени» графо... извините, художественных инноваций не то что на словарную статью, – на целый справочник хватит. С Улюкаевым на почетном месте.

vox populi

«Любезен, не любезен ли народу...»

А. Улюкаев

Допускаю, что могу быть необъективен. Потому охотно предоставляю слово экспертам из поэтического цеха. Не так давно столичный издатель Е. Степанов устроил на своей фейсбучной странице обсуждение улюкаевской лирики. Растроганные стихотворцы горевали и плакали откровенно, – то вместе, то поврозь, а то попеременно.

А. Нестеров: «Как нужно не уважать читателей журнала, а главное себя, издателей, чтобы публиковать такую чушь...»

Н. Кондакова: «Обыкновенный графоман Улюкаев и обыкновенные игры журнала, готового лечь под любого, кто даст денежек на премии и фуرشеты. стыдоба».

Е. Степанов: «Самое страшное в том, что бездарность может не только опубликоваться. Но и получить положительные отзывы. Скоро и литературные премии начнет получать. Вот что такое – современный литературный процесс».

(Подробнее: <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=7158>).

апология маркса

«Ставь точку. Избавляйся от эмоций».

А. Улюкаев

Я вот думаю: а и напрасно же копыя ломаем. Ведь происходящее более чем естественно – вполне по Марксу, безвинно сданному в архив. Закон соответствия базиса и надстройки работает безотказно. Мы без зазрения совести именуем нефтяную трубу экономикой. И потому «вклеименную сковороду» можно считать поэзией с полным на то основанием. В чем и подписуюсь.

СЕРГЕЙ СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ СТАВРОПОЛЬ

Поэт, главный редактор Международного поэтического интернет-альманаха 45parallel.net.

Родился 10 мая 1952 года в Северном Казахстане, живёт и работает на Северном Кавказе. Окончил филфак Ставропольского государственного педагогического института и сценарный факультет ВГИКа. Член Союза российских писателей, Союза писателей XXI века, Южнорусского союза писателей и Союза журналистов России. Автор термина «поэллада», восьми книг стихов и многочисленных публикаций в периодике. Лауреат ряда литературных конкурсов. Награждён медалью Императорского ордена Святой Анны — в ознаменование заслуг перед отечественной культурой.

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ

Глобальные пророчества: от Монреаля до Мельбурна

Господь не читает всех ваших газет!

А впрочем, наверно, и книг не читает...

Есть белый, давно им прочитанный, Свет.

Его перечитывать — сил не хватает.

Юрий Беликов

– Ваше издание проживёт пять лет. Потом нужно либо название поменять, либо избрать другой формат – и тогда вам снова улыбнётся удача...

Эти слова, сказанные астрологом Тамарой Глоба, я помню до сих пор. Она дала большое интервью московскому корреспонденту газеты «45-я параллель», моему другу и однокашнику по ВГИКу Славе Лобачёву, в канун тысяча девятьсот девяносто первого. К той поре наше издание, набравшее двухсоттысячный тираж, распространялось практически по всему постсоветскому пространству. Его покупали и читали в Киеве и Караганде, Вильнюсе и Тбилиси, Минске и Ташкенте, Симферополе и Владивостоке. Подписчики ежемесячника завелись даже в Израиле, Канаде, Франции.

Первый его номер – ай да шуточка размашистая, особенная! – вышел первого апреля девяностого. Подсчитать нетрудно: астролог провесила маршрут для «сорок пятой» аккуратно до весны девяносто пятого...

Стоп-кадр. Демон-искуситель? Нет-нет: Ангел-спаситель! Таким навсегда останется для меня Михаил Григорьевич Новиков, создавший и возглавивший Ставропольское краевое отделение Советского фонда культуры. Он присматривался ко мне несколько лет. Одной из наших совместных акций стал опрос в «Ставропольской правде», где стоять памятнику М. Ю. Лермонтову, ну а потом и конкурс на лучший вариант скульптурного воплощения поэта...

Осенью восемьдесят девятого Михаил Григорьевич возник на пороге моего служебного кабинета внезапно – мы обычно заранее договаривались о встречах.

– Серёжа! Чувствую, вам изрядно обрыдла протоптанная журналистская стезя – такая грусть-тоска в глазах ваших... неизбежная. А не рвануть ли Сутулову на волю вольную?! У репортёра, тем паче, у заведующего отделом культуры партийной газеты две дорожки – одна приводит в объятия крайкомовских богинь, другая – в объятия... Бахуса. Я предлагаю вам иной путь!

Пришлось испросить у некурящего гостя разрешения на некоторое задымление кабинета... А седовласый Новиков, точно годящийся мне в отцы, продолжил:

– В новом году мечтаю увидеть газету, издаваемую под эгидой Фонда. Какой ей быть, это от вас, молодой человек, напрямую будет зависеть!.. Если, конечно, Сутулов примет предложение стать главным редактором издания. Полную свободу творчества га-ран-ти-ру-ю!..

«Сорокапятку» мы затевали вместе с коллегой Марком Шкляром в уютном кабинете «Ставрополки», где рождались репортажи, стихи, анекдоты, очерки, пьесы. Именно в этом государственном помещении «внутренние эмигранты» уселись за особый проект, отвергающий практически все официозные устои и установки. И короткими январскими днями, и длинными зимними вечерами шёл процесс придумывания принципиально новой 24-полосной цветной газеты...

Положа руку на сердце, признаюсь: вырастет ли наше детище до масштабов всесоюзного и международного ежемесячника, мы, конечно, не ведали. Но задумывали его с бесшабашным размахом: и по объёму, и по тиражу договорились изначально – аналогов новому изданию на всём Северном Кавказе никто не сыщет!

К началу девяностого года (прошлого, братцы, века!) Сергей Сутулов и Марк Шкляр – к великой радости Василия Курилова, «рулившего» «Ставрополкой» вместо Бориса Кучмаева, – из редакции уволились. Я, бывший тогда ещё просто Сутуловым, покинул ряды редакции сразу, Марк, поосторожничав, взял для «отмазки» отпуск. Шкляр макетировал, я – редактировал. И оба, «в два ствола», дымили. Не скучали...

Да и завистники скучать не давали. То ответсек Валерий Попов, ядрено матерясь, залетит: «Выметайтесь! Вы здесь не работаете!» То бывшие сотоварищи по редакции канючить начнут: «Сутулов, возьми в штат!» А случались и звоночки с угрозами расстрельными...

Стоп-кадр. В марте памятного для меня девяностого года издание было готово под «ключ». Уже и название ежемесячника получило фирменную голубоватую подложку, и все-все страницы «улеглись»... Но в воздухе завис вопрос: каким будет плакат, открывающий первую полосу?! В итоге прошла идея Марка: колокол, подвешенный в

багетной раме, как бы надкалывает её и вызванивает: «Аз, буки...» А по периметру всей страницы бегут буквы современного русского алфавита, набранные непарелю. Так что художнику Саше Макушенко пришлось изрядно попотеть, особенно над роскошной «багетиной». Зато резонанс превзошёл все наши ожидания...

Позднее в раме оставил свой автограф Никита Михалков, понимающий толк в спецэффектах:

С пожеланием успешного продолжения
выпуска этой нужной газеты!

Необходимо это продолжить!

Ваш Н. Михалков.

30.03.96.

...А тогда колокол «разбудил» Союз журналистов. «Синьками» мы называли оттиски с газетных полос, обработанные особым типографским раствором и лиловевшие, словно закатное небо. Они и предваряли последний этап – перед командой: «В печать!» Вычитав (до единой запятой!) все 24 страницы этих самых «синек», мы с Марком свет Семёнычем покуривали в кабинете, с которым нам предстояло распрощаться навсегда... Звонок! На проводе – заместитель редактора главной газеты края:

– Тёзка! Загляни ко мне, кое-что нужно срочно обсудить...

Через минуту пожимаю руки Сергею Белоконю и секретарю краевой организации Союза журналистов Александру Бересневу.

– Старик! – улыбается «Конь». – Хорошую газету вы с Марком соорудили. Просто класс!

– А ты откуда знаешь?! – вскидываюсь я, ещё ни о чём не подозревая.

– А «синьки» на что? – лукаво парирует Сергей. – Их в крайкоме прочли... Даже там оценили...

Свирипея, сдерживаюсь, дабы не сбиться на непарламентские выражения и спрашиваю:

– Чего вы хотите, господа хорошие?!

– Строчку малюсенькую под «фирму» добавить, – вступает в разговор Саша Береснев. – К фразе «Издание Ставропольского Фонда культуры» присоединить продолжение: «...и краевой организации Союза журналистов СССР».

– Дудки! Делайте свою газету! – ору, направляясь к двери.

– Дудко вас печатать не будет, – иронизирует Сергей, ценящий каламбуры.

Пять минут спустя Марк Семёнович наносит визит директору издательства «Ставропольская правда» Александру Дудко и задает ему два вопроса:

– Шеф, тираж на несколько месяцев вперёд проплачен? Печатать будете?

Призрак крайкома КПСС и призрак марковского «Капитала» зримо замаячили в директорском кабинете. Наш «Колокол», видимо, заглушил угрозу большевистского реванша, и Дудко избрал верный путь: «Деньги – товар – деньги». Он успокоил моего зама и позвонил в цех:

– Запускайте машины!

...Прости меня, Серёга, прости. Я долго публично не здоровался с тобой, не протягивал свою пятерню твоей навстречу. Хорошо, что позже сумел понять: ты – нормальный мужик, талантливый журналист. Только жаль, «Конь», что усакал ты в сторону вечности слишком рано...

Стоп-кадр. «Эх, время, время, времечко...» – поёт Николай Расторгуев. Я, тихонько подпевая ему, полагаю-таки, что жизнь не зря пролетает. (Не пролетела ещё, черти бешеные, не пролетела!..) Марк Шкляр, помнится, по случаю дня рождения нашей «Сорокапятки» удумал пир на весь мир учинить. Ну там банкет в «Интуристе» – с приглашением действующих лиц и исполнителей проекта. Угу: ужин при свечах и дамах состоялся...

Но неугомонная натура Марка требовала иных масштабов.

Шкляр рассуждал так: если мысленно обогнуть земной шарик по 45-й северной широте, то на этот гигантский «шампур» великое множество стран нанижется. Соответственно – национальных кухонь. Кулинара Марк подбирал с пристрастием. Особо поразил его невиданными рецептами Евгений Шипов. Вообще-то Евгений Юрьевич по специальности – врач-анестезиолог. Однако и гурман великий. Отведав десятки блюд в исполнении Шипова, Шкляр доверил ему рубрику «Пир репортёра».

И баловал наш кулинар читателей рецептами, а гостей-45 – салатом из одуванчиков и черемшой, запечённой с яйцом, холодцом из вишен и щами из иван-чая. А ещё дарил изыски даргинской и лезгинской, казахской и монгольской, китайской и японской кухонь. Одна беда преследовала Шипова: Марк жил через дом. И не единожды наведывался к волшебнику глубоко за полночь с трепетными просьбами приготовить что-нибудь этакое из полутораметрового судака или юного кролика, напрашивался на рюмочку текилы или бокал чешского «Дипломата». И только ангельское терпение Жени спасало эпикурейца Марка от циничной, но естественной в подобной ситуации фразы: «Вот Бог, а вот порог!»

Стоп-кадр. Сергей Сутулов вышел из рядов КПСС летом девяностого, естественно, века двадцатого... Мама упросила меня ничегошеньки не говорить отцу о собрании коммунистов Ставропольского краевого отделения Советского Фонда культуры. Хотя бы потому, что отпрыск Елены Катеринич и Владимира Сутулова, ставший беспартийным, но продолжавший работать главным редактором «45-й параллели», угодил в «чёрные списки», припасённые внуками большевиков для общего «светлого дня». (Наш международный, однако «безбашенный», с точки зрения ортодоксальных ленинцев, ежемесячник-45 зело раздражал функционеров крайкома КПСС. Они-то и намекали, что «особый день» настанет... И фронтовику Новикову, демонстративно покинувшему ряды коммунистов, всё-всё припомнят, и главреду «фрондёрской газеты» Сутулову все его выверты боком выйдут – как пить дать!..)

Через год с небольшим, 19 августа девяносто первого, по «телику» начали вертеть и крутить лебедят Чайковского, а потом экраны практически всех каналов страны заполнили гротескные физиономии членов ГКЧП. Их смачные образы здорово смахивали на карикатуры Кукрыниксов... Но не до веселья было! Две ночи напролёт мы слушали радиостанцию «Эхо Москвы», смотрели выпуски уже запрещённых российских «Вестей», убеждаясь: пьяный Янаев и смешон, и страшен!

Мой первый заместитель по «45-й параллели» Марк Шкляр вошёл в контакт «особого рода» с кэгэбэшниками. Его информация, пусть и одобренная аховой дозой водки, которую он «уговорил с офицерами», пившими с вечным репортёром МС на брудершафт и бывшими, меж тем, «при исполнении», по сути своей содержала приговор каждому из «вольных художников»...

Рассказ Семёныча – в сухом остатке! – настраивал на самый мрачный лад... Вахтёрша «Ставропольской правды», ещё вчера добродушно пропускавшая наших журналистов и корректоров в здание издательства, размахивая какими-то листочками, орала: «Только через мой труп! Готовься, Сутулов, шмотки собирай – за тобой поутру “воронок” придет!...»

А в столице специальный корреспондент «45-й» Вячеслав Лобачёв стоял в кольце защитников «Белого дома»... (Его репортаж «Смеешь выйти на площадь...» мы опубликуем на целый разворот в сентябрьском номере «Параллели»). Но это случится через месяц, а тогда сотрудники редакции готовились собственными судьбами перепроверить тяжесть слов «репрессии», «поражение в правах», «десять лет без права переписки» – слов из времён отцов и дедов. Терминов, изрядно потрёпанных, истончившихся уже на моей памяти – на страницах «Огонька», «Московского комсомольца», «Нового мира»... Не сомневаюсь: новоявленная камарилья раскавычила бы режимные гулаговские формулировки – по своим приклатнённо-коньячным понятиям. Раскавычила их, раскорячила нас, глазом не моргнув! Дура янаевская...)

И отнюдь не каламбура ради, а исторической справедливости для озвучу здесь окрик Юрия Карякина: «Одумайся, Россия, ты одурела!» Впрочем, насколько помню, этот умный публицист взволновался чуток попозже. И по иному поводу. Хотя, по глубинной сути, лицедеи театра ЛДПР мало чем отличаются от «звёзд» ГКЧП...

Форос обернулся фарсом... Бывшие верные внучата Ильича нынче в церковь ходят, жаждут к мощам Иоанна Крестителя прикоснуться, всё новые и новые партии плодят, шаманят, протаскивая в умных думах спасительные, а на поверку – подлые законы. Но ни один из них меня в свою веру не обратит!

Спасибо, мама, спасибо, отец, вы подарили сыну несминаемую память...

Ещё раз отмотав киноленту воспоминаний назад, чуть по-другому взгляну на лето девяностого. (Уж так случилось, что коммунисты Ставропольского фонда культуры на целый год опередили события. Ведь только после жуткого августа девяносто первого народ стал пачками покидать стройные ряды КПСС). Щелкопёр из Октябрьского райкома понятно какой партии дотошно зафиксировал слова Сергея Сутулова: «За десять лет работы в “Ставропольской правде” я, журналист, сын журналиста, сполна рассмотрелся на художества “честных коммунистов” – от секретарей краевого комитета до партийных сошек колхозного масштаба. Вот почему, безмерно устав от вранья, царящего и в стране, и в крае, покидаю их стан с лёгким сердцем...»

Мой сотоварищ по «сорок пятой», пожизненно беспартийный Марк Шкляр, которому, однако, разрешили присутствовать на историческом собрании, не преминул заметить: «Звонкая нота прыгнула с параллели горбатого стана. Твой паровоз, Серёга, похоже, до коммуны не добрался!»

Ты прав, Марк Семёныч: ни мой, ни наш общий паровоз до коммуны не дотянул. Но представь на минуточку: сытые и наглые преемники партии Ленина-Сталина-Брежнева взяли реванш в августе девяносто первого. И тогда Сутулов-младший наверняка бы по этапу загремел, а его мать, Елена Катеринич, сушила бы сухари и вспоминала свой карагандинский ГУЛАГ...

Стоп-кадр. «Из первых рук», «Первоисточник», «Вольтеровское кресло» – так, сменяя друг друга, назывались полосы, гостями которых в «45-й» (и прилагаемому к ней «Кругу чтения») становились Дмитрий Лихачёв и Булат Окуджава, Иннокентий Смоктуновский и Михаил Жванецкий, Рой Медведев и Юрий Никулин, Анатолий Собчак и Алла Пугачёва, Борис Стругацкий и Александр Градский, Эльдар Рязанов и Юрий Соломин, Александр Розенбаум и Андрей Макаревич, Борис Заходер и Николай Старшинов... Всех звёзд первой величины не перечислить.

Журналисты издания умудрялись брать интервью у политиков, деятелей культуры, науки и искусства не только в их рабочих кабинетах или за кулисами, но и в VIP-залах аэропортов, Доме кино, картинных галереях и даже на... пляже.

Беда заключалась в другом. Фирменные рубрики то и дело умыкали конкуренты. Они всплывали и в региональных, и в центральных изданиях. Даже «Комсомолка», помнится, как-то «увела» нашу «Золотую середину». Марк, посокрушавшись час-другой, предлагал всё новые и новые варианты. Так он застолбил тематические полосы «Гамбургский счёт», «Книга судеб», «Only for us»...

Согласитесь, не каждое издание могло позволить себе роскошь пригласить в собеседники Владимира Войновича, Юлия Кима, Вячеслава Кондратьева, Нурсултана Назарбаева, Александра Кабакова, Сергея Снежкина, Евгения Бачурина. Пригласить, а зачастую и опубликовать новые произведения известного поэта, прозаика, политика... Звону в Вильнюс. Там в начале девяностых надумал «пособкорить» Марк.

– Ты где был-пропадал?!

– На даче у Плисецкой!

– Врёшь!

– Пришлю серию фоток и текст для новой рубрики «Великие в шлёпанцах».

– Ты саму Майю Михайловну видел?!

– Нет, пардон. Вокруг её дачи ошивался! С народом общался. Фактура – сам увидишь, обалдеть!

Стоп-кадр. Борис Смоль, специальный корреспондент «45-й», написал серию материалов «Корни и крона», в которых мы обнародовали малоизвестные и совсем не известные сведения из жизни Александра Исаевича Солженицына, воспоминания о нём родных, близких, друзей и частных лиц, соприкасавшихся с его судьбой на Родине. Наш ежемесячник поступал в Библиотеку Конгресса США, в ней-то великий писатель и познакомился с изысканиями о себе.

Привожу письмо Александра Исаевича, присланное на адрес Бориса Смоля, жившего в Пятигорске, из Кавендиша (штат Вермонт, США):

3.6.91.

Уважаемый Борис Яковлевич!

Спасибо за присылку хороших фотографий Ксении Васильевны и Саши Михеева-младшего, за копии моих писем к Саше Михееву-старшему. Дневник учительницы я отдаю перепечатать, потом при okazji, если надо, верну. Но вообще мы в Мемуарной библиотеке сохраняем всё наилучшим образом. Читал Ваши корреспонденции, целую серию. Действовали Вы находчиво, кое-что нашли и побеседовали кое с кем из близких моих. Но вот если «Новый мир»

осилит – напечатается Пятое дополнение к «Телёнку», – узнаете и Вы побольше.

Всего доброго.

Стоп-кадр. У каждого из журналистов, работавших в штате «сорокапятого» ежемесячника, был свой приём. Валерий Перевозчиков козырял «Анкетой Достоевского». Вячеслав Лобачёв заводил дискуссии о Бергмане, Тарковском, Феллини. Борис Смоль «косил» под простачка, не умеющего включать диктофон... Марк Шкляр, обладавший феноменальной памятью, никакой технике (кроме старенькой пишущей машинки) не доверял. Он владел всеми секретами стенографии. К тому же – «ловил народ на анекдот». Чему и братьев по перу учил...

Анекдот от Марка Захарова (записал Марк Шкляр):

Первая поездка «Ленкома» в Париж. Нас пригласил Пьер Карден. Перед гастролями к нам явился небольшого роста крупный специалист по проблемам поведения советского человека за рубежом. От него мы узнали, что в Париже к нам будут подходить с одним и тем же: «Продай Родину! Продай Родину! Продай! Или хотя бы часть Родины!..»

Анекдот от Юрия Никулина (записал Вячеслав Лобачёв):

После войны единственной пищей в Москве была картошка. И вот выходит на арену Карандаш с мешком картошки и садится верхом на него.

Его спрашивают:

– Карандаш! Чего ты сидишь и молчишь?

А он отвечает:

– Вся Москва сидит на картошке и молчит...

Стоп-кадр. А теперь вернусь к предсказанию Тамары Глоба, которое поначалу показалось мне милым анекдотом. Как бы не так! Всё из напророченного астрологом сбылось. Увы, случилось... Названия мы не сменили, как и формат: за них держались до последнего... Хронические неплатежи многочисленных «вольных» партнёров из Караганды и Киева, Вильнюса и Ташкента, Тбилиси и Симферополя, Алма-Аты и Владивостока вынудили редактора-45 Сергея Сутулова, то бишь вашего, читателя, слугу покорного, закрыть проект, несмотря на то, что потенциальных соучредителей – в лице творческих союзов, министерств, ведомств и... мафиозных «доброжелателей» – было хоть отбавляй...

Я продолжал работать журналистом, снимал документальные фильмы, сочинял стихи, выпустил авторские сборники «Дождь в январе», «Азбука Морзе», стал участником масштабного проекта Юрия Беликова «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов», активно печатался в международном интернет-издании Георгия Жердева «Сетевая Словесность», вступил в Союз российских писателей.

Знакомство именно с этими людьми и натолкнуло меня, Сутулова, ставшего ещё и Катериничем – в память о матери! – на мысль возродить «45-ю параллель». Испросив благословения у жены своей Натальи (Музы – по совместительству... иль наоборот?!), стал собирать команду единомышленников.

Кроме Юры Беликова и Жоры Жердева, пригласил в редколлегию нового интернет-альманаха, носящего прежнее имя, своего давнего друга, сокурсника по ВГИКу и

соратника по изначальному изданию Славу Лобачёва, а ещё поэтов — Ирину Аргутину из Челябинска, Эмиру Травину из Харькова, Владимира Монахова из Братска, дизайнеров Александра Шапошникова и Татьяну Литвинову, живущих в Ставрополе.

В команду-45 нынче входят также Андрей Баранов (Москва), Борис Вольфсон (Ростов-на-Дону), Вера Зубарева (Филадельфия), Наталья Крофтс (Сидней), Лера Мурашова (Москва – Нальчик), Сергей Плышевский (Оттава), Сергей Смирнов (Кингисепп), Георгий Яропольский (Нальчик).

Идут годы, и «45-я» дарит читателям всё новые и новые имена ярких неповторимых поэтов. А жизнь дарит редактору-45 сногшибательные сюжеты!

Стоп-кадр. Итак, наши координаты в Интернете: www.45parallel.net. Виртуальная версия первого номера «45-й параллели» вышла 21 июня 2006 года с подзаголовком: «Поэтический альманах». Этим мы, члены новой редколлегии, подчёркиваем, что наши интересы сосредоточены на рифмах, ритмах, образах. Нынешний тираж издания, понятное дело, немереный: бессонный Интернет не ведает ни границ, ни расстояний... Прощай, «Сорок пятая»! Здравствуй, «Сорок пятая»!

В очередной раз хочу поклониться художникам: Александру Макушенко, давным-давно улетевшему в Штаты, – за фирменный логотип-45, а Татьяне Литвиновой – за его обновлённую версию, пульсирующую на экранах, в которые всматриваются поэты, читатели, случайные визитёры.

С благодарностью вспоминаю имена живописцев и графиков Геннадия Ткаченко, Владимира Ненашева, Александра Сараткина (царство тебе небесное, Саша!), Юрия Багдасарова, Евгения Склярова, Юрия Атрёпова, Евгения Синчинова – их герои и сегодня путешествуют буквально по всем страницам виртуально-реального альманаха. Поразительное дело: благодаря новой «Сорокапятке» меня разыскали и Саша Макушенко, о котором я успел вам рассказать немало, и Соня Краснянская, тоже живущая в Америке, а в Ставрополе редактировавшая два коллективных поэтических сборника, вобравших в себя и мои вирши...

Увы и ах, ох и не моги: Марк Шкляр, по слухам проявлявшийся в Израиле, пока на связь не вышел. Знаю, что жив. И то – слава Богу!

Зато встречный – на параллельных курсах! – поиск привёл к тому, что я стал общаться с друзьями детства и юности – Володькой Розенштейном, Таней Коваленко, Валерой Мануйловым, Людой Уральской, Сашей Едигаровым, Ирой Кочаровой, Лёвой Докторским...

Стоп-кадр. Жил-был мальчик. Звали его Саша. Саша по фамилии Коган. Во времена оные мы опубликовали его юношеские творения в бумажной «Сорокапятке». На долгие-долгие годы какие-либо контакты с ним были утрачены. В феврале-2014 я наткнулся на страничку Александра – в системе «Фейсбук». Поискал и обнаружил его стихи в нескольких интернет-изданиях... Замечательный поэт! Выяснилось: Саша уехал в США в начале девяностых, правда, иногда объявляется в России. На приглашение вновь «засветиться» в альманахе он охотно откликнулся, а в своей биографической справке посчитал нужным написать:

Женя Мосин, мой друг, тоже студент Ставропольского государственного медицинского института, в 90-м уговорил отдать подборку стихов в ставропольскую же «45-ю

параллель». В начале 91-го подборку напечатали, газета продавалась во всех киосках Пятигорска, и я ходил по родному городу с ужасом. Но когда, обмакнув перо в чернильницу, расписался на почте за получение гонорара в 200 рублей, ужас прошёл. Последующие вечера с друзьями были – как из рога изобилия. С тех пор гонорара за стихи у меня не бывало...

Наш стартовый раздел ИЗ ПЕРВЫХ РУК – компас, позволяющий ориентироваться в пространстве, времени, именах альманаха-45. Это – с одной стороны. С другой – в этом разделе мы публикуем эмоциональные впечатления, аналитические статьи, критические обзоры, связанные с поэтическими акциями по обе стороны сакральной широты – к северу и югу (ну и, конечно, к западу и востоку от малой родины электронного проекта). Представлены у нас и такие рубрики: ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, ВОЛЬТЕРОВСКОЕ КРЕСЛО, ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ, СИМ-СИМ и другие, каждая из которых презентуется особо. Сквозным мотивом стал АВТОГРАФ ИЗ АРХИВА. А финальный раздел ТОСТ ЗА СКОБКОЙ решён как своеобразный вариант виртуального форума.

Стоп-кадр. «Ужас» и «восторг» – по-моему, я нашёл два ключевых слова, определяющих суть поэзии. Ведь после того как на свет Божий является СТИХОТВОРЕНИЕ, всегда нестерпимо страшно: а вдруг больше никогда не вернутся ритм и рифма, образ и загадка?! А какая великая радость сопровождает и собственные находки, и открытия других!

Прозрения, предсказания, пророчества поэтов, которые живут в одну с тобой эпоху. Вот почему, думаю, принципиально важно возрождение главной идеи прежней «Сорокапятки», которая изначально базировалась на понятии «соборность».

Да, печатная «прародительница» виртуального проекта именно так и замышлялась: собирать ярких русскоязычных авторов, прописанных кто где: у чёрта на куличках, на верхней полке общего вагона, в Париже, Одессе, Хабаровске, Мельбурне, Монреале... Правда, сегодня, считаю, актуален поэтический акцент — прозаикам всё-таки полегче: газет, журналов, альманахов, где их печатают, предостаточно. А вот поэтам – на любых параллелях и меридианах! – несладко, ой, несладко приходится.

Стоп-кадр. Самооценки губительны, другое дело – самоирония. Она спасает. Вот и напишу: честно сказать, не знаю, сколько нынче в «45-й» авторов. По последним данным веб-мастера Сани Шапошникова, их число перевалило за тысячу! Точно перевалило?! При желании по «Карте сайта» пересчитать можно...

Другое дело, что я отлично помню имена и фамилии поэтов, составляющих гордость нынешней русскоязычной литературы. Они живут в России, Украине, Германии, Франции, Дании, Израиле, США, Канаде и даже Австралии, ей-богу!

Мой давний друг Слава Лобачёв то и дело преподносит сюрпризы, пополняя классический раздел – ВОЛЬТЕРОВСКОЕ КРЕСЛО. В активе вечного московского собкора-45 – эссе о Булате Окуджаве, Борисе Заходере, Владимире Высоцком, Николае Старшинове, Александре Галиче, Алексее Васильеве, Александре Городницком и... Впрочем, грех жаловаться и на других членов редколлегии, а также на многих авторов, полюбивших кресло, не зря прозванное вольтеровским.

В разделе ВК представлены Анна Ахматова, Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Арсений Тарковский, Кязим Мечиев, Семён Липкин, Ярослав Смеляков, Валерий

Перелешин, Юрий Мандельштам, Семён Кирсанов, Борис Слуцкий, Николай Глазков, Борис Чичибабин, Александр Межиров, Ион Деген, Наум Коржавин, Владимир Соколов, Инна Лиснянская, Генрих Сапгир, Герман Плисецкий, Юрий Ряшенцев, Юрий Влодов, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Лев Лосев, Белла Ахмадулина, Николай Рубцов, Иосиф Бродский, Леонид Филатов, Юлий Ким, Игорь Губерман, Леонид Губанов...

Многие материалы рубрики ВК, можешь не сомневаться, скептический читатель, нигде не дублируются и основываются на личных впечатлениях поэтов, прозаиков, журналистов, которым судьба даровала дружбу, встречи или переписку с великими – без кавычек и... шлёпанцев! Есть и эссе, основанные на изучении архивных материалов, связанных с именем того или иного крупного поэта, – доступ к ним родственники/наследники открывают, естественно, зная, в каком издании появится готовящаяся публикация. Авторами «Параллели» стали такие известные мастера слова, как Владимир Алейников, Виталий Амурский, Евгений Витковский, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Кирилл Ковальджи, Юрий Кублановский, Борис Юдин, Марина Кудимова, Юрий Беликов, Александр Габриэль, Олег Горшков, Александр Кабанов, Константин Кедров, Юрий Кобрин, Вадим Ковда, Сергей Кузнецких, Елена Максина, Юрий Перфильев, Борис Марковский, Вероника Долина, Иван Жданов, Сергей Плышевский, Лада Пузыревская, Юлия Драбкина, Валерий Рыльцов, Марина Саввиных, Михаил Юдовский...

Светлая память замечательным поэтам, моим реальным и виртуальным друзьям – Михаилу Анищенко, Владимиру Лаврову, Игорю Царёву, – они с явным удовольствием присылали в Ставрополь свои стихи.

Члены команды-45 реализовали и несколько крупных книжных проектов, среди которых – «45-я параллель. Антология» (М.: Вест-Консалтинг, 2010. 528 с.); «Антология XXI века» (СПб.: Алетейя, 2013. 2 тома по 254 с.), «45: параллельная реальность» (Ставрополь: АГРУС, 2014. 340 с.). Здесь, полагаю, уместны выдержки из статьи Марины Кудимовой «45/54», посвящённой антологии «45: параллельная реальность» (полный текст рецензии опубликован в «Литературной газете» 11 февраля 2015 года):

Желание писать – и писать во что бы то ни стало именно стихами – сегодня полностью развеивает миф о том, что поэзия «устарела» и «никому не интересна». Феномен эпохи заключается в том, что количество пишущих близко к тому, чтобы сравняться с количеством читающих. Многим это кажется противоестественным и гасящим ореол над челом Поэта – традиционно сакральной в России фигуры. Но от такой данности деться некуда, и её ещё предстоит осмыслить. Лауреат премии им. Дельвига и автор «ЛГ» Юрий Беликов пишет:

*...с подорванной системой корневою
вот дерево. Оно ещё живое.*

Но знает, что с ним будет впереди.

Поэзия – не знает или не верит в такую предопределённость. Перед нами – новая попытка соединения «корневой системы». Георгий Яропольский так завершает напутствие собранным вместе поэтам: «...хочу напомнить много раз цитированные, но от этого не ставшие менее верными слова Евгения Винокурова: «Когда Поэзия есть, она может некоторыми людьми не замечаться, но когда её нет – все начинают задыхаться».

Как сказал замечательно переведённый тем же Яропольским балкарец Мурадин Ольмезов:

*Я выводил из города деревья,
а там они уже шагали сами...*

Интернет-альманах-45 – вечный странник. Его презентации – те самые, вживую! – с авторским чтением стихов, песнями на стихи поэтов, публикующихся в проекте, прошли в Москве (библиотека имени М. Ю. Лермонтова, Центр имени А. Т. Твардовского, библиотека имени А. П. Чехова, Булгаковский дом), Филадельфии, Киеве, Ростове-на-Дону, Нальчике, Ставрополе... Новые встречи – в рамках фестиваля Сокровенные свирели «45-й параллели». 1990 – 2015 грядут в самых разных городах, к примеру, в той же Белокаменной и Санкт-Петербурге, а ещё – в Сиднее, Мельбурне, Торонто, Франкфурте, Иерусалиме, Одессе, Челябинске...

В сезонах 2006 – 2015 под эгидой нашего альманаха состоялось несколько международных поэтических конкурсов. Один из них – «45-й калибр», собирающий ярких мастеров слова, живущих в самых разных странах мира, – стал традиционным...

Стоп-кадр. На сегодня, пожалуй, хватит. И на завтра – тоже. Хочется верить, что не зря я тут польку-бабочку плясал, ну и вальсировал понемножку: найдутся-сыщутся читатели, которые всенепременно займутся текстами, обнародованными по нашенскому параллельному адресу. Да так и «зависнут» в альманахе, ибо классного чтения здесь предостаточно. Классного, внеклассного, вечного.

И не верьте, друзья мои, пустоголовым, утверждающим, что русская поэзия давно умерла. Она живее всех ильичей, вместе взятых, важнее толстых партийных портфелей и сочнее вкусных, но жирных форелей...

P. S. Никаких предсказаний Тамара Глоба нам больше не выдавала. Честно скажу: не стали мы разыскивать её. Как и обращаться за советами к другим астрологам. Решили обойтись своими силами и самостоятельно разгадывать звёздные кроссворды... Поэтам, не сомневаюсь, глобальные пророчества по плечу!

2006, июнь, авторская редакция — 2015, январь-март

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД ИЗРАИЛЬ

Послевоенный одесский выпуск. Детсад. Стишки. Школа. Pamфлеты. Армия. Боевой листок. Женитьба. Лирика. Одесский Водный. КВН. Дочка. Песенки. Одесский морской торговый порт. Юмор. Проектный институт. Сатира. Фельетоны. Внуки. Сказки. Одесская мэрия. Документы. Афоризмы. Израиль. Иврит. Междометия. Фразы. Стихи. Международный конкурс сатириков и юмористов 2006 – 1-е место в номинации «Афоризмы».
Девиз - «Предположим, что всё хорошо».

ФРАЗАРИЙ

До чего же мудро не засорять свои мозги чужими афоризмами. А чужие мозги - своими.

Хочешь удивить Бога - поверь в него.

Нет вдохновения - ничего не попишешь.

Йоханный Себастиан Бах

Вредно много знать. Особенно вредно знать, что много знать вредно.

Афроквадрат Малевича.

Логопед высшей квалификации лечит заикание у глухонемых.

Зачем мне ваши воспоминания? Мне бы свои успеть вспомнить.

В юности я был моложе.

Щедро оплакивал услуги адвоката.

Ей удалось сделать в Москве карьеру женщины.

Была на седьмом месяце от счастья.

Мой совет: без обучения не целуй её.

Автопортрет с санкцией на коленях.

Да я на оба ваших дома...

Нам альмаматерность ещё не запретили?

Содом не потяну - мне б справиться с Гоморрой.

Для оргии миньян не собирают.

Не послать ли отцов нации к праотцам за опытом?

Мы ещё увидим небо в шлимазлах.

Это просто слухи, что Ленин прибыл в Петроград в запломбированном зубе.

Я не разделяю ваших убеждений и готов умереть за моё право ничего о них не знать.

Сильному чувству требуется выход в виде входа.

Жуткоязычное население.

Почитай мне перед сном сто долларов.

Пора сделать пару подтяжек. Жаль, нет турника.

Патологоанатом дома занимался самокопанием.

Песня ушла в народ. Побираться.

Служить бы рад, да кризис, безработица...

Иных уж нет. И не надо!

Наследник по прямой пошел по кривой дорожке.

Больше трёх он и не собирался.

Поставить личный рекорд продолжительности жизни можно только дожив до глубокой старости.

За его домогательствами ничего не стоит.

С возрастом женщины становятся неродивыми.

Ну, ты и даёшь...

Вредная жена - друг индийцев.

Нашел хорошее место рождения - пробури скважину.

Со временем отдушина превращается в обычную скважину.

Жена - ходуля, муж - ходок. Даже дети у них - ходики.

Шекспир на оба ваших чума!

Если русский человек долго запрягает, то его кобыла начинает запрягаться сама.

Известная мудрость гласила. Гласила, гласила, гласила, гласила. Аж надоело.

Переход Суворова на зимнее время.

Веспасиан: «Тит, иди молотить храм».

На три буквы становится тише.

Говорят, инопланетяне - очень верующие.

Я покажу вам мать Тетрова-Водкина!

Будешь зреть в корень, - плоды разворуют.

Евреи виноваты также и в распитии Хереса.

Жизнь даётся человеку. Но бывает, что и не даётся.

Добрая половина человечества не добра.

Скорее бы уже этот негодяй познал истину в последней инстанции!

Главный вопрос повестки дня заседания правительства : «Формирование приоритетных национальных приколов».

Снег выпал в осадок.

Имеющему уши да надерут их.

Из меня можно легко верёвки вить, если замочить хорошенько.

Девушка трудилась, не щадя низа живота своего.

Каждая кухарка должна научиться управлять сложной кухонной техникой.

А принял ли ты на ночь христианство?

Нет, в этой позе муж мне запрещает.

Не стой со свечкой! Тоже поучаствуй.

Прелюбодействуй! Мы потом замолим.

Скажи жене, что я тобой довольна.

На ощупь ты еврей. Магометанин?

Про воздержание жене своей расскажешь.

Геронтофилов я знакомлю с мамой.

Во мне в тебе хорошего не много.

Такая прихоть стоит вдвое больше.

Хотеть не вредно. Не хотеть - опасно.

Аналитику нальёте?

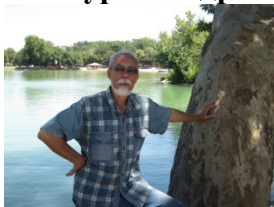
Мне противно пользоваться доказательством «от противного».

НАСА на бабу променял...

Если не можешь не писать, пиши, но зачеркивай.

У всех в шкафах скелеты как скелеты. А у меня - учебные пособия.

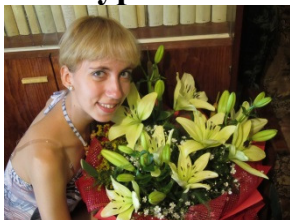
Мансуров Андрей Арсланович.

1960г. рождения. Женат. Дочь - Екатерина.

Родился и всю жизнь живу в г. Ташкент. Закончил Ташкентский Ирригационный Институт. Закончил аспирантуру. Работал энергетиком на асфальто-бетонном заводе. Затем - в Ташкентском зоопарке. В настоящее время – артист Ташкентского Театра оперы и балета им. Алишера Навои. Публикации: роман, и авт. Сборник "Океан" в ЭИ «Аэлита», Рассказы в журналах «Космопорт» («Госпожа Нагайна»), МФ («Другое солнце»), Фантаскоп («Тоннельные»), так же рассказы и путевые очерки в Новозеландском Вестнике, и др. Первое место на 3-м Этапе Конкурса «Великое Кольцо», а рассказом «Занимательное почвоведение».

Мансурова Екатерина Андреевна.

Родилась в 1991 г., и всю жизнь живу в г. Ташкент. Замужем.

В 2012 г. окончила Узбекский Государственный Университет Мировых Языков, два года преподавала английский и русский языки в Учебном Центре. В наст. время не работаю, воспитываю ребенка - сына 4 месяцев.

Совместный большой роман с Мансуровым Андреем (в жанре - альтернативная история) "Машина", пока, к сожалению, не опубликован, как и повести "Янтарные капли" и "Хроники Риархов".

Необъяснимый поступок жениха.

- Алле, алле, Рая! Рая, говорю!.. Это я, Лена! Ты как сейчас - слушать можешь? Ага, ну и отлично! Раечка, мне очень, ну вот реально - очень - нужен твой совет!.. Нет, не совет даже – а консультация! Ну ты же у нас по всем бытовым вопросам – ас! Ну так вот я тебе все сейчас расскажу, и ты мне все объяснишь: а то я прям расстроилась так – даже плакала. Представляешь? Нет, это я - Я! - плакала!.. Ну так вот. Ты же знаешь, что

у меня сегодня должна была быть регистрация... Нет, не гражданства – а в ЗАГС-е. Ну, то есть, я, типа, замуж должна была выйти... Ну вот. Ну да. Спасибо, конечно!.. Два раза. Так вот ты дослушай, дослушай - а потом перебивать будешь! Так вот, говорю: с утра встали с мамусей в полшестого – представь, надо успеть в салон за платьем, и еще мы договорились там прическу сделать... Вот встали, я сразу позвонила Наташе – она у меня свидетельница! Одеваюсь это я... Нет, пока в обычное... Сама говорю с Натусиком, чтобы не забыла чего, пока мы с мамусей до салона-то доедем. Ну мы даже не завтракали – вышли сразу, мамусик поймала тачку – я все с Наташей разговариваю, а потом у меня по второй линии Гриша звонит... Гриша? Ну – жених мой! Ну вот, я Наташке тогда говорю – ты мол, подожди – а то неудобно – жених все-таки! Ну, поговорила с ним недолго - буквально три минуты, он все говорил, чтобы мы там в ЗАГС-то не опоздали... Ну а я ему: не бойся, уж на собственную-то свадьбу - не опоздаю! А он чего-то талдычит про свидетельницу, ну, я и говорю – она сейчас как раз со мной разговаривает, давай, пока, чмоки-чмоки, и отключила его, а сама продолжаю с Натусиком, тут мы как раз доехали до салона, мамусик расплатился, открывает мне дверь, и мы заходим, типа, мы готовы к переодеванию! А тут представляешь – заведующая говорит, что надо платье немного отпарить – они еще с прошлой невесты его должны были сами отпарить, а ни фига не сделали! Ну, я в диких претензиях: как так, ничего не сделали – а как деньги получать, небось мы сразу должны выло-жить, мамусик меня еле утихомирила, эта коза давай своим дурам чего-то орать, и ругаться – я помогаю, как могу - орать, в-смысле - на этих кикимор, а сама еще с Натусиком разговариваю. Вот как раз про платье ей все объясняю, и Натусик, натурально, тоже возмущается, а по второй линии звонит дедусик, и спрашивает, когда бутылки везти в кабак, или мы вначале по памятным местам поедем фотографироваться, а я ему так четко отвечаю: мол, пригласили гостей в кабак к семи вечера, вот и бутылки, стало быть, к шести-полседьмому и надо привезти, и дедусик отключился, а Натусик сказал, что уже оделся и выезжает, а я тут вся прям на изменах: пробую в отпаренное платье залезть, а ничего не получается – оно все висит как на вешалке! - оказывается, корсет с кольцами под низ забыли одеть, потому, мол, что я стояла и трепалась, пока все работали, ну а меня-то уже эти идиотки зашнуровали – представь, типа я оказалась крайняя! Ну а я, конечно, опять орать, и они извиняются, и сразу заткнулись, сразу бы так! Пришлось расшнуровываться, и все снимать, да одевать кросет, и снова одевать -

прикинь, да? - а я вооб-ще вся спарилась от этой нервотрепки, и говорю мамусику, типа, я уже в одном месте видала и это платье, и эту прическу, а все равно - выглядеть-то надо, а Натусик как раз подъехал, и я мо-билу-то выключаю, и мы только расцеловались, как звонит Марина – ей, понимаете ли, нужно узнать, какие цветы должны стоять у меня в комнате к приезду жениха со свидетелем и родите-лями! Ну, я, натурально вся на нервах – только, говорю, не астры, и не ромашки – розы, само-собой, и лучше всего красные, а она чего-то говорит о деньгах, ну, я ее к папусику направила – у меня по второй линии опять звонит Гриша: теперь сообщает, что они со свидетелем уже го-товы, и можно ли им приезжать «выкупать» меня домой к нам, а я еще даже прическу не сде-лала – прикинь, меня только в платье впихнули и зашнуровали – да так, что еле дышу, даже по мобиле говорить невозможно! Ну, тут я уж перетерпела, послала Юлю подальше – она как раз позвонила, можно ли привести моего бывшего ко мне - врубись, наглость? – ко МНЕ на МОЮ свадьбу, поскольку он, гад такой, сволочь бесстыжая, п...с, сделал ей официальное предложение, и теперь типа как бы ее жених, ну а я тогда говорю: приводи хоть всех моих бывших, мне наплевать – пусть ус...тся от зависти, но меня не отвлекай сейчас – а то кудри не лягут как надо, и запихнули мою голову как раз под колпак, и наушник пришлось снять – а то голова не влезала, и мне пришлось полчаса сидеть как на иголках, и даже поговорить не с кем – мамусик как раз пошла звонить папусику, объяснить, где деньги лежат на цветы, чтобы дал этой дурынде Марине, чтобы уже ехала и ехала поскорей, только бы отвяла от папусика... Так что я разговаривала только с Натусиком и этими трупердами из салона, которые вокруг все бегали, как заполошенные, а мне – въезжаешь?! – пришлось всем нашим, и Ане и второй Лене – СМС-ки писать! А ты же знаешь – я печатаю медленно, а тут еще колпак дурацкий не дает голову нормально нагнуть, сижу, как врытая, или надолба какая – прям извелась от тоски, ни тебе живого голоса, ни общения, жуть!.. Наконец, колпак снимают, эта лахудра заведующая подносит мне зеркало, и я как заору! Ну и видон! Кошмар!!! Прикинь, мне накрутили на мелкие бигуди, а я просила на средние!.. Хорошо, мамусик у меня женщина с юмором, говорит: не умрет твой котик, даже если ты в ЗАГС-е будешь со средними, а я типа, смотрю – и правда, ничего получилось, даже миленько - но, конечно, на средние было бы солидней, а так - ну пудель и пудель! Хотя, когда заведующая, на которую я всех собак успела спустить, и лично взялась меня расчесать и уложить с лаком, и постаралась от души, я как глянула в зеркало – а

вроде, оно и ниче-го - красotka та еще! Я ей так и сказала сразу - мол, извините, что так орала, и за грубость, и все такое, а она: да ничего, мол, вам, как невесте и положено сейчас за все нервничать и переживать – такой, мол, день! Ну я типа киваю да поддакиваю, сама себе думаю, коза ты драная, забыла уж небось, как и когда это у тебя самой-то происходило, да если бы тебе перед самой регистрацией так нервы мотали, вот и держи свое с...ное мнение, с...чка крашенная, при себе, ну выходим мы из салона, мамусик рукой машет – подъезжает Васильич, он обещал ей подбросить нас обратно домой, стало быть, вот едем, а я как раз с Катюшей разговаривала, о том, как надо резюме писать о себе, любимой, чтобы на работу, значит, приняли, а тут мой звонит – прямо как заорет на меня: где вы там шляетесь, у нас уже время в ЗАГС ехать подходит, а мы еще тебя не выкупили, тут я так очень даже спокойно – ну, орать-то уже сил нет, наоралась в салоне! - говорю, что уже подъезжаем, а и правда – подъезжали, и можете, типа, подкатывать, он вроде как притих, затем сказал, что едут, я снова на Катю, а тут звонит дед – Марина вернулась, не знает, где какие вазы взять, чтобы расставлять-то все эти цветы! Ну, я дала трубочку мамусику, и она ему сразу все объяснила, а мы уже приехали, а Марина, коза такая, только-только расставлять начала, а тут как раз снизу – как стали гудеть, да орать, я выглядываю в окно – точно, Гриша прикатил, да на двух машинах, и все соседи чуть не сдохли от зависти, наверное - такие шикарные машины получились - с лентами, да куклами на радиаторе, тут мои-то, жених со свидетелем, расфуфыренные такие, и стали подниматься, а я типа, спрятаться должна, чтобы мой-то меня искал – но он, зараза такая, сразу нашел – по голосу, видать: мне как раз тетя Таня звонила из Ужгорода, поздравляла и все такое... И, короче, он меня нашел, Папусик открывает шампанское, мы выпили, и мне по второй линии звонит Дядя Слава, спрашивает, можно, он музыкантов еще и из своего кабака привезет – они, дескать, замечательно поют акапелла, не знаю, правда, кто это, но я ему сказала – пусть привозит хоть черта лысого – мне сегодня не до этого, уже в ЗАГС-е полчаса как надо быть, ну, мы похватили чего надо было – кольца еле на-шли, напрочь забыла, куда я их впопыхах засунула, и мы погрузились в машины, фотограф что-то там щелкает все время, а мне как раз звонит Галочка, просит букетик чтобы когда бросала, постаралась ее Светульчику чтобы попал, и я как стала ржать, как ненормальная: прямо захожусь вся! Сама-то я ни у кого ничего на свадьбах не ловила, да и слава Богу – кажется, не помешало, так вот, ты слушай, и мотай на ус – может, я сдуру так сказала

потом мамусику, что эта старушка с ее debilкой и букетиком с...ным сидят у меня уже в печенках, а машины уже подъехали, и свидетель побежал договариваться – наше время уже час как прошло, а я из машины не вылезая, все с Олей говорю – она как раз позвонила поздравить от всего еенского гадюшника, ну и я ушिरюсь, как могу: ах, спасибо, ах, как приятно, а сама смотрю: мой-то наматывает уже круги вокруг машины, а сам аж красный – видать, волнуется, а тут свидетель вернулся, и говорит, что он уже сунул что положено, и нас прямо вот сейчас пускают, и надо идти, а меня – представь! – вот прямо так и выдернули из машины чуть не за шкуру - я как раз объясняла Сашку где стоят большие фузеры, котрые надо было отвезти тоже в кабак, чтобы - нам и свидетелям, и заходим мы в этот дурацкий ЗАГС, а там внутри нет антенны, и мобила не ловит, так я стала из стороны в сторону мотыляться, чтобы антенну-то поймать, смотрю - мамусик прям заходится вся, сердится, и что-то мне бубнит, дескать, трепаться, типа, прекращай, а Гриша подтаскивает меня прям за локоть к какой-то бабе, так, в-принципе, неплохо прикинутой, и за шикарным таким полированным столом, и еще какие-то идиоты включили музыку - на полную, гады, вывернули – вообще ни хрена в наушнике не слышно стало! А эта коза расфуфыренная спрашивает меня чего-то, а я прислушиваюсь к наушнику, и делаю ей рукой этак – мол, подождите минутку: вы же видите, что я разговариваю, а она типа как заткнулась, а мой-то козел вдруг возьми, да как брось на пол букетик-то, который держал, потом как стал на нем прыгать! Я даже забыла, о чем у нас речь-то с Аней шла... Потом мой выбегает прямо в дверь! Мамусик кричит, что таких дур она отродясь не видала, и как пнет то, что от букетика осталось – прямо в окно! Чего теперь через голову кидать, думаю себе, даже мысль потеряла, которую говорила-то... А папусик – вот уж от кого не ждала! – тоже орет: вот и выходи, мол, теперь за свою debильную пластмассовую коробочку! И тоже побежал – за Гришей, наверное! Я – за ними было, ничего не пойму, а тут все мои свидетели-родственники как стали ржать – как кони, мать их туды в качель!.. Что происходит-то, в конце-концов?!!! Ну вот я тебе че и звоню-то: объясни мне внятно и человеческим языком: что у нас пошло не так? Какого ... мой-то так взбесился и чухнул куда-то? Какая пластмассовая коробочка?!.. Вот еду домой на такси, рыдаю периодически, тебе звоню...

И как ты вот лично думаешь – Гриша-то вернется?!..

ВЕРНИСАЖ ЖАСИНРЕВ

Вернисаж :

Стр. 342. Роберт Шлимак. Художник. Поэт. Автор более 350 произведений живописи, графики и дизайна. Картина «Раздвоение»

Стр. 343. Фаина Зильп. Картина «Моисей».

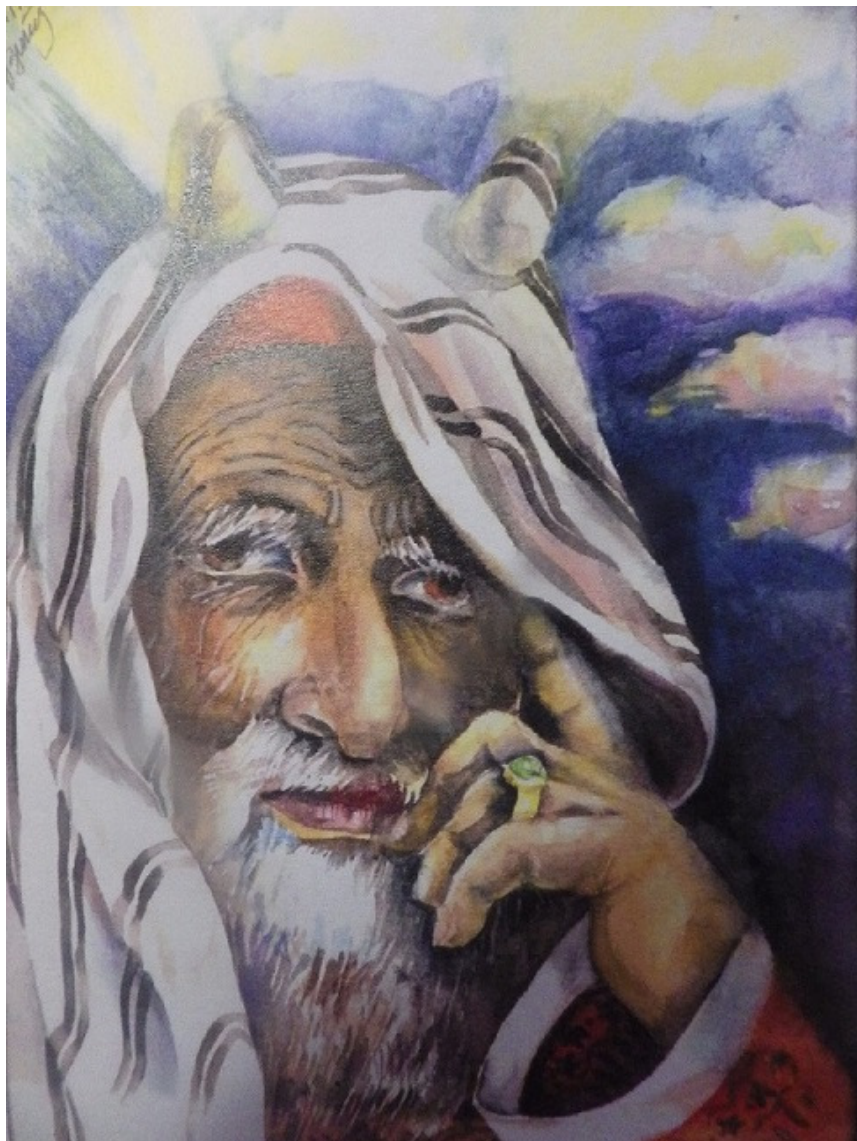
Стр. 344. **Клара Якобсон. 1938г. – 2015г.**

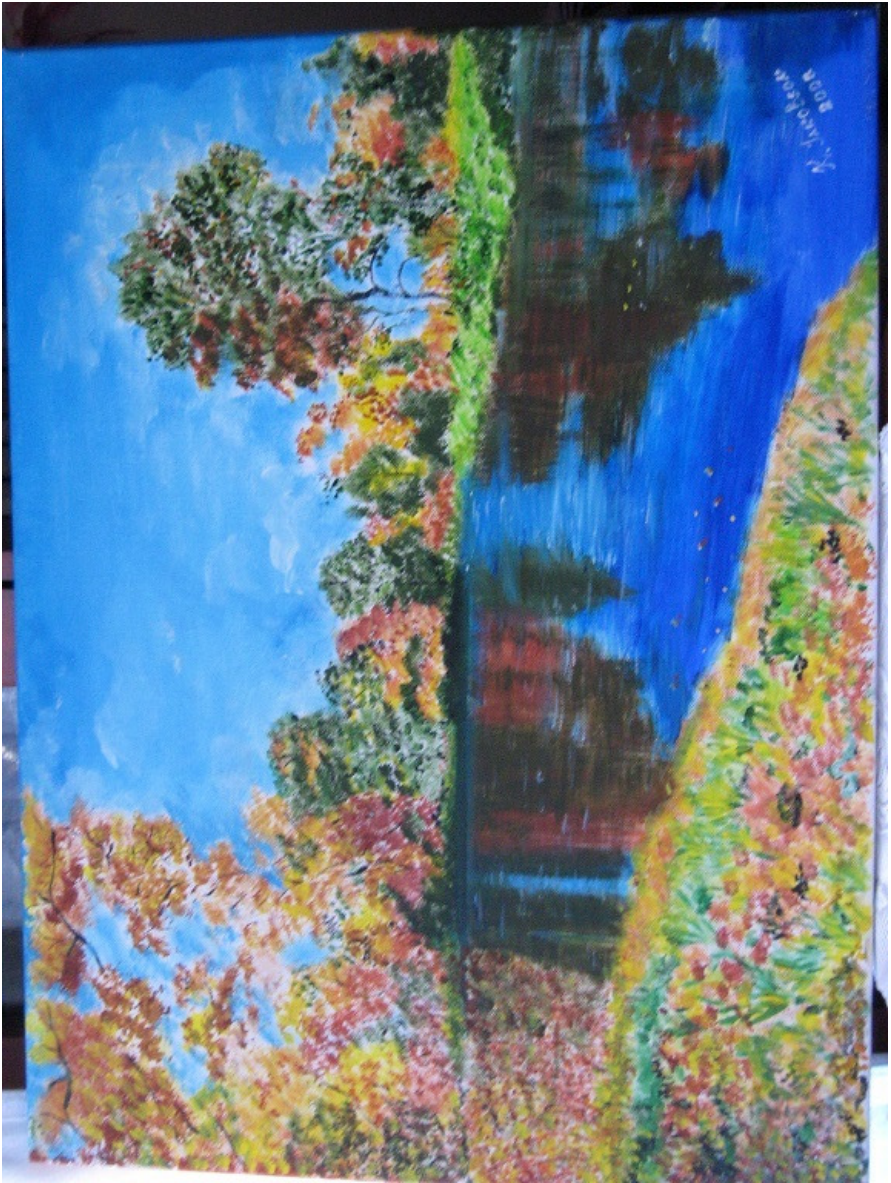
Начиная с 2003 года участвовала как в коллективных, так и в Персональных Художественных выставках в г. Мельбурне. Картина «Австралийский пейзаж».

Стр. 345, 346. Сергей Пашков. Медиапроект «Интеллигент»

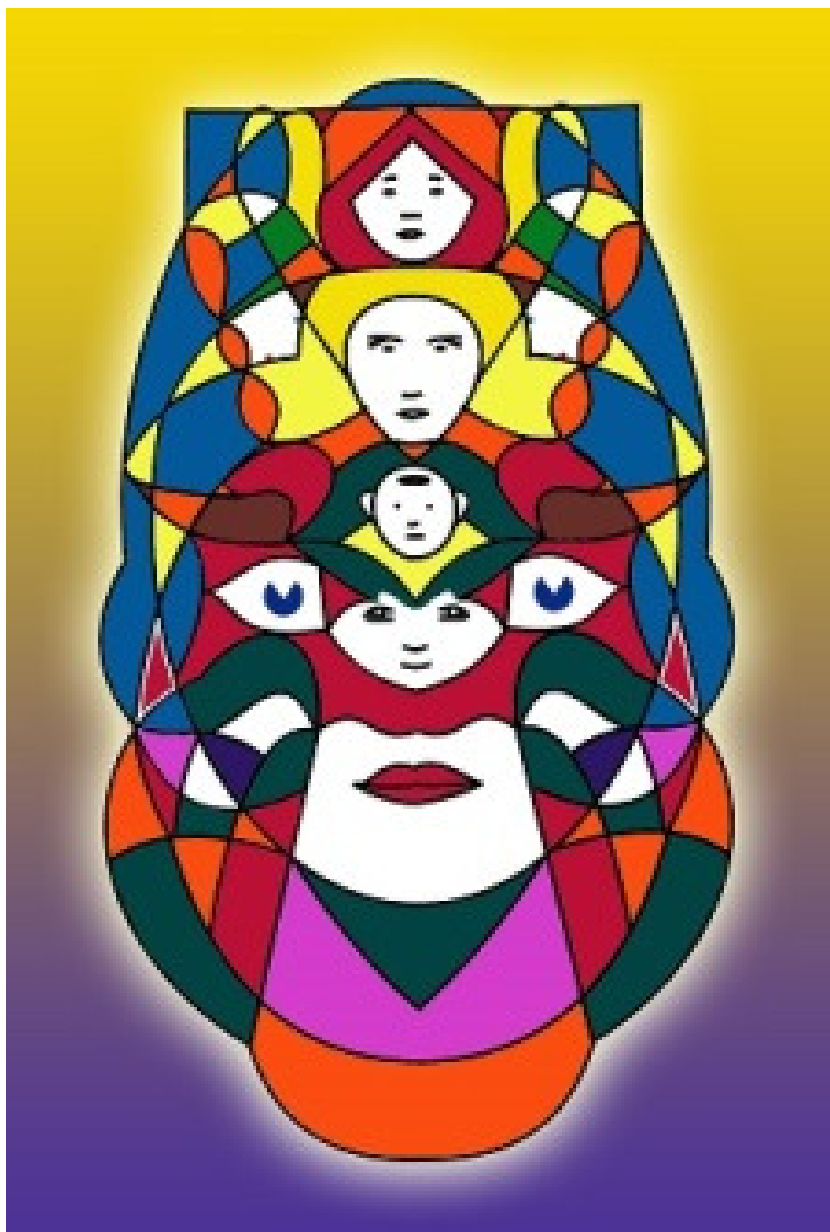
Стр. 347, 348, 349. Художник из Магадана Николай Секушин. Медиапроект «Интеллигент».

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН.....	4
ГРИГОРИЙ АМБУРГ.....	13
ИВАН БОЧКАРЕВ.....	18
ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	22
ЮРИЙ ВАЙСМАН.....	30
ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ.....	33
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	41
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	44
ОЛЬГА ДЕРНОВА.....	49
МАРГАРИТА ЗЕЛЕНСКАЯ.....	56
ФАИНА ЗИЛЬП.....	64
АЛИСА КАСИЛЯУСКАЙТЕ.....	74
МИЛАДА КОНДРАТЬЕВА.....	84
ЕЛЕНА КОПЫТОВА.....	93
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН.....	101
НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	110
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	114
СЕРГЕЙ ЛАЗО.....	117
АЛЕКСАНДР ЛАНИН.....	124
ЯКОВ МАРГУЛИС.....	132
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	140
БЕРТА МИХАЙЛИЧ.....	143
ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.....	149
ВАДИМ МОЛОДЫЙ.....	153
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	163
АЛЕКСАНДР СПАРБЕР.....	171
ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ.....	180
ЛЮДМИЛА ШАРГА.....	185
МАЙЯ ШВАРЦМАН.....	191
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	200
БОРИС ЮДИН.....	209
МИХАИЛ ЯРОВОЙ.....	219
МЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНТ»	222

ПЕРЕВОДЫ

(РЕДАКТОР - НАТАЛЬЯ КРОФТС)

ГРИГОРИЙ КРУЖКОВ.....	234
СТАНИСЛАВ МИНАКОВ.....	241
ГЕОРГИЙ ЯРОПОЛЬСКИЙ.....	248

ЖАКЛИН ДЕ ГЁ.....	251
НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	254

ПРОЗА

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА.....	258
ИГОРЬ ГРОССМАН.....	261
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	264
АЛЕКСАНДР КИЛИПЕНКО.....	275
ИРИНА ОБУХОВА-ЗЕЛИНСКАЯ.....	283
ИРМА УЛИЦКАЯ.....	293..
МИХАИЛ ЯРОВОЙ.....	303

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	313
СЕРГЕЙ СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ.....	319

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД.....	331
АНДРЕЙ МАНСУРОВ, ЕКАТЕРИНА МАНСУРОВА.....	335

ВЕРНИСАЖ	340
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ	
ИРМА УЛИЦКАЯ	
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ	
НАТАЛЬЯ КРОФТС	
ЮРИЙ ВАЙСМАН	
ВАДИМ МОЛОДЫЙ	